SEP 14 1933

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Карл Маркс и царская цензура. — Англо-русское соперничество в Персии в 1880—1900 гг. — Англо-германское сближение в 1898 г. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. — Последние часы Временного правительства в 1917 г. Забастовка на заводе бр. Бромлей в 1903 г. — Романовы и железнодорожные концессии в 70-х годах XIX в.

ЦЕНТРАРХИВ

1933

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Карл Маркс и царская цензура 3
Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг. . . . . [illegible]
Англо-германское сближение в 1898 г. . . . . [illegible]
Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. *(Продолжение)* . . . . [illegible]

Из записной книжки архивиста

Последние часы Временного правительства в 1917 г. . . . . [illegible]
Забастовка на заводе Фр. Бромлей в 1898 г. . . . . [illegible]
Революционеры и [illegible] в 70-х годах XIX в. . . . . [illegible]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ (ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

14 марта [1883 г.], без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей... Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутимой та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

(Из речи Ф. Энгельса на могиле К. Маркса).

Человечество стало ниже на одну голову, и как раз на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своей дорогой, но нет того центрального пункта, куда естественно обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания.

(Из письма Ф. Энгельса Ф. А. Зорге 15 марта 1883 г.).

...Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата...

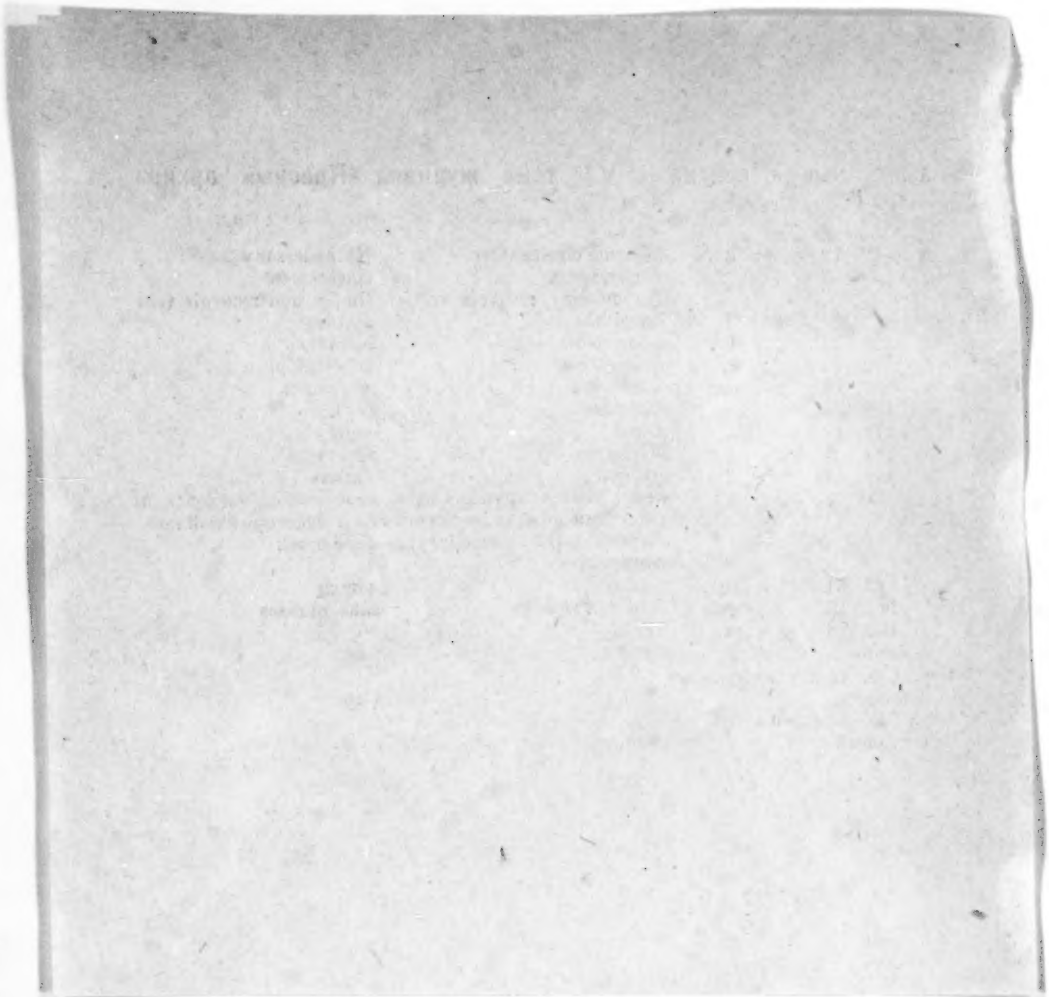
Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности...

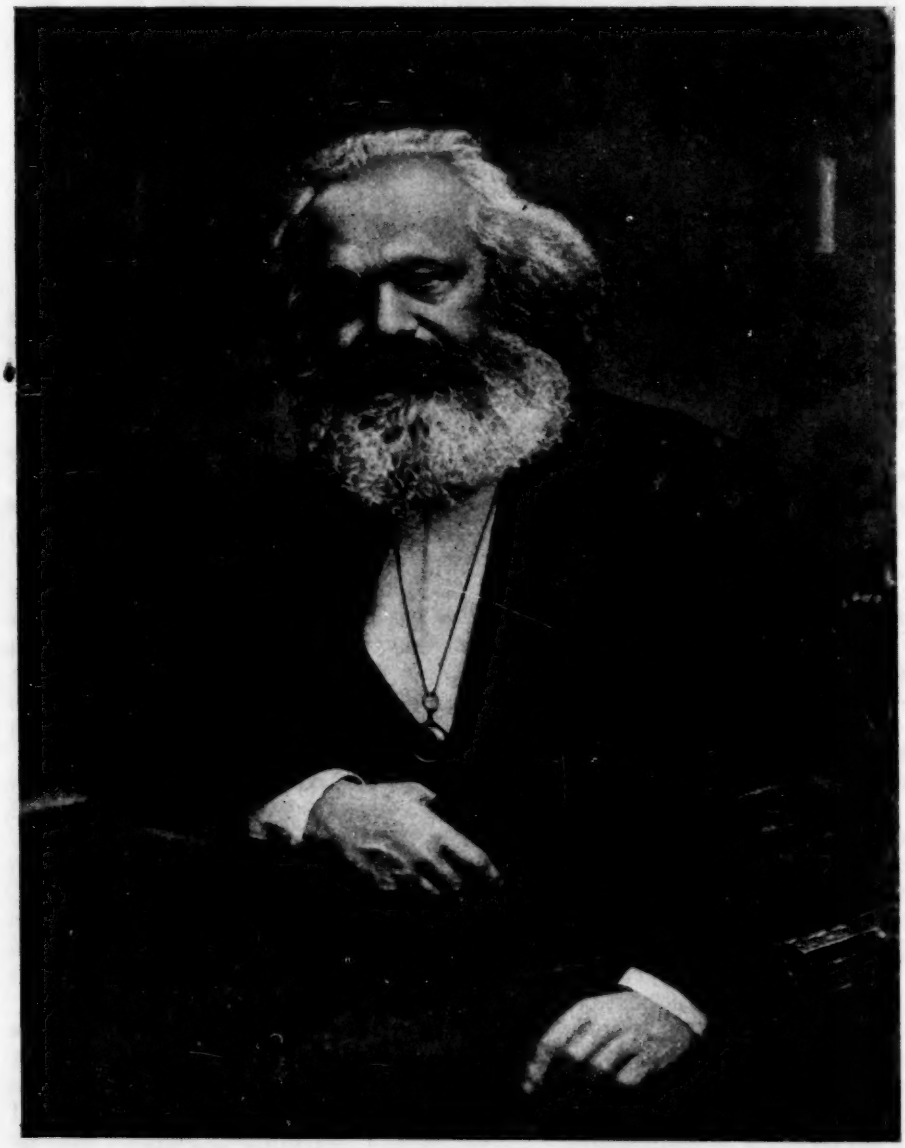
Ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

(И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 6).

Замеченные опечатки в VI томе журнала «Красный архив»

	Напечатано:	Следует:
Стр. 12, 10 строка сн.	Katrhederschwätzer	Kathederschwätzer
„ 18, 3 „ „	sinièrement	sincèrement
„ 18, 1 „ „	fin de nous recevoir tradès adroite	fin de non-recevoir très adroite
„ 28, 28 „ св.	пыталось	пыталась
„ 29, 13 „ „	6 октября	26 октября
„ 57, 14 „ сн.	жеелзной	железной
„ 109, 28 „ св.	Бориско	Бозиско
„ 111, 12 „ „	меры	веры
„ 114, 5 „ „	бсолютно	абсолютн
„ 122, 13 „ „	Antant	Autant
„ 123, 5 „ „	правильность крупных итоговых цифр едва ли может быть теперь подвергнута сомнению	намеченных московской с.-д. общегородской конференцией
„ 123, 31 „ сн.	дошло	дошли
„ 123, 13 „ „	Jans phrases	sans phrases
„ 134, 28 „ св. 2 столбец	под	над
Стр. 135, 15 строка сн. 2 столбец	Гиро	Гирс
Стр. 135, 6 строка сн. 1 столбец	гофа	года



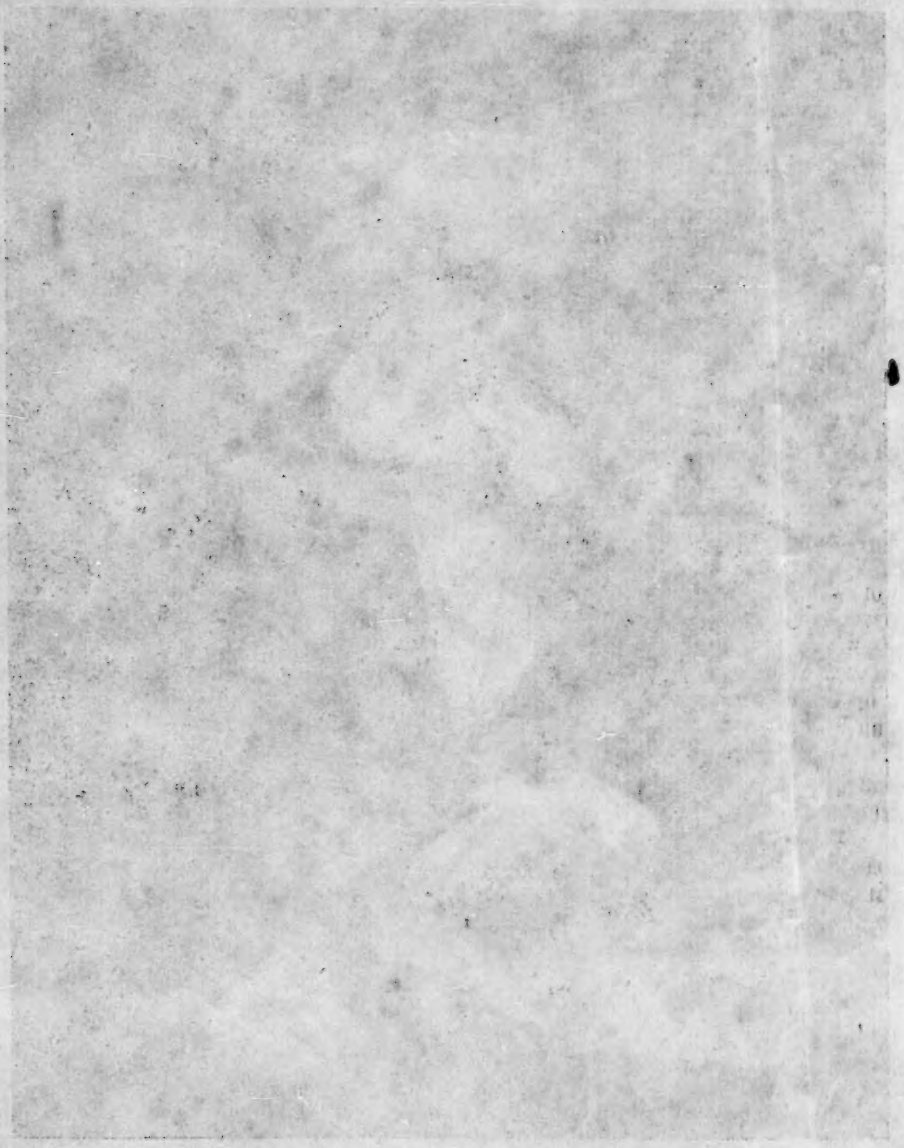


КАРЛ МАРКС

(5 мая 1818 г.—14 марта 1883 г.)

К пятидесятилетию со дня смерти

UNIV. OF MICH.



General Harr.

Карл Маркс и царская цензура.

За более чем сорокалетний период — с момента появления в царской России первых переводов произведений Маркса и до Февральской революции 1917 г. — все попытки распространения учения Маркса через печать неуклонно привлекали самое пристальное внимание цензурного ведомства, этого ревностного охранителя самодержавия и господства буржуазии и помещиков. Однако нужно сказать, что царские цензоры долгое время не понимали в полной мере революционного значения сочинений Маркса, особенно его основного труда—«Капитал».

Как видно из публикуемых документов, первое издание перевода «Капитала» в 1872 г. не вызвало со стороны Цензурного комитета в Петербурге предложений об изъятии, уничтожении и т. д. книги.

Правда, царские цензоры, в числе которых было немало профессоров, с самого начала замечали социалистические и антирелигиозные тенденции этого произведения «пресловутого», — как они выражались, — «президента Интернационального общества», но в этот период тем не менее они полагали, что «афоризмы социалистического характера» К. Маркса вполне безвредны, ибо они «тонут в огромной массе отвлеченной, частью темной, политико-экономической аргументации, составляющей содержание этой книги».

«Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее — поймут ее», — таков основной вывод, интерпретированный одним из докладчиков Петербургского цензурного комитета Скуратовым.

Те же, примерно, взгляды господствовали в цензурном ведомстве и в последующие годы, вплоть до начала 90-х годов, когда в связи с ростом рабочего движения и созданием социал-демократических организаций эти взгляды начали колебаться. Известные колебания продолжаются и в 900-х годах, но в это время уже начинает все более и более оформляться борьба самодержавия с проникновением в массы марксистской теории.

Внося, с одной стороны, I и II томы «Капитала» в список книг, не допускающихся к обращению в публичных библиотеках, и не дозволяя выпуск этих томов новым изданием (1894 г.), запрещая «Нищету философии», заключающую «рассуждения, направленные к разрушению существующего экономического и социального строя», Главное управление по делам печати расшаркивается, с другой стороны, перед тем же «пресловутым президентом», выводы которого «вошли ныне во все читаемые курсы по политической экономии», разрешая к изданию III том и к переизданию недавно запрещенные I и II тома «Капитала» (1898 г.).

1905 год, потрясший основы самодержавия, показавший применение теории марксизма на практике, давший действительную оценку «сухим и серьезным экономическим трактатам» К. Маркса, положил конец всяким колебаниям цензуры. Оправившись после эпохи «свобод» и «бесцензурья» 1905 г., она со всей силой обрушилась на вышедшие в 1905—1906 гг. в издательствах Мягкова, Козмана, т-ва «Знание» и др. десятки произведений К. Маркса.

Язык цензора уже теряет свою эластичность и гибкость: от цензорского благодушия 70-х годов не остается и следа. «Наложить арест», «уничтожить» — этими формулами пестрят и докладные записки цензурных комитетов, и определения судебных палат, и распоряжения Главного комитета по делам печати.

На борьбу с произведениями Маркса мобилизуются все силы. Малейшая попытка «либеральничанья» (как это имело место в 1909 г. при отмене Московской судебной палатой наложения ареста на «Коммунистический манифест») встречает резкий отпор со стороны объединенного цензорско-полицейско-судейского фронта. Сенат, в сентябре 1910 г., вынося приговор об уничтожении «Коммунистического манифеста», писал: «суждения и соображения эти, например, о роли пролетариата, осуществимой только завоеванием общественной власти путем посягательства на право собственности, и так далее, — являются явным возбуждением к ниспровержению существующего в России государственного порядка».

Царская цензура хорошо чувствовала надвигающуюся новую революционную грозу, уже прекрасно к этому времени уразумев все огромное революционизирующее значение марксистской теории. Но десятки запрещений и «разрываний на мелкие части» сочинений Маркса не могли остановить роста революционного сознания русского пролетариата, предотвратить неизбежный конец самодержавного строя. Вооруженный революционной теорией Маркса, русский пролетариат в 1917 г. ниспроверг господство помещиков и капиталистов. На его долю «выпало счастье начать постройку Советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн» (Ленин, Сочинения, т. XXVII, стр. 27).

Подлинники публикуемых документов хранятся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива, в фонде быв. Главного управления по делам печати (д.д. № 18, 38, 74, 96, 97, 148, 155, 159, 216, 241, 254, 263). Здесь печатаются те из документов, которые особенно ярко освещают характер деятельности царской цензуры.

Доклад цензора Скуратова в Петербургский цензурный комитет 23 марта 1872 г.

Книга под заглавием: «Капитал. Критика политической экономии. Соч. Карла Маркса, перевод с немецкого, т. I», в представленной рассмотрению цензора Скуратова части оной, от стр. 1 до 324, заключает в себе, как и должно было ожидать, немало мест, обличающих социалистические и антирелигиозные направления пресловутого президента Интернационального общества. Чтобы доказать это, довольно указать на страницы предисловия — XIII и самой книги — 37, 46, 50, 51, 52, 53, 56, 58, 107, 120 178, 179, 181, 183, 200, 203, 212, 213 и 253, в которых читаем, например (стр. 120), что «капиталист идет с улыбкой на губах, полный энергии, а работник выступает робко, неохотно, как человек, вынесший на рынок свою собственную шкуру и ожидающий, что ее таки порядочно промнут, прежде чем выжмут из нее то, для чего купили»... или на стр. 178: «капитал есть мертвый труд, который, подобно вампиру, оживает вследствие всасывания в себя живого труда...», или на стр. 182: «крепостные отношения существовали в Дунайских княжествах лишь фактически до тех пор, пока Россия, под предлогом уничтожения крепостного права, не возвела их в положительный закон. Кодекс барщинных повинностей, обнародованный в 1831 г. русским генералом Киселевым, был продиктован самими боярами. Посредством этого кодекса Россия завоевала одним ударом распо-

ложение магнатов и одобрительные рукоплескания либеральных кретинов целой Европы...», или на стр. 222: «В своем безмерном, слепом стремлении к прибыли, в своем бешеном, волчьем голоде по отношению к прибавочному труду капиталист переходит не только нравственные, но и чисто физические наивысшие границы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он грабит у ребенка время, требующееся для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он отжиливает минуты от времени, отведенного для еды, и старается, чтобы еда совершалась во время самого производства, так что пища доставляется работнику, как уголь доставляется паровому котлу», и т. п.

Но как ни сильны, как ни резки отзывы Маркса об отношениях капиталистов к работникам, цензор не полагает, чтоб они могли принести значительный вред, так как они, так сказать, тонут в огромной массе отвлеченной, частью темной, политико-экономической аргументации, составляющей содержание этой книги. Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее. Притом же исследование автора относится исключительно к заграничным порядкам фабричной промышленности, преимущественно английской, о русских фабриках упоминается только вскользь в двух или трех местах. Маркс не предлагает и не защищает в этом сочинении до 324 стр. какой-либо новой организации труда, основанной на коммунистических началах. Его сочинение имеет характер преимущественно критический, как явствует из заглавия. Критика его направлена не против существования индивидуальных капиталов или частной собственности, а против злоупотреблений как собственностью, так и капиталом, проистекающих из неограниченной конкуренции, проповедуемой господствующей в Англии политико-экономической теорией невмешательства и свободной торговли. Эта-то неограниченная конкуренция и возбудила, по его мнению, чрезмерное, ничем не ограничивающееся стремление к увеличению частных состояний на счет довольства и благосостояния рабочих классов. «Дело это», говорит он на стр. 218, «не зависит от добрых или злых наклонностей отдельного капиталиста. Свободная конкуренция придает постоянным законам капиталистического производства значение внешнего принудительного закона по отношению к каждому отдельному капиталисту».

Цензор полагает, что книга эта тем менее может быть подвергнута судебному преследованию, что правительство наше вовсе не следует принципам теории невмешательства и свободной торговли и что в настоящее время особой комиссией составлен проект, в котором благосостояние рабочих столь же заботливо ограждается против возможных злоупотреблений со стороны хозяев, как и выгоды хозяев против распущенности или невыполнения обязанностей со стороны работников.

Д. Скуратов.

Доклад цензора Де-Роберти в Петербургский цензурный комитет 25 марта 1872 г.

«Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого. Т. I. Процесс производства капитала».

Рассмотрение этого сочинения в цензурном отношении поручено цензору, начиная с 324-й страницы. Здесь автор определяет значение машин как орудия производства в развитии крупной промышленности,

стараясь доказать, что машины служат к усилению и распространению власти капитала над рабочими, не увеличивая благосостояния последних, ибо с изобретением машин капитал нашел возможным употребить в дело более дешевых рабочих, т. е. женщин и детей, лишив средств к существованию более дорогих, взрослых работников, «так как степень производительности машины измеряется тем, насколько она вытесняет рабочую силу человека» (стр. 345, 381, 384). Далее автор указывает на нравственное увечье и умственное одичание, искусственно производимые обращением несложившегося еще человека в простую машину для фабрикации прибавочной стоимости (стр. 353). Машина создает, с одной стороны, новые условия, дающие полную возможность капиталу достигнуть постоянной своей цели, т. е. уменьшения необходимого рабочего времени при производстве товара и удлинения рабочего дня, а с другой стороны, представляет новый мотив для удовлетворения ненасытной страсти к чужому труду (стр. 356). В доказательство своих доводов автор приводит множество данных, заимствованных из официальных и частных источников, касающихся развития промышленности в Англии — этой «классической стране капиталистического производства». Затем автор продолжает исследование производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости; указывает на причины изменения величины цены рабочей силы и, между прочим, говорит, что «капитал есть не только хозяин труда, но преимущественно хозяин неоплаченного труда, ибо всякая прибавочная стоимость, в какой бы форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в форме ли прибыли процента, ренты и т. п., по самой сущности своей есть воплощение неоплаченного рабочего времени. Тайна самоувеличения стоимости капитала объясняется пользованием определенным количеством чужого неоплаченного труда (стр. 463). Затем автор переходит к стоимости или цене рабочей силы и объясняет процесс превращения ее в форму рабочей платы.

Во всем доселе приведенном содержании сочинения Карла Маркса нельзя не заметить его социалистических стремлений, которые еще более ясно выражены в следующей, 6-й главе, посвященной анализу процесса накопления капитала. «Первоначальное право собственности, — говорит автор, — представляется нам основанным на собственном труде; теперь же собственность является со стороны капитала правом присвоения чужого неоплаченного труда и продукта его; со стороны же рабочего — невозможностью овладеть собственным продуктом» (стр. 506). «Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно и капиталистическая частная собственность есть отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде» (стр. 650).

Мнение цензора:

Принимая в соображение: 1-е, — что приведенные здесь и многие другие афоризмы социалистического характера тонут в массе технических подробностей процесса экономических явлений и потому не могут произвести опасного впечатления при допущении к обращению в публике объемистого сочинения, заключающего в себе 678 страниц; 2-е, — что при изложении предмета своего сочинения автор, как он высказывается и сам в предисловии (стр. XII), стоит на точке зрения исторического развития экономического процесса, а никакое общественное лицо не считает ответственным за те экономические отношения, которые им олицетворяются, и, наконец, 3-е, — что настоящее сочинение в подлиннике допущено уже к свободному обращению и к переводу Комитетом иностранной цензуры, —

№ 74 АРХИВА №

ДѢЛО

II-го ОТДѢЛЕНІЯ

КАНЦЕЛЯРІИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ

О сочиненіи Карла Маркса „Капиталъ", и 2-мъ томахъ, воспрещенномъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и къ перепечатанію новымъ изданіемъ

НАЧАЛОСЬ 8 Декабря 1893 ГОДА.

ЗАКОНЧЕНО 14 Января 1894 ГОДА.

На 30 листах

Обложка дела Главного управления по делам печати (1894 г.) о запрещении обращения в публичных библиотеках и перепечатки новым изданием I и II томов «Капитала» К. Маркса.

цензор [1]) полагает, что, несмотря на явно социалистическое направление сочинения Карла Маркса, не представляется возможности к возбуждению судебного преследования по отсутствию закона, применение которого давало бы надежду на осуждение этого сочинения в русском переводе.

Цензор А. Де-Роберти.

Доклад цензора Ведрова в Петербургский цензурный комитет 17 декабря 1885 г. [2]).

«Капитал. Критика политической экономии, сочинение Карла Маркса, изданное под редакцией Фридриха Энгельса. Том 2-й, книга II. Процессы обращения капитала. СПБ. 1885».

Сочинение Маркса строго ученое, основанное на формулах, в которых развивается капитал на различных стадиях. Главная мысль автора, что капитал поглощает всякую прибыль, рабочая же сила имеет самое необходимое за затрачиваемые ею силы, проявляется и в этом томе во всех подробностях. Без всякого сомнения, эта мысль — господство капитала — выражена только в объективных фактах, без всяких возбудительных фраз, но она, как всеобъемлющая социальная идея, может повлиять на умы и, без всяких выводов автора, доставить тенденциозную опору разным заключениям. На стр. 8 ссылка на изменившийся характер русского землевладения (жалобы землевладельцев) — этап «так называемой эмансипации». На стр. 67 указание на значение государственного производства (каким оно является, будучи основано на крепостничестве в ранние эпохи русской истории).

В главе 12 «Рабочий период» все остроумие автора направлено к сопоставлению выгоды капиталистов и потери ужасного труда рабочих.

Все эти суждения, хотя и невыгодные для капиталистов, имеют строго научно-экономический характер. Автор, противопоставляя «рабочие союзы» (Trades'Unions) действиям капиталистов, смеется над их холостыми выстрелами и «их прихвостнями экономистами» (252-253).

Разрушительной теории Маркса-социалиста не существует в его сочинении «Капитал» в русском переводе, но тенденциозность пагубного влияния капитала и недостаточности вознаграждения рабочему проникает все сочинение.

Цензор, не находя ничего препятствующего к выпуску этого сочинения в публику, кроме господствующей идеи опровержения владычества капитала, имеет честь предоставить решение комитету, напомнив о том волнении, которое произвело появление первого тома сочинения Маркса «Капитал» в русской публике не столько содержанием, сколько одним именем автора [3]).

Цензор В. Ведров.

---

[1]) В подлиннике, при обработке доклада для представления в Главный комитет по делам печати, слово «цензор» зачеркнуто и написано над ним: «Комитет, согласно с мнением цензоров, рассматривавших книгу». В конце доклада тем же почерком приписано: «Но имея в виду, что автор есть известный социалист Западной Европы, долгом считает заявить о выходе книги Главному управлению по делам печати».

[2]) На подлиннике пометы: «Доложено его превосходительству г. начальнику Главного управления. 17 декабря 1885 г.» и «Журнал заседаний 27 декабря 1885 г., ст. 3».

[3]) На подлиннике, ниже подписи цензора, следующая помета: «Комитет, признавая, что настоящее сочинение есть серьезное экономическое исследование, доступное как по содержанию, так и по изложению лишь специалистам, не усматривает препятствий к появлению в свет настоящего издания и определил: доклад цензора принять к сведению».

Отношение Главного управления по делам печати на имя министра внутренних дел 3 января 1894 г. № 27.

В марте 1872 г. в С.-Петербурге отпечатан был, без предварительной цензуры, и выпущен в свет первый том сочинения Карла Маркса «Капитал». Сочинение это, по отзыву С.-Петербургского цензурного комитета, в котором оно рассматривалось, представляет собою «серьезнейший и тяжелый по изложению финансовый труд, так что одолеть его не каждому под силу».

В декабре 1885 г. издан был второй том того же сочинения, причем оно, как и первый том, отличаясь одинаковыми качествами изложения, весьма солидным объемом и значительною ценою (2 р. 50 коп. за книгу), также не встретило, как сочинение чисто научное, цензурных затруднений при выходе в свет.

Ныне департамент полиции, между прочим, возбудил вопрос о новом цензурном пересмотре второго тома сочинения «Капитал», прося уведомления о том распоряжении, которое будет сделано по этому предмету Главным управлением по делам печати.

Ввиду сего и принимая во внимание, что книга, выпущенная в свет без предварительной цензуры, на основании действующих постановлений, не может быть подвергнута изъятию из обращения даже в том случае, если бы она по содержанию и представлялась впоследствии неудобною, а также и то, что второй том рассматриваемого сочинения, помимо серьезности и сухости изложения, издан восемь лет тому назад и следовательно вряд ли теперь имеется в продаже в сколько-нибудь значительном количестве экземпляров, Главное управление по делам печати полагало бы возможным: включив оба тома сочинения Маркса «Капитал» в дополняемый ныне алфавитный список произведений печати, которые, на основании высочайшего повеления 5 января 1884 г., не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, сделать распоряжение по цензуре о недозволении выпуска в свет этого сочинения новым изданием.

О таковом предположении имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства [1]).

Начальник Главного управления по делам
печати Е. Феоктистов.

Из справки Главного управления по делам печати. Январь 1894 г.

Заграничное издание сочинения Карла Маркса «Das Kapital, I Band» впервые было разрешено иностранной цензурой к ввозу в империю 7 января 1871 года, причем в рапорте Центральному комитету цензора по поводу названного сочинения было означено, что оно «позволено в подлиннике и для перевода». Равным образом, разрешен был ко ввозу в 1885 году

---

[1]) Это предложение Главного управления по делам печати министром внутренних дел было одобрено, в связи с чем Главное управление разослало всем губернаторам, цензурным комитетам и отдельным по внутренней цензуре цензорам соответствующие циркулярные письма. (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 74, лл. 6, 10).

В отмену этого постановления Главное управление в 1898 г. разрешило с утверждения министра внутренних дел 2-е издание обоих томов «Капитала». I том вышел в марте 1898 г. в изд-ве Даниэльсона, II том—в августе того же года в изд-ве Аскарханова (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 162, л. 11 и д. № 24, л. 13).

и второй том этого сочинения «Das Kapital, II Bd., Der Circulationsprocess des Kapitals».

В 1890 году, по рассмотрении вновь поступившего 4-го издания первого тома «Das Kapital», снабженного двумя предисловиями редактора этого издания, Фридриха Энгельса, Центральный комитет цензуры иностранной, не соглашаясь с мнением цензора, полагавшего возможным дозволить этот том к обращению, с исключением лишь предисловий, постановил: «Запретить все сочинение».

1 февраля 1894 г. (отношение за № 695) департаментом полиции сообщено было Главному управлению по делам печати, для соответствующих распоряжений, о полученных департаментом сведениях относительно отпечатания в Цюрихе 3-го и 4-го томов сочинений Маркса.

Вследствие сего Главным управлением по делам печати предложено было Центральному комитету цензуры иностранной (предл. 7 февр. 1894 г. № 809), в случае поступления означенных книг из-за границы, отнюдь не дозволять их к обращению в России.

2 мая 1895 года (предст. за № 1496) Центральный комитет цензуры иностранной, рассмотрев поступивший в оный третий том сочинений Маркса «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg. 1894. III Band», вошел с представлением в Главное управление по делам печати по вопросу о том, не признано ли будет возможным, ввиду строго научного содержания сочинений Маркса, дозволить полный оригинальный текст всех трех томов «Das Kapital», за исключением двух предисловий самого Маркса, помещенных в I томе.

Предложением от 24 мая 1895 года за № 3303 Главным управлением по делам печати сообщено было Центральному комитету цензуры иностранной, для руководства, что все эти тома сочинений К. Маркса не должны быть дозволяемы к обращению, но могут быть выдаваемы по просительным запискам нуждающимся в них по роду своих научных занятий или заслуживающим доверия по своему общественному и служебному положению [1]).

Доклад цензора Матвеева в Петербургский цензурный комитет 3 ноября 1896 г.

Означенная книга [2]) объемом в 737 страниц отпечатана в типографии Демакова и представлена в качестве переводного сочинения, изъятого от предварительной цензуры.

В ней содержится, кроме текста трактата «Процессы капиталистического производства»:

1) Предисловие неизвестного автора к русскому переводу, излагающее содержание первых двух томов сочинения Маркса о капитале и заключающее в себе 17 страниц.

2) Предисловие немецкого редактора к этому тому «Капитала» Фридриха Энгельса на 29 страницах.

На основании циркуляра Главного управления по делам печати

[1]) Запрещение «к обращению в публике» заграничного издания «Капитала» 24 мая 1897 г. было отменено, «под условием исключения из I тома предисловия автора» (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 74, л. 9).

[2]) Так в подлиннике. Речь идет о книге «К. Маркс. Критика политической экономии. Под редакцией Ф. Энгельса. Перевод с немецкого. Том III. Книга III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом».

Портрет К. Маркса, представленный в Петерб. ценз. комитет изд-вом Аскарханова 11 июля 1898 г. по ошибке фактора изд-ва для разрешения к печати—вместо «Капитала»—к книге «Товар и деньги» Аскарханова» и разрешенный цензурой «только для этой книги». По выяснении недоразумения портрет для напечатания в «Капитале» был запрещен.

от 18 сентября сего года и заключающегося в нем толкования 6-й статьи цензурного устава, предисловие русского автора к переводу настоящего тома подлежит предварительной цензуре с приостановкою книги.

Кроме того предшествующие два тома сочинения Карла Маркса о «Капитале», — из них первый издан в русском переводе в 1872 году, а второй в 1885 году, — распоряжением г. министра внутренних дел, изложенным в циркуляре Главного управления по делам печати от 14 января 1894 года, «не дозволены к перепечатке».

Настоящий же том сочинения Карла Маркса, как это видно из справки, доставленной Комитетом цензуры иностранной, запрещен к обращению у нас и на немецком языке.

По содержанию своему третий том трактата Маркса, озаглавленный «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», заключает в себе изложение в более конкретной форме экономических теорий автора, содержащихся в двух первых томах, и дальнейшее развитие его учения о прибавочной стоимости.

О всем вышеизложенном честь имею представить на благоусмотрение цензурного комитета ввиду необходимости задержать книгу [1]).

Цензор П. Матвеев.

Отношение Петербургского цензурного комитета на имя старшего инспектора типографий в Петербурге Никитина 4 ноября 1896 г. № 2183.

Весьма нужное.

2-го сего ноября представлена в С.-Петербургский цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в типографии В. Демакова (Новый переулок, № 79) книга: «Капитал. Критика политической экономии. Соч. Карла Маркса, изданное под редакцией Фридриха Энгельса. Перев. с немецкого. Том третий. Книга III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом».

Книга отпечатана, по показанию типографии, в количестве 3020 экземпляров и заключает в себе XLVI+734 страниц в «8» долю.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать немедленно распоряжение о приостановке выпуска этого издания в свет, впредь до дальнейших распоряжений.

О последствиях настоящего сообщения имею честь просить скорейшего уведомления.

И. д. председателя [подпись].
Цензор [подпись].

Доклад цензора Воршева в Петербургский цензурный комитет 3 ноября 1899 г.

20 июня 1865 г. Карл Маркс произнес в Лондоне речь, в которой опровергал взгляды гражданина Вестона по вопросам о заработной плате,

[1]) Цензурный комитет не согласился с мнением цензора и в докладной записке в Главное управление по делам печати 7 ноября 1896 г. за № 2207 представлял, что этот «серьезный экономический трактат» едва ли может быть признан подлежащим запрещению, так как выводы К. Маркса «вошли ныне во все читаемые курсы по политической экономии». Главный комитет принял ту же точку зрения в этом вопросе и разрешил III том «Капитала» к выпуску в свет (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 155, лл. 7, 8).

цене и прибыли, причем аргументация последнего основана была на следующих двух положениях: 1) что сумма национального производства неизменна или величина постоянная и 2) что сумма заработной платы, т. е. количество потребления, которое может быть приобретено рабочими, есть также неизменная постоянная величина [1]).

В общих чертах опровержения К. Маркса на вышеприведенную аргументацию Вестона могут быть выражены в том, что заработная плата находится в зависимости от населения, для которого определенной нормы нет, что возрастание в производстве постоянного капитала на счет переменного в связи с развитием техники должно создать излишек рабочих рук, что непостоянство заработной платы зависит не от абсолютного числа рабочих, а от отношения, в котором рабочее население распадается на работающее и ищущее труда, что и изменяет цену на труд, и поэтому Маркс решительно отрицал неизменную величину заработной платы.

Опровергнув таким образом вышеприведенную аргументацию Вестона и находя, что процесс экономического развития ведет к прогрессивной концентрации производства и к господству крупных капиталистов, Карл Маркс стремится исследовать те приемы и расчеты капиталистов, которыми они пользуются, и сводит их к одному, — как он выражается, — взять возможно больше, причем эти приемы и расчеты капиталистов излагает в своем учении о ценности, которую он определяет количеством труда, затраченного на всякое производство, и о прибыли, возникающей из неоплаченного труда наемных рабочих. Оба вышеприведенных учения в своей речи Карл Маркс излагает в форме, доступной для понимания большинства, поясняя многое простыми математическими примерами и, как видно, для того, чтобы его аргументация была вполне понята наемными рабочими, так как во время своего пребывания в Лондоне он был выразителем интересов рабочих классов.

Речь Карла Маркса по существу следует отнести к учению о социализме, и по своему небольшому объему она (58 стр.) может иметь широкое распространение среди рабочего населения, и потому цензор, применяясь к 95 ст. Уст. о цензуре и печати, полагал бы эту рукопись к печати не дозволять [2]).

Цензор Воршев.

Докладная записка Петербургского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати 8 ноября 1901 г. № 1720.

Выслушав доклад цензора, С.-Петербургский цензурный комитет нашел, что представленная в настоящее время книга «Карл Маркс. Нищета философии, издание Зябицкого и Пятина» [3]) значительно отличается как по объему, так и по содержанию от вышедшей в г. Киеве в 1898 г. с разрешения предварительной цензуры книги «Нищета философии», без обозначения имени автора; разница между этими книгами весьма существен-

---

[1]) Речь идет о рукописи «Карл Маркс. Заработная плата, цена, прибыль» (перевод с французского), представленной в Цензурный комитет издательством Вс. Попова.

[2]) На подлиннике помета: «Рукопись не дозволять к печати и на основании 58 ст. Уст. о цензуре удержать при делах комитета». В марте 1900 г. эта рукопись была вторично представлена в Цензурный комитет и вновь не разрешена к печати по докладу того же цензора Воршева (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 81, л. 61).

[3]) Издана в 1901 г. в Петербурге.

на [1]), так как в последней исключены в самом критическом трактате Маркса о книге Прудона, составляющем центр книги, наиболее резкие места, а равно и не имеется приложений, которыми снабжена первая из вышепоименованных книг. В настоящем же своем виде она заключает в себе рассуждения, направленные к разрушению существующего экономического, государственного и социального строя и проповедь вредных учений социализма и коммунизма, доходящую до предсказаний революции пролетариата.

Ввиду такого содержания книги и принимая во внимание, что заграничное ее издание (Женева, типография «Освобождение труда») значится в алфавитном каталоге изданием на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России, С.-Петербургский цензурный комитет признает книгу «К. Маркс. Нищета философии. Перевод Пятина и Белявского» подлежащею действию ст. 149 Уст. о цензуре и печати.

Об изложенном комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, присовокупляя, что срок выхода в свет означенной книги истекает 10 сего ноября в час дня.

Экземпляр книги с отметками цензора при сем препровождается.

Председатель А. Катенин.
За секретаря граф Головин.

Отношение Главного управления по делам печати в Петербургский цензурный комитет 8 ноября 1901 г. № 9109.

Главное управление по делам печати, на основании ст. 149 Уст. о цензуре и печати (т. XIV, Св. зак. изд. 1890 г.), предлагает С.-Петербургскому цензурному комитету приостановить выпуск в свет отпечатанной без предварительной цензуры книги под заглавием «Карл Маркс. Нищета философии. Перевод с французского Пятина и Белявского, под редакцией М. Филиппова. Издание Зябинского и Пятина. СПБ. 1901 г.» [2]).

Начальник Главного управления
по делам печати кн. Шаховской.
За правителя дел [подпись].

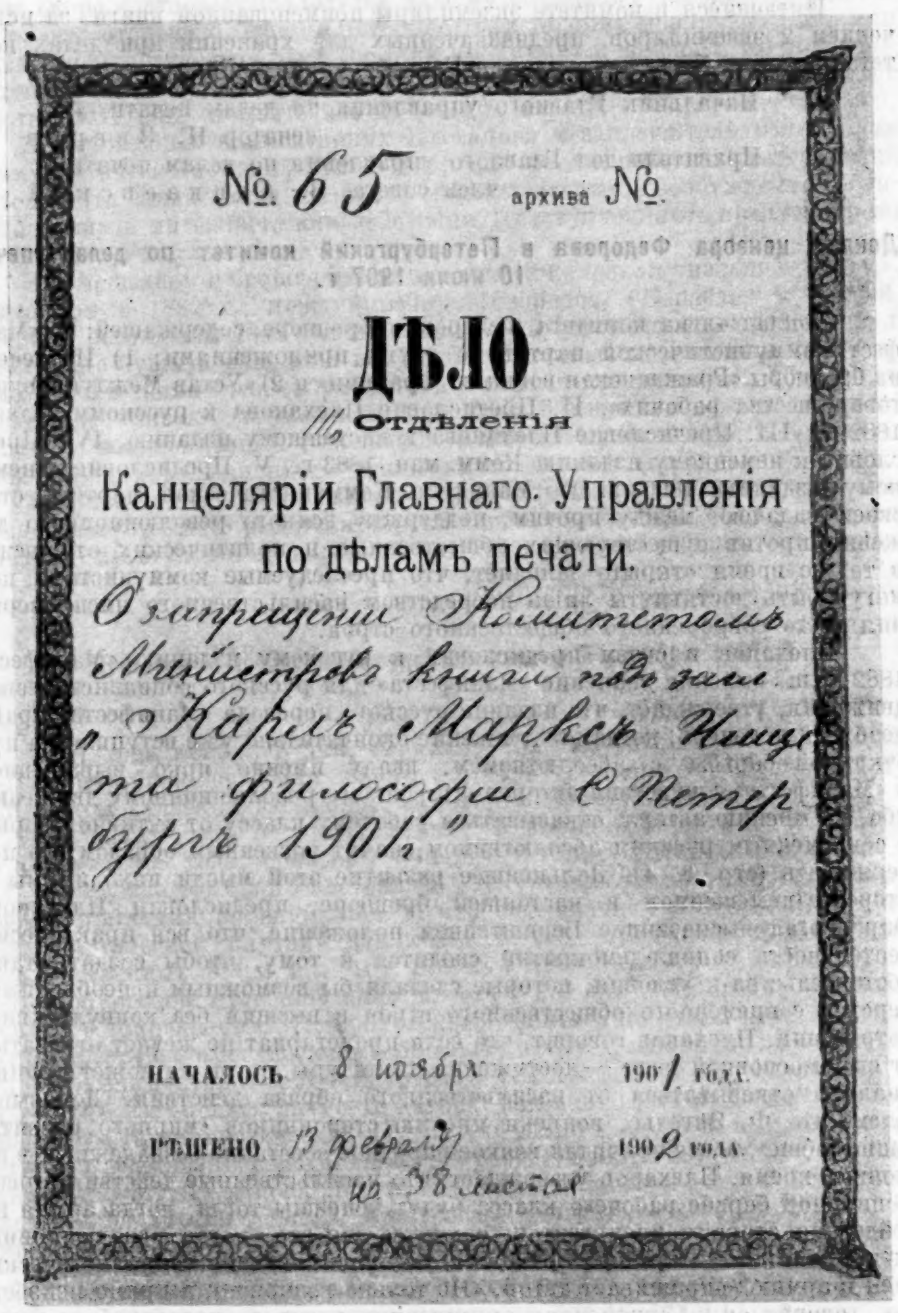
Отношение Главного управления по делам печати в Петербургский цензурный комитет 26 ноября 1902 г. № 10732.

Комитет министров, рассмотрев представление г. министра внутренних дел о книге под заглавием «Карл Маркс. Нищета философии. Ответ на философию нищеты Прудона. С предисловием Фридриха Энгельса. СПБ. 1901» и признав распространение этого издания вредным, положил: выпуск в свет означенной книги, на основании ст. 149 Уст. о цензуре и печати, т. XIV, Св. зак. изд. 1890 г., воспретить.

Об этом Главное управление по делам печати уведомляет С.-Петербургский цензурный комитет вследствие представления от 8 ноября 1901 г. за № 1720, присовокупляя, что об уничтожении упомянутой книги сообщено и. д. с.-петербургского градоначальника.

---

[1]) «Весьма существенна» написано над зачеркнутым «настолько значительна».
[2]) На подлиннике помета: «Весьма нужное. Сообщить старшему инспектору типографий. 8 ноября».



№ 65 архива №

ДѢЛО

III Отдѣленія

Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

О запрещеніи Комитетомъ Министровъ книги подъ заглавіемъ „Карлъ Марксъ Нищета философіи" С.Петербургъ 1901 г.

НАЧАЛОСЬ 8 ноября 1901 года.

РѢШЕНО 13 февраля 1902 года.

на 38 листахъ

Обложка дела Главного управления по делам печати (1902 г.) о запрещении сочинения К. Маркса «Нищета философии», изд. Зябицким и Пятиным в Петербурге в 1901 г.

Имеющиеся в комитете экземпляры поименованной книги, за исключением 2 экземпляров, предназначенных для хранения при делах комитета, должны быть доставлены в Главное управление.

Начальник Главного управления по делам печати
сенатор Н. Зверев.
Правитель дел Главного управления по делам печати
член совета В. Адикаевский.

Доклад цензора Федорова в Петербургский комитет по делам печати 10 июля 1907 г.

Доклад члена комитета Федорова о брошюре, содержащей: I. «Манифест коммунистической партии» с двумя приложениями: 1) Извлечение из брошюры «Гражданская война во Франции» и 2) «Устав Международного товарищества рабочих», II. Предисловие Плеханова к русскому изданию 1882 г., III. Предисловие Плеханова к настоящему изданию, IV. Предисловие к немецкому изданию Комм. ман. 1883 г., V. Предисловие к немецкому изданию 1890 г. [1]). Манифест Коммунистической партии, ставя своею задачею, между прочим, поддержку всякого революционного движения против существующих общественных и политических отношений, в то же время открыто заявляет, что преследуемые коммунистами цели могут быть достигнуты лишь посредством насильственного ниспровержения всего современного общественного строя.

Плеханов в своем предисловии к русскому изданию «Манифеста» 1882 года, выясняя значение «Манифеста» для русского социалистического движения, утверждает, что издание русского перевода «Манифеста» крайне необходимо теперь, когда это движение окончательно уже вступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, ввиду именно ярко выраженного в «Манифесте» сочувствия авторов его всякому революционному движению, ибо, по мнению автора, отказываться рабочему классу от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать (стр. 3, 4). Дальнейшее развитие этой мысли находим мы во втором, помещенном в настоящей брошюре, предисловии Плеханова. Опровергая высказанное Бернштейном положение, что вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали бы возможным и необходимым переход современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений, Плеханов говорит, что если пролетариат не желает отказаться от своей основной цели — достижения диктатуры, то он не может принципиально отказываться от насильственного образа действия. Доказывая затем, что Ф. Энгельс, вопреки мнению сторонников «мирного развития quand même», вовсе не считал всякое народное восстание безнадежным в настоящее время, Плеханов утверждает, что насильственные действия в революционной борьбе рабочего класса будут успешны тогда, когда армия перейдет на сторону инсургентов; случится же это, когда революционные идеи проникнут в армию. Возможно ли проникновение социалистических идей в армию? спрашивает автор. «Не только возможно, а прямо неизбежно», говорит он. «Современная организация военного дела требует всеобщей воинской повинности, а всеобщая воинская повинность несет в армию те идеи, которые распространяются в народе. Нет никакого сомнения в том,

[1]) Далее зачеркнуто: «издатели, время и место издания не указаны. Как...»

что не скоро «легионы» поддадутся нашему влиянию», говорит Плеханов. «Но то, что отсрочено, еще не потеряно, как говорят французы. Рано или поздно социалистические идеи все-таки проникнут в войска, и тогда мы посмотрим, что останется от воинственного настроения реакционеров и не перестанут ли они вызывать нас на улицу» (стр. 70—78).

В изложенных комментариях Плеханова к заключительным строкам «Коммунистического манифеста» о значении революционных выступлений пролетариата заключается, по моему мнению, открытое возбуждение к бунтовщическим и мятежническим действиям. Преступление это предусмотрено 1 п. 129 ст. Уг. уложения.

В помещенном в брошюре «предисловии к немецкому изданию 1890 г.», написанном в 1882 г., между прочим, говорится: «Перейдем к России. В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только-что собравшегося с силами пролетариата. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» (стр. 9).

В приведенных словах заключается оскорбление памяти в бозе почившего августейшего родителя царствующего императора, т. е. содержатся признаки преступления, караемого ст. 107 Уг. уложения [1]).

Член комитета Ф е д о р о в.

Приговор Петербургской судебной палаты 5 ноября 1907 г.

Копия.

1907 года ноября 5 дня, по указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата по 2-му уголовному департаменту в открытом судебном заседании, в котором присутствовали... [2])

Слушала: дело об уничтожении, в порядке 6 ст. отд. IV закона 26 апреля 1906 года, брошюры «Манифест Коммунистической партии».

Выслушав доклад по настоящему делу, заключение товарища прокурора и принимая во внимание: 1) что содержание брошюры «Манифест Коммунистической партии» заключает в себе признаки преступлений, предусмотренных 107 и 1 п. 1 ч. 129 ст. Угол. улож.; 2) что определением С.-Петербургской судебной палаты, от 4 августа 1907 года, оставлено в силе постановление С.-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на вышеуказанную брошюру и 3) что, как видно из сообщения старшего инспектора С.-Петербургских типографий от 12 сентября с. г. за № 5702, установить личность автора, заказчика или издателя брошюры «Манифест Коммунистической партии», а равно и место печатания последнего не представилось возможным, судебная палата определяет: на основании ст. 6 отд. IV закона 26 апреля 1906 года брошюру «Манифест Коммунистической партии», автор, типография и издатель которой неизвестны, уничтожить.

Подлинный за надлежащими подписями и скрепою.
Верно: за помощника правителя дел [подпись].

---

[1]) Петербургский комитет по делам печати наложил на «Коммунистический манифест» арест, утвержденный затем Петербургской судебной палатой 4 августа 1907 г.
[2]) Пропуск в подлиннике.

Докладная записка Петербургского комитета по делам печати прокурору Петербургской судебной палаты 16 сентября 1908 г. № 2119.

Главное управление по делам печати препроводило на рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати брошюру под заглавием «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии». С предисловием К. Каутского. Перевод с немецкого П. Орловского. — Дешевая библиотека т-ва «Знание». № 201. Издание т-ва «Знание». СПБ. 1906. Цена 12 коп.

Сделанный г. П. Орловским [1]) перевод «Манифеста Коммунистической партии» отличается от других, имеющихся в обращении среди публики переводов тем, что в нем текст немецкого подлинника воспроизведен с полною точностью и без всяких сокращений. Это относится в особенности к последней главе «Манифеста», в которой авторы дают, между прочим, краткое определение ближайших целей Коммунистической партии и главнейших способов осуществления этих целей. Полагая «ближайшую цель коммунистов — в организации пролетариата в класс, в низвержении господства буржуазии и завоевании политической власти», Маркс и Энгельс заявляют, что с этою целью «коммунисты поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают вперед в качестве основного вопроса движения — вопрос собственности, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму. Наконец, коммунисты стремятся к соединению и соглашению между демократическими партиями всех стран. Коммунисты не считают нужным скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобрести же они могут целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

К своему переводу, кроме трех кратких предисловий, принадлежащих Марксу и Энгельсу, г. П. Орловский присоединил еще довольно значительное по объему предисловие, написанное в 1906 году К. Каутским. Разъясняя значение «Манифеста Коммунистической партии» для настоящего времени, Каутский говорит, что за 60 лет, протекших после первого появления «Манифеста», он должен был во многих местах устареть и, таким образом, превратиться в исторический документ, являющийся свидетельством своего времени, но не могущий более служить руководителем для современности. «Однако, — продолжает Каутский,—следует заметить, что это касается лишь некоторых пунктов, именно тех, где политик-практик обращается к своим современникам. Было бы величайшей ошибкой объявить весь Коммунистический манифест историческим документом. Напротив, принципы, которые он развивает, метод, которому он учит, характеристика современного способа производства, которую он дает в сжатых чертах, остаются в настоящее время более чем когда-либо в силе... Конечно, нельзя дать шаблона форм, которые должна принять в каждой стране классовая борьба пролетариата. И на Коммунистический манифест не следует смотреть как на такого рода шаблон... Тем не менее он все еще является лучшим, самым надежным руководителем пролетариата на его пути к освобождению своего класса, а тем самым и человеческого рода» (стр. 3, 15.)

Ввиду изложенного комитет полагает, что издатели рассматриваемой

---

[1]) П. Орловский — В. В. Воровский.

брошюры имели целью распространить среди читающей публики «Манифест Коммунистической партии» не как простое изложение созданной творцами научного социализма так называемой теории классовой борьбы и не как исторический лишь документ, а как произведение, заключающее в себе сохранившую все свое руководящее значение агитацию, направленную против существующего политического и общественного строя. Посему, усматривая вполне достаточные основания для применения к брошюре п.п. 1 и 2 ст. 129 Угол. улож., изд. 1903 г., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: лиц, виновных в ее напечатании, привлечь к ответственности по силе вышеприведенных пунктов означенной статьи закона, а на самое издание наложить арест на основании ст. 3 отд. IV временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 года [1]).

Сообщая о сем, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против переводчика брошюры П. Орловского (полное имя и местожительство коего комитету неизвестны), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем препровождается.

Председательствующий А. Катенин.

За секретаря Андриашев.

Докладная записка Петербургского комитета по делам печати прокурору Петербургской судебной палаты 5 марта 1909 г. № 390.

Начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления препроводил в С.-Петербургский комитет по делам печати экземпляр брошюры под заглавием «К. Маркс. Письма к Л. Кугельману». С предисловием редакции «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Книгоиздательство «Новая Дума». Типография товарищества «Дело» (Казачий пер., д. № 9).

В названной брошюре собраны письма Маркса к некоему Кугельману, относящиеся к 60-м и 70-м годам прошлого столетия. Касаясь в них, между прочим, некоторых политических событий того времени, Маркс решает при этом вопрос о «революционной политике пролетариата». Вопрос этот решается им в смысле необходимости пролетарской революции, причем в понятие последней включается и вооруженная борьба рабочего класса с существующим государственным порядком. Так, например, в письме от 6 апреля 1866 года он пишет: «Поймут ли, наконец, наши филистеры, что без революции, которая устранит Габсбургов и Гогенцоллернов (о маленьких навозных жуках излишне говорить), дело, в конце концов, должно привести опять к тридцатилетней войне и новому разделению Германии?» (стр. 13—14). В письме от 12 апреля 1871 г. по поводу восстания парижских рабочих говорится: «История не знает еще примера подобного героизма. Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их великодушие». Надо было сейчас же итти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж. Вторая ошибка: Центральный комитет слиш-

[1]) Постановление комитета о наложении ареста на брошюру было утверждено Петербургской судебной палатой 2 октября 1908 г. (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 263, л. 5).

ком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности. Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание,— если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусского священного римского государства с его допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства» (стр. 88-89, ср. письмо от 17 апреля 1871 г. на стр. 89). Отмечая эти и подобные им места в письмах Маркса и указывая на то, что Маркс умел соединять революционную теорию с революционной политикой и в самые мирные времена нащупывать близость революции и поднимать пролетариат до сознания им его передовых революционных задач (стр. VII; ср. также и другие подчеркнутые карандашом места предисловия), автор русского предисловия к брошюре считает «вдвойне необходимым» знакомство русского социалиста с письмами Маркса к Кугельману. «Для русского социалиста, — говорит он, — это знакомство даст массу самых ценных указаний на непосредственные задачи социалистов во всех и всяких переживаемых его страной революциях. Россия именно теперь переживает «великий переворот». Политика Маркса в сравнительно бурные 1860-е годы очень и очень часто должна служить образцом для политики социал-демократа в современной русской революции» (стр. 111).

Усмотрев в вышеназванной брошюре признаки преступления, караемого п. 1 ст. 129 Угол. улож. изд. 1903 г., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к законной ответственности, по силе приведенного узаконения, виновных в напечатании брошюры и 2) наложить на нее арест на основании ст. 3 отд. IV Временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 года [1]).

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 31 января сего года за № 198, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против переводчицы брошюры М. Ильиной, автора русского предисловия и редактировавшего брошюру Н. Ленина (имена, отчества, звания и местожительства этих лиц комитету неизвестны), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр инкриминируемой брошюры при сем препровождается.

Председательствующий А. Катенин.

За секретаря граф Голович.

Отношение Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати 11 мая 1909 г. № 1640.

В дополнение к донесению своему от 24 апреля текущего года за № 1408 [2]), Московский комитет по делам печати имеет честь представить при этом в Главное управление по делам печати присланную в коми-

[1]) Постановление комитета о наложении ареста на брошюру было подтверждено определением Петербургской судебной палаты 12 марта 1909 г. (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 96, л. 5).

[2]) В донесении от 24 апреля 1909 г. за № 1408 Московский комитет сообщал Главному управлению о наложении ареста на брошюру «Маркс и Энгельс. Капитализм и коммунизм. Коммунистический манифест», вышедшую в московском издательстве Е. Д. Мягкова «Колокол» в 1906 г. (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 241, л. 1).

тет при отношении прокурора Московской судебной палаты от 5 сего мая за № 3346 копию определения Московской судебной палаты от 23 марта текущего года об отмене ареста, наложенного комитетом на брошюру под заглавием: «Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». Первая библиотека, № 13. К. Маркс и Ф. Энгельс. Капитализм и коммунизм. (Коммунистический манифест). Перевод с немецкого. Москва. 1905 г. Типография А. П. Поплавского. Цена 3 коп.» [1]).

За председателя С. Соколов.
Секретарь Г. Креницын.

Приговор Московской судебной палаты 23 марта 1909 г.

Копия.

1909 года марта 23 дня. По указу его императорского величества, Московская судебная палата, по 3-му уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента А. М. Ранга, в составе членов палаты: С. Ф. Мальцева и Д. П. Стремоухова, при товарище прокурора палаты А. Ф. Микулине и при помощнике секретаря З. В. Якубовском, выслушав предложение прокурора от 17 февраля сего года за № 1282, с копией отношения Московского комитета по делам печати от 9 февраля сего года за № 414, по вопросу об утверждении наложенного комитетом ареста на брошюру «Капитализм и коммунизм» (Коммунистический манифест) К. Маркса и Ф. Энгельса, находит, что означенная брошюра по своему содержанию является научным исследованием соотношения между собою общественных классов на разных ступенях исторического движения человечества и не заключает в себе усматриваемого комитетом возбуждения населения к ниспровержению существующего в России общественного строя.

Ввиду сего судебная палата, согласно 5 п. IV разд. закона 26 апреля 1906 года, о п р е д е л я е т: наложенный Московским комитетом по делам печати арест на вышеупомянутую брошюру «Капитализм и коммунизм» отменить, о чем сообщить прокурору судебной палаты, с возвращением означенной брошюры.

С подлинным верно: за секретаря, помощник секретаря
Якубовский.

Приговор уголовного кассационного департамента сената 28 сентября 1910 г.

Копия.

1910 года сентября 28 дня. По указу его императорского величества, уголовный кассационный департамент правительствующего сената, в открытом судебном заседании, в следующем составе: за первоприсутствующего — В. Н. Семенов, И. С. Крашенинников, А. К. фон-Резон, при то-

[1]) Решение Московской судебной палаты встретило энергичное противодействие со стороны московских полицейских властей. 5 июня 1909 г. за № 1980 Московский комитет сообщал Главному управлению о том, что московский градоначальник «признал необходимым... оставить под дальнейшим арестом изданный Мягковым «Коммунистический манифест», несмотря на состоявшееся 23 марта определение Московской судебной палаты об отмене ареста». В феврале 1910 г. Московский комитет по делам печати возбудил вопрос уже об уничтожении брошюры, но судебная палата осталась на своих прежних позициях и в заседании 9 марта постановила признать издание брошюры «неподлежащим уничтожению». Это постановление было опротестовано и.о. московского прокурора, и сенат 28 сентября 1910 г. его отменил (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 241, лл. 6—8.)

варище обер-прокурора А. В. Волковицком и пом. обер-секретаря Н. Н. Карпове, — слушал дело по апелляционному протесту и. о. товарища прокурора Московской судебной палаты на приговор той же палаты по делу об уничтожении издания брошюры под заглавием «Капитализм и коммунизм» К. Маркса и Ф. Энгельса.

9 марта 1910 года Московская судебная палата, по III уголовному департаменту, в публичном заседании, заслушав дело об уничтожении издания брошюры под заглавием «Книгоиздательство Мягкова «Колокол». Первая библиотека, № 13. К. Маркс и Ф. Энгельс. Капитализм и коммунизм. Перевод с немецкого», приговором своим определила: признать означенное издание неподлежащим уничтожению. При этом судебная палата руководилась следующими соображениями: для постановления приговора об уничтожении издания какого-либо печатного произведения необходимо, согласно 6 п. IV ст. закона 26 апреля 1906 года, чтобы в этом произведении или сочинении заключались признаки преступления, а для применения 2 п. I ч. 129 ст. Угол. улож. необходимо, чтобы сочинение возбуждало читателей или слушателей к ниспровержению существующего в русском государстве общественного строя. Между тем означенная выше брошюра по своему содержанию является более или менее научным исследованием соотношения между собою общественных классов на разных ступенях исторического движения человечества и не заключает в себе возбуждения населения к ниспровержению существующего общественного строя, а указанные выше и приведенные в письменном заключении прокурорского надзора предсказания авторов брошюры о будущей победе пролетариата в мирной (но не насильственной) социальной борьбе являются лишь логическим, по мнению этих авторов, следствием исторического движения человечества по пути к равенству и счастию, но не стремлением к более или менее активному возбуждению населения к ниспровержению существующего общественного строя. Ввиду таких данных и соображений, судебная палата определением своим, состоявшимся 23 марта 1909 года, отменила наложенный первоначально Московским комитетом по делам печати арест на помянутую брошюру, каковое определение судебной палаты осталось своевременно неопротестованным.

На этот приговор и. о. товарища прокурора Московской судебной палаты принес протест, в котором указывает, что «соотношение между собою общественных классов» в означенной брошюре, изданной для русской публики, определяется одним только понятием борьбы, долженствующей коренным образом изменить существующий ныне общественный строй, причем, наряду с этим, намечается тот, несовместимый с существующим строем, путь, по которому должна быть направлена борьба, и предсказывается исход ее в смысле победы одной части населения над другой, а потому, если особенно принять во внимание, что брошюра, судя по форме ее издания и по цене, предназначалась не для научных трудов, а для широкого распространения среди публики, то нужно прийти к заключению, что по содержанию своему она является сочинением, способным возбудить — по крайней мере, некоторые классы общества — к ниспровержению существующего в России общественного строя. Далее, что касается до имеющегося в приговоре судебной палаты соображения о том, что определение ее о снятии наложенного комитетом на брошюру ареста не было своевременно опротестовано, то нужно заметить, что, согласно решению уголовного кассационного департамента правительствующего сената 1906 года № 3 по делу Проппера, Гессена и Милюкова, таковое определе-

ние до постановления приговора и не могло быть обжаловано. По сим основаниям исп. об. товарища прокурора Московской судебной палаты просил приговор сей палаты по настоящему делу отменить.

Выслушав доклад дела и речь товарища обер-прокурора, правительствующий сенат находит, что в брошюре «Капитализм и коммунизм» содержатся, между прочим, нижеследующие мысли и суждения: в современном обществе существуют два враждебных класса — буржуазия и пролетариат, из коих первый угнетает второй, причем современная государственная власть не что иное, как исполнительный комитет по делам буржуазии, которая неспособна выполнить роль правящего класса. Поэтому необходимо коренное переустройство существующего общественного строя, и переустройство это должен выполнить пролетариат. Политическая власть,— говорится далее, — есть власть, организованная одним классом для угнетения другого. Пролетариат должен сорганизоваться в господствующий класс и завоевать общественную власть. Это не может быть выполнено вначале иначе, как путем посягательства на право собственности и на буржуазные производственные отношения. При этом в виде примера приводятся и некоторые из мер, которые могли бы быть приняты: экспроприация поземельной собственности и конфискация земельной ренты, уничтожение права наследства и тому подобное. Засим указывается, между прочим, на то, что коммунисты всюду поддерживают всякое движение против существующих общественных и политических отношений. В заключение коллективисты, являющиеся одной из коммунистических фракций, обращаются с призывом к пролетариату, заявляя, что в грядущей борьбе пролетариям нечего терять. Приобретут же они весь мир. Суждения и соображения эти, — например, о роли пролетариата, осуществимой только завоеванием общественной власти путем посягательства на право собственности и так далее, — являются явным возбуждением к ниспровержению существующего в России государственного порядка (2 п. 1 ч. 129 ст. Угол. улож.), причем нельзя не указать на то, что изложение брошюры не научное, а вполне общедоступное и что низкая цена ее указывает на то, что она назначена для распространения в широких кругах.

По сим основаниям и руководствуясь 1213[16] ст. Уст. угол. суд. по продолжению 1906 года, правительствующий сенат о п р е д е л я е т: брошюру сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса под заглавием «Капитализм и коммунизм, издание книгоиздательства Е. Д. Мягкова «Колокол», Москва», — уничтожить; приговор Московской судебной палаты отменить, о чем названной судебной палате, с возвращением подлинного дела, послать указ.

Подлинный с подписанием гг. сенаторов и скрепою помощника обер-секретаря.

С подлинным верно. Обер-секретарь [подпись].

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты 21 мая 1911 г. № 2117.

При отношении начальника Лифляндского губернского жандармского управления от 26 марта 1911 г. за № 2493 поступила в комитет брошюра под заглавием: «Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». Первая библиотека, № 12. К. Маркс. Наемный труд и капитал. Перевод с немецкого. Цена 5 копеек. Москва, 1905. Типография А. П. Поплавского».

В заседание 27 апреля 1911 года действительный статский советник Истомин представил с ней при сем прилагаемый письменный доклад.

На основании этого доклада и вызванных им суждений комитет постановил вышеназванную брошюру арестовать, а против виновных в ее издании возбудить судебное преследование по п. 2 ст. 192 Угол. уложения.

Согласно этому постановлению, комитет имеет честь просить ваше превосходительство об утверждении ареста и о привлечении виновных по настоящему делу лиц к судебной ответственности по указанной выше статье закона [1]).

Об аресте брошюры и о доставлении вашему превосходительству сведений об ответственных по настоящему делу лицах комитетом сделано распоряжение отношением от 20 мая 1911 г. за № 2097 на имя старшего инспектора в гор. Москве.

Инкриминируемая брошюра при сем прилагается.

Председатель А. Сидоров.
Вр. заведывающий делами А. Вознесенский.

Доклад цензора Истомина Московскому комитету по делам печати.

Поступившая в комитет при отношении начальника Лифляндского губернского жандармского управления от 26 марта 1911 года, за № 2493, брошюра К. Маркса «Наемный труд и капитал», перевод с немецкого, цена 5 к., книгоиздательство Е. Мягкова «Колокол», отпечатана в 1905 году в типографии А. Поплавского и имеет на обложке пометку: «Дозволена цензурою 4 сентября, № 506». Брошюра заключает в себе 61 страницу и состоит из введения, двух глав: 1) Что такое заработная плата, чем она определяется? и 2) Чем определяется цена товара? и приложения: «Историческая тенденция капиталистического накопления» («Капитал», стр. 648—651). Введение принадлежит Фридриху Энгельсу, и из него видно, во-первых, что основой брошюры послужили рефераты, читанные Марксом в 1847 году и затем появившиеся отдельным изданием за границей, и, во-вторых, что, издавая в 1891 году на немецком языке подлинник рефератов Маркса для пропаганды их содержания среди рабочих, Фр. Энгельс применил и дополнил означенный подлинник, причем однако применение и дополнение это сосредоточивается единственно лишь в том, что, согласно подлиннику, рабочий продает капиталисту за заработную плату свой труд, а согласно тексту брошюры в издании Фр. Энгельса рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу. Значение указанного применения и объясняется рабочим во введении к брошюре в качестве одного из важнейших вопросов политической экономии. Высказанное, в связи с общим содержанием брошюры, имеет ввиду привести читателей, во-первых, к мысли о том, что «рабочий класс из всей массы продуктов, произведенных его трудом, получает на свою долю только незначительную часть; другая же часть остается в руках капиталистов и при этом увеличивается с каждым новым изобретением и открытием, влекущими за собой, в конце концов, неминуемую гибель современного капиталистического хозяйства», и, во-вторых, к заключению о том, что в действительности «возможен новый общественный строй, в котором современное разделение на классы исчезнет

[1]) Наложение ареста на брошюру было утверждено постановлением Московской судебной палаты 12 июля 1911 г. (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 254, л. 4).

и в котором, может быть, после кратковременного переходного периода, несколько сурового, но, во всяком случае, очень полезного в нравственном отношении, средства к существованию, к наслаждению, к развитию и применению всех телесных и духовных способностей станут равным и все увеличивающимся достоянием всех, благодаря планомерному употреблению и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех членов общества обязанности трудиться». Этого, как видно из брошюры, и должны, собственно говоря, добиваться рабочие, памятуя, что, производя капитал, «они производят стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над их трудом и при помощи их труда создавать новые стоимости», и что «экспроприации народных масс немногими узурпаторами» противополагается «экспроприация немногих узурпаторов — народом», на основании «кооперации свободных работников и их общинного владения землею и средствами производства, произведенными самими рабочими».

Ввиду сего, после предварительной проверки цензурного дозволения, отмеченного, как уже сказано выше, на брошюре К. Маркса: «Наемный труд и капитал», комитет, быть может, признает целесообразным, не допуская дальнейшего распространения брошюры, применение к ней п. 12 ст. 129 Уложения о наказаниях, хотя названная брошюра, нельзя этого не отметить, и не представляет собою резко выраженной тенденции пропагандировать среди рабочих возбуждение к ниспровержению существующего общественного строя.

Доклад цензора Плетнева в Одесский временный комитет по делам печати 5 октября 1911 г.

О брошюре «Карл Маркс. Гражданская война во Франции (1870—1871).» С предисловием Ф. Энгельса. Книгоиздательство М. С. Козмана в Одессе. Одесса, 1905 г. Типография Гальперина и Швейцера. Екатерининская, 36. Цена 15 коп. Стр. 59. Дозволено цензурою. Одесса. 14 июля 1905 года.

В своем предисловии Энгельс, описывая деятельность французской Коммуны в 1871 г., имеет ввиду поколебать в уме читателя представление о государстве как о чем-то благотворном и незыблемом. На стр. 13 он говорит: «Согласно философскому представлению, государство является «осуществлением высшей идеи», или просто переведенным на философский язык царством божиим на земле, областью, где осуществляется или должна осуществиться вечная правда и вечная справедливость. Следствием этого взгляда является суеверное преклонение перед государством и перед всем тем, что связано с государством; это преклонение тем легче усваивается, что с детских лет мы привыкли думать, будто общие дела и общие интересы всего общества могут быть исполнены и удовлетворены только тем же путем, как и доныне, т. е. при посредстве государства и его хорошо оплачиваемых чиновников. Переход от веры в наследственную монархию к вере в демократическую республику считается страшно смелым шагом. В действительности, государство является только машиной для угнетения одного класса другим, все равно, будь то демократическая республика или наследственная монархия; в лучшем случае это зло, которое достанется в наследство победоносному пролетариату, и чьи дурные стороны ему так же, как Коммуне, будет трудно сразу уничтожить, пока не под-

растет новое, привыкшее к свободе, поколение, которому удастся сбросить с себя эту ветошь».

Не касаясь самого содержания брошюры о «Гражданской войне во Франции» Карла Маркса, то в нем [1]) пристрастно описаны жестокости правительства для подавления восстания пролетариата и коммунистов. Так, на стр. 37 говорится: «Дома, в которых скрывались солдаты национальной гвардии, окружались жандармами, обливались керосином (что здесь случилось впервые) и поджигались. Четыре солдата национальной гвардии, которые 25 апреля сдались у Бель-Эпина нескольким конным егерям, были один за другим застрелены ротмистром, достойным слугой Галлифе».

В брошюре приведены тексты двух воззваний Международного общества рабочих, в которых рабочие призываются к явному неповиновению правительству. Вся брошюра является апологией Коммуны и заключается следующими словами: «Париж рабочих, Париж Коммуны всегда останется славным провозвестником нового общества. Образы его мучеников запечатлелись в сердцах рабочих. Его истребителей история уже теперь пригвоздила к позорному столбу, и от этого наказания их ничто уже не освободит».

Такое содержание настоящей брошюры подходит под содержание пп. 2 и 6 129 ст. Угол. улож. [2]).

А. Плетнев.

Доклад цензора Плетнева в Одесский временный комитет по делам печати 22 января 1913 г.

О брошюре: «Карл Маркс. Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 г.» Перевод с немецкого под редакцией Б. Кричевского. С введением Фридриха Энгельса. Издание Е. М. Алексеевой. 1906 г. Цена 20 коп. Стр. 130. (Фирма типографии не обозн.). Дозволено цензурою. Одесса. 6 сентября 1905 г.

В предисловии Ф. Энгельс говорит (стр. 5), что настоящее сочинение важно, потому что в нем высказана формула, выражающая объединение рабочих всех стран. «Право на труд, — говорится далее, — влечет за собою власть над капиталом, а власть над капиталом — присвоение средств производства, объединение их объединенным рабочим классом, сталобыть, отмену наемного труда и капитала и их взаимоотношений».

Далее (на стр. 10) говорится о все увеличивающейся армии социалистов и уверенности в победе: «Избирательное право из средства одурачивать массу, чем оно было до сих пор, [превращается] в орудие освобождения».

По содержанию все введение к книге есть явный призыв пролетариата к уничтожению существующего строя, буржуазии и капитала. Сама же брошюра описывает события 1848 года и последующих, до воцарения Наполеона III, и наполнена нападками против буржуазии и капиталистов и односторонним восхвалением пролетариата в его борьбе с властью.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Постановлением Одесского временного комитета по делам печати 6 октября 1911 г. на брошюру был наложен арест, утвержденный 7 ноября того же года Одесской судебной палатой (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 489, лл. 2 и 6).

Хотя брошюра описывает прошедшие времена, но написана в тоне явного возбуждения классовой борьбы, имеющей значение и теперь, а потому полагал бы настоящую брошюру конфисковать с возбуждением судебного преследования по пп. 2 и 6 Угол. улож. [1]).

А. Плетнев.

Отношение Главного управления по делам печати на имя петербургского градоначальника 22 сентября 1913 г. № 12987.

Главное управление по делам печати, препровождая при сем вашему превосходительству, для надлежащего исполнения, копию приговора С.-Петербургской судебной палаты от 20 мая 1913 г. об уничтожении брошюры под заглавием «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии». С предисловием К. Каутского. Перевод с немецкого П. Орловского — дешевая библиотека т-ва «Знание». № 201. Издание т-ва «Знание». СПБ. 1906, Ц. 12 к. Типография не обозначена, покорнейше просит о последующем уведомить, а также не отказать в доставлении в это управление двух экземпляров означенной брошюры.

Начальник Главного управления по делам печати
граф Татищев.
За правителя дел А. Смирнов.

Приговор Петербургской судебной палаты 20 мая 1913 г.

Копия.

1913 года мая 20 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали:... [2])

Слушали: дело об уничтожении брошюры «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Издание т-ва «Знание».

Рассмотрев настоящее дело и имея ввиду, 1) что в брошюре «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии». Издание т-ва «Знание» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 2 п. 1 ч. 129 ст. Уг. ул., 2) что определением СПБ судебной палаты от 2 октября 1908 года постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры определением СПБ судебной палаты от 9 апреля 1913 года на основании 5 п. XVIII ст. именного высочайшего указа от 21 февраля 1913 года дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии», издание т-ва «Знание», на основании 2 п. 1 ч. 129 ст. Уг. ул. и 1213[16] ст. Уст. угол. суд., уничтожить вместе с стереотипными и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.
Верно. За пом. правителя дел Богданович.

---

[1]) Постановлением Одесского временного комитета по делам печати 23 января 1913 г. на брошюру был наложен арест, утвержденный Одесской судебной палатой 5 марта того же года (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печати, д. № 52, лл. 2 и 5).

[2]) Пропуск в подлиннике.

Отношение помощника петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати 21 января 1914 г. № 257.

Вследствие отношения от 22 сентября 1913 года за № 12987, имею честь уведомить Главное управление по делам печати, что 10 октября 1913 года уничтожены, посредством разрывания на мелкие части, арестованные экземпляры брошюры «Маркс и Энгельс. Манифест Коммунистической партии». Дешевая библиотека т-ва «Знание».

Два экземпляра этой брошюры при сем прилагаются.

За градоначальника, помощник его, камергер высочайшего двора [подпись].

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты 9 сентября 1916 г. № 91.

Препровождая при этом выписку из журнала заседания комитета от 7 сего января, Московский комитет по делам печати имеет честь просить ваше превосходительство об утверждении ареста, наложенного комитетом на брошюру под заглавием «К. Маркс. Классовая борьба во Франции (1848—1850). Перевод с французского. Под редакцией В. Л. Шанцера. Цена 20 коп. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». № 64. Типолитография Русского т-ва печатного и издательского дела. Чистые пруды, Мыльников пер., соб. дом. Москва. 1906. 130 стр.» и о возбуждении против ответственных по настоящему делу лиц судебного преследования по пп. 2 и 6 ст. 129 Угол. улож. [1]).

Об аресте вышеназванной брошюры и о доставлении вашему превосходительству сведений об ответственных лицах комитетом сообщено старшему инспектору для надзора за типографиями в гор. Москве отношением от 7 января 1916 года за № 63.

Вышеназванная брошюра своевременно в комитет представлена не была.

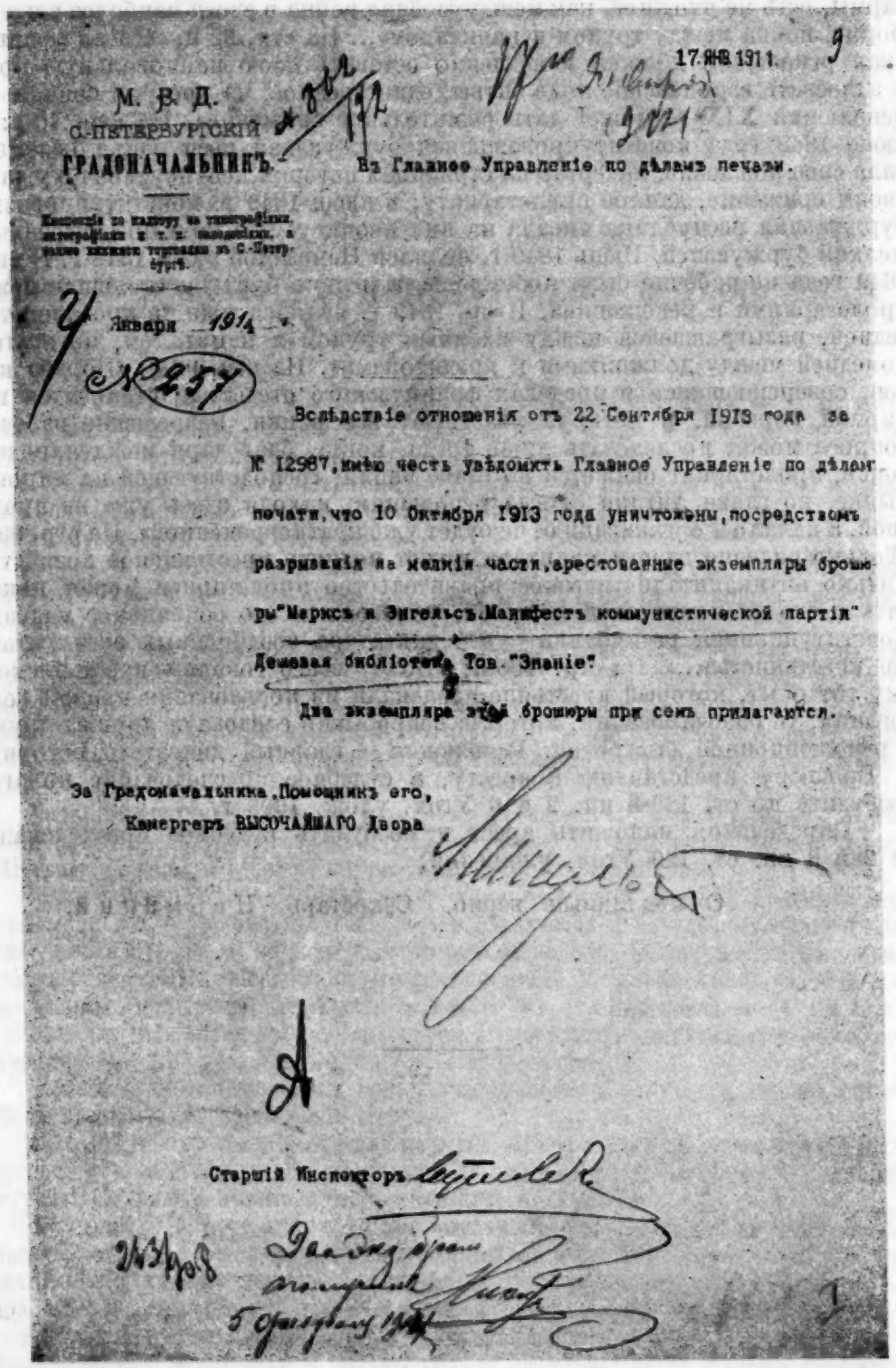
Приложение: выписка из журнала заседания комитета и брошюра «К. Маркс. Классовая борьба во Франции».

Председательствующий, член Совета главного управления по делам печати Сидоров.
Секретарь Пермский.

Выписка из журнала заседания Московского комитета по делам печати 7 января 1916 г.

Давая страницу из внутренней истории Франции от середины минувшего столетия, Маркс высказывает здесь свой взгляд на историю, как на борьбу двух классов, и на революцию, как на «повитуху всякого будущего общества». На стр. 29-й, например, читаем такие строки из его же «Новой Рейнской газеты»: «Реальное, искреннее и прозаическое проявление братства между двумя классами, из которых один эксплоатирует другой, этого братства, провозглашенного в феврале, изображенного крупными буквами на фронтонах Парижа, на стенах каждой тюрьмы и каждой ка-

[1]) Московская судебная палата приговором 21 апреля 1916 г. постановила издание брошюры уничтожить (ЛОЦИА, ф. Гл. упр. по делам печ., д. № 18, л. 6).



17 ЯНВ 1914. 9

М. В. Д.
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКЪ.

№ 882/197

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Коммиссія по надзору за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями, а равно книжною торговлею въ С.-Петербургѣ.

4 Января 1914 г.

№ 257

Вслѣдствіе отношенія отъ 22 Сентября 1913 года за № 12987, имѣю честь увѣдомить Главное Управленіе по дѣламъ печати, что 10 Октября 1913 года уничтожены, посредствомъ разрыванія на мелкія части, арестованные экземпляры брошюры "Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи" Домовая библіотека Тов. "Знаніе".

Два экземпляра этой брошюры при семъ прилагаются.

За Градоначальника, Помощникъ его,
Камергеръ ВЫСОЧАЙШАГО Двора

Старшій Инспекторъ

5 Января 1914

Отношение пом. петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати от 21 января 1914 г. об уничтожении «посредством разрывания на мелкие части» запрещенной цензурой брошюры «Манифест Коммунистической партии», изд. т-ва «Знание».

зармы, есть не что иное, как междуусобная война в своей наиболее ужасной форме, война между трудом и капиталом»... На стр. 32-й: «Новая французская революция должна немедленно оставить свою национальную почву и завоевать европейское поле битвы, единственное, на котором социальная революция XIX в. может дать решительное сражение». На стр. 70-й: «В июне 1848 года конституировавшаяся буржуазная республика ознаменовала свое рождение, начертав на страницах истории неописуемое по ужасам своим сражение, данное пролетариату; в июне 1849 г. конституированная буржуазная республика писала на них неописуемую комедию, сыгранную мелкой буржуазией. Июнь 1849 г. являлся Немезидой июня 1848 г. В июне 1849 года не рабочие были побеждены, а мелкие буржуа, стоявшие между пролетариями и революцией. Июнь 1849 г. являлся уже не кровавой трагедией, разыгравшейся между наемным трудом и капиталом, но жалкой комедией между должниками и кредиторами». На стр. 92-й: «Борьба классов, совершающаяся в пределах французского отечества, становится всемирной борьбой, в которой участвуют все нации. Разрешение рабочего вопроса может последовать лишь тогда, когда, благодаря международной войне, пролетариат окажется во главе нации, господствующей на мировом рынке, во главе Англии. Тогда революция, находя здесь уже не предел свой, а начало и организацию, не будет уже кратковременной». На стр. 99-й: «Только падение власти капитала может поднять крестьянское хозяйство. Только антикапиталистическое правительство пролетариев может покончить с его экономической нищетой, уничтожить его социальное падение. Конституционная республика — это диктатура соединенных эксплуататоров крестьянства...» На стр. 100-й: «Более всего говорил крестьянскому уму тот опыт, который крестьяне извлекали из пользования правом голосования, те разочарования, которые непрерывно следовали друг за другом с революционной быстротой. Революция — главный двигатель истории».

Брошюру представляю к аресту, а судебное преследование полагаю возбудить по ст. 129-й пп. 2 и 6 Угол. улож. 1903 г.

Определено: наложить арест и возбудить судебное преследование по 2 и 6 пп. ст. 129 Угол. уложения.

С подлинным верно. Секретарь Пермский.

Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.

Публикуемые журналы Особых совещаний по персидским делам могут служить хорошей конкретно-исторической иллюстрацией к той главе ленинского учения об империализме, которая посвящена вопросу о вывозе капитала.

Публикуемые журналы затрагивают проблему об экспорте капитала в зависимые полуколониальные страны, испытывающие при этом тяжесть двойного гнета— и экономического и политического

Журналы эти касаются, в частности, того своеобразного случая экспорта капитала, когда страна, вывозящая капитал, сама является страной импорта иностранного капитала.

Журналы эти вскрывают вместе с тем ту роль, какую момент экспорта капитала играет в международных отношениях, во взаимных отношениях стран-экспортеров, создавая почву для их империалистического соревнования, обостряющегося и углубляющегося до той поры, пока появление нового антагонистического хищника империализма не потребует скорейшего, хотя бы временного, свертывания этого соревнования.

Конкретно-историческая ситуация вырисовывается публикуемыми журналами в плане происходящей в конце XIX — начале XX века англо-русской борьбы за Персию, борьбы, в которой мы различаем три основные фазы.

Первая фаза—период 80—90-х годов—характеризуется чертами максимального напряжения англо-русских антагонизмов, развивающихся в условиях сильного наступления на Персию со стороны международных дельцов — соискателей концессий, в условиях относительной слабости русского капитала, хотя и имеющего уже в Персии существенные достижения (в области торговли, организации военного дела и т. д.), но не надеющегося справиться с конкуренцией иностранных капиталистов и особенно боящегося их домогательств железнодорожных концессий.

Вопрос о железнодорожных концессиях становится в ту пору важнейшим вопросом всей русской политики в Персии.

Молодой, но тщедушный русский капитал не хочет ударить лицом в грязь перед Европой, и в лице будущего октябристского председателя III Думы с компанией выступает со смелым проектом индо-европейского пути.

Умудренное в неудачах крупным опытом, феодально-крепостническое правительство уже за полтора года до этого предприняло в Тегеране шаги, чтобы побудить шаха закрыть открытое недавно по инициативе англичан судоходство по Каруну; оно тогда же пыталось связать шаха обязательством втечение известного («примерно 10-летнего») срока не выдавать никому никаких железнодорожных концессий. Не успев соединить Закавказье с сетью русских железных дорог, царское правительство не чувствовало себя подготовленным для вступления на персидской почве в открытую экономическую борьбу с Англией. Оно боялось утерять при этом свое мо-

нопольное положение на рынках Северной Персии, оно боялось тех политических последствий, которые отсюда неизбежно должны были проистечь, навсегда разрушив надежды русских капиталистов через овладение Персией подойти к берегам Теплого моря. Проект Хомякова, не несущий к тому же никаких выгод для русской металлургии, кладется под сукно. Русский посланник в Тегеране получает директиву добиться от шаха обязательства не выдавать никому железнодорожных концессий втечение 10 лет. После недолгой борьбы шах уступил, и обязательство было подписано. Формально veto 1890 г. на железнодорожное строительство было наложено царской дипломатией. Фактически оно поддерживалось также ее антагонистом — дипломатией английской, призванной блюсти безопасность Британской Индии и охранять ее от возможных посягательств со стороны враждебной России.

Так закончилась первая фаза борьбы за вывоз капитала в Персию, та фаза, когда этот вывоз стремился принять формы железнодорожного строительства.

Прошло десять лет. Veto продолжало сохранять свою силу. Это не значило, что ввоз в страну иностранного капитала теперь прекратился. Напротив, он рос неуклонно, но проходил в иных формах. Русский капитал шел в Персию в виде займов, и прежде всего в виде того займа, назначением которого было сохранение veto. Кроме государственных займов мы наблюдаем в ту пору факты выдачи личных ссуд шаху. Деньги шли также на организацию военной силы в лице пресловутой казачьей бригады. Русский капитал вкладывается в шоссейное и телеграфное строительство, в страховые и транспортные компании. Производятся крупные затраты на учреждение Учетно-ссудного банка. Вывоз русского капитала продолжает развиваться, и усиливается его соперничество с капиталом английским, который в свою очередь продолжает притекать в Персию в многообразных видах.

В интересах успеха этой борьбы царское правительство стремится к возможно более рациональному «производительному» помещению капитала, желая воздержаться от личных ссуд шаху. Но даже в тяжелые 1904—1905 гг. министерство финансов готово ассигновать шаху все необходимые средства, поскольку это оправдывается экономическими или политическими мотивами, поскольку это необходимо для успешной борьбы с английским влиянием в Персии.

Именно в эти годы царское правительство собирается даже добиться от шаха обязательства «не кредитоваться впредь у Англии». Оно готово укреплять свое влияние не только предоставлением кредитов явно некредитоспособному правительству, но и поставкой серебра, поставкой оружия, посылкой новых инструкторов. Английские проекты о разделе Персии на сферы влияния должны отвергаться без обсуждения, ибо, хотя реальные интересы России — на севере Персии, в будущем Персия должна быть «зависимой» от русского империализма вся целиком.

Внутренние и внешние потрясения, пережитые царизмом в 1905 г., однако сказались и на его планах в персидском вопросе и на деле вывоза русского капитала в Персию.

Журнал Особого совещания 1906 г. свидетельствует о наступлении новой фазы в англо-русских отношениях, к условиям которой отныне должен был применяться и вывоз в Персию русского капитала. Начинающаяся новая фаза являлась в субъективном смысле для царизма фазой покаяния («не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью») и капитуляцией перед Англией, объективно — фазой полюбовного с Англией раздела Персии на сферы влияния и англо-русского содружества в деле эксплоатации ее природных богатств.

Приближался 1907 год, омрачивший блестящие трансперсидские перспективы, расстилавшиеся перед русским капитализмом, но несший за собой дипломатическую легализацию «реальных интересов» русских промышленников с их северо-персидскими вожделениями. Наступило время, когда царская Россия могла заняться

вплотную делом вывоза капитала в отведенную ей международным империализмом в качестве «полуколонии» часть шахской империи.

«Страны, вывозящие капитал, — говорит Ленин, — поделили мир в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к прямому разделу мира». (Соч., т. XIII, стр. 288).

Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики в делах Среднеазиатского стола 1 деп мин. ин. дел за №№ 2, 9, 12, 15. Документы подготовил к печати А. Л. Попов.

Журнал Особого совещания 4 февраля 1890 г.

Председательствовал: председатель департамента государственной экономии Государственного совета действительный тайн. сов. *Абаза*.

Участвовали: министр иностранных дел статс-секретарь действ. тайн. сов. *Гирс*.

Военный министр ген.-адъютант, генерал от-инфантерии *Ванновский*.

Государственный контролер действ. тайн. сов. *Филиппов*.

Министр финансов действ. тайн. сов. *Вышнеградский*.

Министр путей сообщения статс-секретарь тайн. сов. *фон-Гюббенет*.

Начальник ген. штаба генерал-адъютант генерал-от-инфантерии *Обручев*.

Товарищ министра иностранных дел статс-секретарь тайн. сов. *Влангали*.

Начальник азиатского департамента т. с. *Зиновьев*. Чрезв. посл. и полн. министр при его величестве шахе персидском т. с. *Бюцов*.

Свиты его императорского величества генерал-майор *кн. Долгорукий*.

Председательствующий сообщил, что, согласно переданному ему через министра иностранных дел высочайшему повелению, Особому совещанию предстоит закончить рассмотрением представленного г.г. Хомяковым, бароном Корфом и Третьяковым предложения о постройке в Персии железной дороги, при помощи коей, как полагают названные лица, можно будет обеспечить за Россией почтовый, пассажирский, а далее и торговый проезд между Египтом, с одной стороны, и Индией, Индо-Китаем и Австралиею, с другой.

До открытия прений по этому предмету *министр иностранных дел* считает необходимым ознакомить членов совещания с запиской, в коей, на основании почерпнутых большей частью из весьма секретных источников сведений, изложено положение вопроса о постройке в Персии железных дорог. Из записки этой явствует, что для противодействия происках английского правительства в Тегеране, имевшим целью добиться одобрения шахом проектов сэра Друммонда Вольфа, направленных к упрочению в Персии влияния Англии в ущерб влиянию России, императорское правительство признало необходимым потребовать от шаха предоставления нам на 5 лет исключительного права изготовить проект железной дороги и приискать компанию для осуществления этого проекта, с тем, чтобы до того не была никому разрешена постройка в Персии железных дорог.

На требование это шах изъявил в марте 1889 г. согласие. На этих днях шах предупрежден был англичанами, что на рассмотрение императорского правительства поступил уже приготовленный русскими предпринимателями проект. Одновременно с этим г.г. Борис Поляков и Лев Рафалович, прибывшие в Париж в качестве представителей компании, в коей

принимают участие г.г. Хомяков, бар. Корф и Третьяков, а также парижский Учетный банк, обратились к верховному везирю Персии с просьбой о даровании им концессии на железную дорогу от Каспийского моря к Индийскому океану. О ходатайстве их Эминце-султан не преминул предупредить английского посланника, который, основываясь на данном ему шахом обещании не дозволять постройку железных дорог на юге Персии без предварительного соглашения с английским правительством, официально заявил шахскому правительству, что удовлетворение ходатайства г. г. Полякова и Рафаловича будет равносильно предоставлению России исключительного права на постройку железных дорог в Персии, и что, вместе с тем, оно составит нарушение вышеупомянутого обещания. Дабы выйти из этого затруднительного положения, шах желал бы, чтобы между Россией и Англией состоялось непосредственное соглашение по вопросу о железных дорогах. Того же неоднократно добивался от нас и Лондонский кабинет, но императорское правительство не сочло возможным изъявить на это свое согласие ввиду пожелания Англии распространить соглашение между обеими державами на все вопросы, в коих обоюдные интересы их оказываются в противоречии, и устранить таким образом все поводы к взаимному между ними недоверию. Согласно только-что дошедшим до министра иностранных дел сведениям один из персидских сановников получил от шаха концессию на постройку колесной дороги от [....?] чрез Буруджирд до Тегерана, с сетью от Буруджирда до Исфагана. Сановнику этому разрешено, между прочим, привлечь иностранцев к участию в этом предприятии, для эксплоатации коего уже образовалась в Англии компания.

Председательствующий заявляет, что он получил от г. г. барона Корфа и Третьякова письмо от 3 февраля, в коем они, на основании доставленных уполномоченными их в Тегеране сведений, сообщают, что персидское правительство затрудняется предоставить им ту часть концессии, которая касается дороги на юг от Тегерана, что оно намерено обратиться в С.-Петербург с запросом о том, одобряются ли предположения русских предпринимателей императорским правительством, и что встреченные затруднения будут устранены, если правительство наше выразит Персии желание, чтобы им, г. г. барону Корфу и Третьякову, была предоставлена концессия на всю проектированную ими линию.

Председательствующий находит, что, предварительно принятия каких-либо мер по ходатайству г. г. барона Корфа и Третьякова, необходимо выяснить: соответствует ли предположенная ими дорога интересам России и представляется ли возможным и желательным, с точки зрения интересов этих, направление через нашу территорию индо-европейского транзита, а в связи с этим и вообще вопрос о выгодах, кои мы можем извлечь из постройки в Персии железных дорог?

Министр финансов заявляет, что он имел с г. г. бар. Корфом и Третьяковым объяснение, из коего убедился, что лица эти сами по себе не располагают никакими средствами для осуществления их предположений и что все расчеты их основываются на обещаниях, изложенных в полученном ими от директора французского Учетного банка г. Субейрона письме от 17 октября 1889 г.

Из прочитанного министром финансов письма Субейрона явствует, что последний, имея ввиду существующее во Франции расположение к России, считает возможным, в случае образования покровительствуемой русским правительством компании для постройки железной дороги от Кас-

пийского моря к Индийскому океану, добыть большую часть необходимого для этого предприятия капитала во Франции.

Русское правительство обязано будет гарантировать известный процент их облигаций, если же это признано будет неудобным, то для выпуска облигаций на сумму от 400 до 500 миллионов франков номинальных смотря по курсу, по которому они будут выпущены, образована будет финансовая группа на нижеследующих главных условиях: акционерный капитал в размере не менее 100 миллионов франков должен быть использован в России. Расход на строительные работы, на уплату процентов по облигациям втечение первых 10-ти лет со времени их выпуска и на погашение облигаций должны быть равномерно отнесены как на облигационный, так и на акционерный капиталы.

Русское правительство должно или принять на себя постройку соединительной ветви от Владикавказа до начала персидской линии или же предоставить эту постройку компании под условием, чтобы необходимый на этот предмет капитал и процент на оный был гарантирован русским правительством. К образованию финансовой группы может быть приступлено не ранее того, как предпринимателями будут добыты надлежащие концессии от русского и персидского правительства и как избранные французским банком опытные инженеры, после тщательного изучения дела, удостоверятся в том, что проект русских инженеров вполне удовлетворителен и что суммы в 350 миллионов франков окажется вполне достаточно для покрытия расходов на постройку линии в 2 200 приблизительно километров длины, на подвижной состав, на устройство порта на Индийском океане и на приобретение пароходов, имеющих поддерживать сношения между этим портом и англо-индийскими портами.

Сверх того от гг. барона Корфа и Третьякова министр финансов узнал, что согласно условию, поставленному французским банком, все заказы материалов для постройки железной дороги должны быть выполняемы лишь на тех заводах, кои указаны будут финансовой группой, имеющей образоваться во Франции для выпуска облигаций. Из этого явствует, что финансовая группа надеется извлечь для себя выгоды из заказа материалов, а при этом нельзя рассчитывать на то, что хотя часть заказов достанется на долю русских заводов.

Военный министр напоминает, что вопрос о постройке в Персии русской железной дороги не новый. Он возник еще в 1873 г., после того, как вследствие настояний наших шах вынужден был отменить данную им, без нашего ведома, барону Рейтеру концессию на постройку железной дороги от Энзели до Бендер-Бушира. Как военное министерство, так и министерство иностранных дел признали в то время необходимым, в видах упрочения нашего политического влияния в Персии и противодействия проискам англичан, связать Тавриз с Тифлисом железной дорогой. Находя, что дорога эта как нельзя более важна для нас в стретегическом отношении, военный министр продолжает держаться того же взгляда на дело и при этом находит, что, ввиду изложенных им соображений, означенная железная дорога должна быть построена нашим правительством, и притом на его средства. Если бы впоследствии, в видах обеспечения за Россией иностранного транзита или же для каких-либо иных целей, признано было необходимым продлить Тавризскую дорогу на юг, то в таком случае правительство могло бы прибегнуть к содействию частной компании, хотя бы той, которую предлагают образовать г. г. Хомяков, барон Корф и Третьяков. При этом военный министр считает крайне неудобным разрешить постройку тран-

зитной железной дороги, которая примыкала бы к Каспийскому морю. Наша политика всегда стремилась к тому, чтобы обеспечить за этим морем характер исключительно русского, а потому всякое предприятие, которое способствовало бы привлечению иностранных интересов к бассейну Каспийского моря, должно быть признано несовместимым с нашими выгодами. В силу этого соображения предлагаемая г. г. Хомяковым, бароном Корфом и Третьяковым дорога, если только признано будет полезным приступить к ее осуществлению, должна, во всяком случае, начаться у кавказской границы и направиться затем через Тавриз, оставляя в стороне Каспийское море.

Министр путей сообщения заявляет, что, получив в мае 1889 г. от г. г. Хомякова и барона Корфа сообщение о предположении их принять на себя сооружение железных дорог в Персии, преимущественно с целью обеспечения за Россией индо-европейского транзита, и имея ввиду, что наше правительство, после немалых усилий, добилось согласия шаха персидского на предоставление России исключительного права на составление проекта и образование компании для постройки железных дорог в Персии в течение пяти лет, он, министр путей сообщения, не замедлил, — чтобы воспользоваться этим правом, — войти с министром иностранных дел в сношение, находя, что пребывание в то время шаха в С.-Петербурге могло облегчить разрешение этого вопроса. Министр иностранных дел тогда же ответил ему, что он не признает удобным безотлагательно, в Петербурге, входить в переговоры с шахом, но что, тем не менее, последний уже предупрежден о том, что имеются в виду лица, готовые предложить свои услуги для постройки в Персии железных дорог, и что по возвращении шаха в Тегеран персидскому правительству будет дан более определенный ответ.

Засим министр путей сообщения, по совершившемся возвращении шаха в Персию, вновь сообщил статс-секретарю Гирсу, в письме от 6 ноября 1889 г., подробное свое заключение по предположениям г. г. Хомякова и барона Корфа, к которым присоединился еще и г. Третьяков. Поддерживая и ныне мнение, в том письме изложенное, и не входя в новое обсуждение вопроса о важности постройки железных дорог в Персии с точки зрения как политических, так и экономических русских интересов, министр путей сообщения обращает внимание на то, что со времени получения обязательства шаха истек уже год, а потому казалось бы необходимым, не теряя времени, приступить к выяснению условий дальнейшего хода этого дела, тем более, что заявленные в настоящем совещании мнения сходятся в том, что постройка в Персии русских железных дорог была бы весьма полезна для поддержания нашего влияния в этой стране.

К осуществлению этого тем менее может быть препятствий, что переданное на рассмотрение совещания предположение о постройке персидских железных дорог поступило от лиц весьма почтенных и заслуживающих доверия. Статс-секретарь Гюббенет соглашается с тем, что для полного обеспечения за Россией европейско-индийского транзита необходимо соединение Закавказья как с сетью русских железных дорог, так и с предположенными персидскими железными дорогами. Но, так как достижение этой цели потребует не только много времени для преодоления значительных технических затруднений самой постройки дорог, но и огромных денежных затрат, то едва ли удобно ставить вопрос о приступе к постройке транзитной персидской дороги в непосредственную зависимость от осуществления этих дорог, ибо в таком случае придется отложить разрешение вопроса о персидской дороге на десять лет или более. Этой отсрочкой англичане не

преминут воспользоваться для осуществления своих предположений в Персии, вследствие чего влиянию нашему в стране этой может быть нанесен чувствительный удар. Во избежание такого неблагоприятного оборота дела, необходимо вести оба вопроса параллельно и, приступив к новым изысканиям для выяснения вопроса о соединении Кавказа с русской железнодорожной сетью, обеспечить в то же время за г. г. Хомяковым, бароном Корфом и Третьяковым возможность безотлагательно приступить к предварительным исследованиям, обусловливаемым представленными ими предположениями. Изыскания эти должны иметь целью выяснить точное направление предполагаемой персидской железной дороги, гарантии, которые может предоставить строителям персидское правительство, отношения его к нашему правительству и, наконец, стоимость и выгодность дороги.

Ввиду неутомимых происков англичан в Персии и колебаний, которые обнаружил в последнее время шах, *начальник штаба* спрашивает: не настало ли время позаботиться о мерах к упрочению нашего влияния в стране этой и не рискуем ли мы отсрочкой разрешения этого вопроса на неопределенное время утратить наше обаяние и уронить свое значение на Востоке? Вопрос этот, как политический, относится к кругу ведения министерства иностранных дел. В 1873 г. возник такой же вопрос, и министерство, признав его настоятельность, находило необходимым установить прочную связь между Россией и Персией постройкой железной дороги от Владикавказа через Тифлис к Тавризу. Желательно было бы в настоящее время знать мнение министерства иностранных дел по тому же предмету, так как от этого будет зависеть и решение остальных вопросов, подлежащих обсуждению совещания.

Министр иностранных дел замечает, что он не видит возможности положительно ответить на вопрос в том виде, как он поставлен начальником главного штаба. Министерство не переставало зорко наблюдать за положением дел в Азии и противодействовать происками Англии, но образ действий его видоизменялся сообразно обстоятельствам. В 1873 г., действительно, признавалось полезным построить железную дорогу до Тавриза. Предположение это осталось неосуществленным вследствие причин, не зависящих от министерства, но обстоятельство это не имело неблагоприятного влияния на наше положение в Азии вообще и в Персии в частности, как свидетельствуют о том общеизвестные факты. Враждебные нам происки англичан заметно усилились лишь в последние 2-3 года. Воспользовавшись опасениями, коим поддался шах ввиду усиливающегося положения нашего на границах Адерабада и Хорасана, английский посланник сэр Друммонд Вольф уверил шаха, что для обеспечения его безопасности ему следует сблизиться с Англией. По свойственной ему робости шах поддался этим внушениям, но, с своей стороны, мы поспешили принять меры с целью его образумить, и мы добились от него обязательства, в силу коего нам предоставлен пятилетний срок на изготовление проекта железной дороги и приискания компании для ее постройки. Продолжая держаться мнения, что железная дорога, которая свяжет Тавриз с Россией, будет весьма важна для упрочения нашего влияния в Персии, министерство ин. дел не может упустить из виду, что в связи с этим вопросом находятся и другие, равным образом требующие решения, а именно: следует ли нам ограничиться истребованием концессий на тавризскую дорогу или же предстоит позаботиться о продолжении дороги на юг, а также — едва ли не главное,— какими средствами можем мы помешать постройке железных дорог в Персии англичанами? Вопросы эти находятся в тесной связи с нашими общегосударст-

венными задачами и, между прочим, с финансовыми и экономическими вопросами, почему разрешение их не может зависеть исключительно от министерства иностранных дел, а требуется участие и других компетентных ведомств.

Председательствующий не может согласиться с предположением, будто бы влияние наше в Азии или в Персии уменьшилось. Колебания в политике неизбежны, но при обобщении политических фактов требуется особая осторожность.

В семидесятых годах у нас существовало убеждение, что каждый шаг наш по направлению к Мерву может повлечь за собой разрыв с Англией. Отчасти под влиянием этого воззрения возник проект постройки железной дороги до Тавриза, в коей усматривали благонадежное средство обеспечить наше влияние в Персии. В настоящее время наши среднеазиатские владения непосредственно соприкасаются с Афганистаном, и железная дорога наша достигла Самарканда, и факты эти всего лучше свидетельствуют о том, что влияние наше в Азии не только не уменьшилось в последние годы, но, напротив того, приобрело более твердую почву. Ввиду этого можно допустить, что и вопрос о нашем положении в Персии уже не представляет той важности, какую он имел в семидесятых годах. Наша задача должна заключаться главным образом в противодействии англичанам, которые для усиления своего влияния на юге домогаются проложения усовершенствованных путей сообщения от Персидского залива к центру Персии, но положение наше на севере весьма прочно, и никакие происки не в состоянии поколебать его. Шах не может не сознавать этого, и потому едва ли есть основание опасаться, что он совершенно перейдет на сторону англичан.

Признавая за железной дорогой до Тавриза первостепенное политическое и стратегическое значение, *начальник главного штаба* убежден, что в сооружении этой дороги заключается самое действительное средство привязать Персию к России, какового результата нельзя достигнуть исключительно давлением нашей силы.

Нельзя также упустить из виду того значения, которое тавризская дорога будет иметь и для нашей торговли с Персией. Наиболее населенные пункты в Персии—Тегеран и Тавриз. Первый имеет лишь значение столицы и не может быть причислен к торговым или промышленным центрам, соседние с ним области также не отличаются производительностью, не говоря об обширных, почти безводных степях, простирающихся на юго-восток от него. Тавриз, напротив того, лежащий в западной полосе Персии, на долю которого приходится более двух третей всего населения страны этой, соединен караванными путями с наиболее производительными областями. В прежнее время в Тавризе сосредоточивалось почти две трети всей торговли Персии, и хотя, вследствие закрытия кавказского транзита, часть торгового движения и направилась через Суэзский канал к Персидскому заливу, тем не менее и в настоящее время до половины торговых оборотов Персии совершается в Тавризе. Вследствие этого усилия наши должны быть, главным образом, направлены к облегчению нашей торговле доступа к этому городу, а наиболее надежное к тому средство заключается в постройке железной дороги к центру Азербайджана.

Согласно имеющимся в распоряжении военного министерства данным, дорога эта должна направиться из Тифлиса чрез Александрополь, Эривань и Джульфу. Имея 527,6 верст длины по России и 108 верст по Персии, она пройдет по наиболее плодородным местностям Кавказа, почему будет, между прочим, обеспечена местными грузами. Связывая закавказскую

железную дорогу с карским и эриванским театрами военных действий, она в военное время сбережет многие миллионы.

При всем том оправдать возлагаемые на нее ожидания Тавризская железная дорога может лишь в том случае, если одновременно Закавказье связано будет с русской железнодорожной сетью рельсовым путем чрез главный Кавказский хребет. Решение вопроса этого до сих пор отсрочивалось, но откладывать оный долее было бы крайне неудобно. Вследствие успехов, которые техника по прорытию тоннелей сделала за последние 10 лет, как продолжительность, так и стоимость работ значительно сократились, как доказывают следующие данные. Монсенский тоннель, длиной 12 849 метров, строился 14 лет 38 дней, Сен-Готардский, длиной 14 984 метров — 9 лет 109 дней, а Арльбергский—длиной 10 260 метров — 4 года 38 дней. Таким образом ворота Монсенского тоннеля потребовали времени 1 год 98 дней, Сан-Готардского—242 дня, то есть 45% времени потребовалось для Монсенского, а Арльбергского—156 дней, то есть 33% того же времени, или 64% времени, потраченного для Сен-Готардского. Засим погонная сажень Монсенского тоннеля обошлась в 3 133 р. $72^1/_2$ к., Сен-Готардского — 2 101 р. 81 к., Арльбергского—2 120 р. $26^1/_2$ к. металлических. Работы по предполагаемому Симплонскому тоннелю, длиной 16 070 метров (7 532 сан.), оценены в 1 825 р. 53 коп. металл., что, по настоящему курсу 100 фран. за 37 руб., составит 2 701 р. 78 к. кред. Предприниматели полагают достигнуть еще большей экономии от применения электричества для передачи силы. Цифры эти дают повод заключить, что железная дорога через Кавказский хребет обойдется не дороже, а может быть и дешевле кружной (от Владикавказа на Петровск до Баку), а между тем, сравнительно с последней, она представит безусловное преимущество. К этому заключению приводят нижеследующие данные:

1) По изысканиям инженера Статковского, перевальная дорога в 193 версты длины обойдется вместе с подвижным составом в 29 800 000 руб.; на кружную дорогу на Петровск и Баку, длиной в 640 верст, потребуется вместе с подвижным составом 28 176 000 руб.

2) Расход по содержанию перевальной дороги, считая в том числе и проценты на погашение капитала, потребует 2 575 000 руб. Тот же расход на кружной дороге будет равняться 3 502 000 руб.

3) Расходы по передвижению грузов на перевальной дороге будут значительно менее, чем на кружной.

Министр путей сообщения считает долгом заявить, что для правильного разрешения вопроса о постройке перевальной дороги необходимо предварительно произвести новые, более точные изыскания, которые должны облегчить и удешевить самую постройку. Статс-секретарь Гюббенет имеет ввиду, независимо от решения вопроса о персидских железных дорогах, испросить ныне же высочайшее, через Комитет министров, соизволение на производство этих изысканий на счет ассигнованных по смете министерства путей сообщения кредитов. Но при этом необходимо, по его мнению, иметь ввиду, что, если, благодаря успехам техники, постройка тоннелей значительно упростилась и удешевилась, то, тем не менее, на постройку перевальной дороги потребуются значительные суммы, размер коих невозможно определить до тех пор, пока не будут окончены подробные технические изыскания.

Государственный контролер полагает, что подчинить постройку железной дороги до Тавриза сооружению железной дороги чрез Кавказский хребет следует лишь в том случае, если будет признано необходимым уст-

ройство транзитного пути, который должен будет примкнуть к Персидскому заливу. Если же в тавризской дороге оказывается потребность в видах упрочения нашего влияния в Персии, то она и сама по себе будет отвечать этой цели, почему и нет, повидимому, необходимости ставить ее в безусловную зависимость от сооружения перевальной дороги, каковое сопряжено с значительными затруднениями, требует громадных затрат и будет, следовательно, зависеть от состояния наших финансовых средств.

По мнению *министра финансов* вопрос о постройке в Персии железных дорог подлежит обсуждению с двух точек зрения, а именно: насколько она касается интересов нашей торговли и затем в связи с рассматриваемыми Особым совещанием предположениями о направлении чрез Россию индоевропейского транзита. Что касается первого пункта, то, ввиду бедности Персии, полного отсутствия задатков ее развития в будущем и ограниченности ее населения, было бы напрасно рассчитывать на особенно обширный сбыт наших продуктов в этой стране, почему и облегчения, коими торговля наша могла бы воспользоваться вследствие постройки приспособленных к ее потребностям железных дорог, никогда не вознаградят нас за громадные затраты, кои потребуются на сооружение дорог. Так как при всем том как политические, так и экономические интересы наши обязывают нас заботиться о распространении нашей торговой деятельности в Персии, то, по мнению министра финансов, успехам ее могли бы содействовать следующие меры: 1) развитие перевозочных средств на Каспийском море, которые со времени усиления движения на Закаспийской железной дороге оказываются недостаточными; для этого может потребоваться учреждение новой пароходной компании с некоторыми поощрениями со стороны правительства; 2) некоторые, не особенно дорого стоющие улучшения в персидских портах, Энзелийском или Мешедском, смотря по тому, какое направление признано будет более выгодным, и 3) постройка колесной дороги от Каспийского моря к Тегерану. Ввиду дороговизны перевозки товаров, постройка такой дороги значительно удешевит перевозку, и удешевление, которое может быть достигнуто этим путем, окажется, может быть, более значительным, чем то, которого можно было бы ожидать от железной дороги, так как, ввиду значительных затрат на эту дорогу и ограниченного количества подлежащих перевозке грузов, пришлось бы установить для нее слишком высокий тариф.

Переходя затем к представленному г. г. Хомяковым, бароном Корфом и Третьяковым проекту транзитной дороги, министр финансов находит, что вопрос этот представляется более сложным, так как сообщение министра иностранных дел заставляет, между прочим, предполагать, что разрешение его сопряжено с политическими затруднениями. При этом и предлагаемое названными лицами в главных чертах направление железной дороги представляется в некоторых отношениях неудовлетворительным: по их мнению, дорога должна примкнуть к бухте Чахбар, на Индийском океане, а для этого придется провести дорогу через Персидский Белуджистан, населенный полудикими племенами, не подчиняющимися власти персидского правительства. Вследствие этого направление южной части дороги придется, во всяком случае, изменить; судя по новейшим данным, наименее затруднений встретит дорога по направлению к Коруну. Наконец, и предлагаемые г. Субейроном в письме от 17 октября 1889 г. условия недостаточно определенны, подают повод к некоторым веским возражениям и притом лишены значения обязательства, почему и не представляется возможности на основании условий этих войти в какое-либо

соглашение с персидским правительством. Замечания эти министр финансов не оставил передать г. г. барону Корфу и Третьякову, те вполне согласились с их основательностью и выразили готовность подчиниться указаниям, которые правительство заблагорассудит им дать в том случае, если основное предположение их о направлении чрез Россию индо-европейского транзита будет одобрено.

Признавая, ввиду вышеизложенных соображений, что разрешение вопроса о транзите представляется по меньшей мере преждевременным, *министр финансов* полагает, что в настоящее время следует ограничиться предварительными изысканиями и побудить персидское правительство оказать инженерам, на которых возложены будут изыскания, свое содействие. Если изыскания предприняты будут по соглашению с г. Субейроном, который не намерен входить ни в какие обязательства, пока проект железной дороги не будет проверен и одобрен избранными им самим инженерами, то и средства на изыскания будут, конечно, добыты г. Субейроном. В противном случае и если на изыскания не потребуется слишком больших расходов, средства на этот предмет могли бы быть добыты от русских капиталистов.

За всем тем нельзя не признать, что преимущественное значение принадлежит вопросу о соединении Тавриза с русскими железными дорогами. Это соединение представляется желательным по политическим и стратегическим соображениям, как то видно, между прочим, из представленных начальником главного штаба данных. Но, конечно, полную в сих отношениях цену соединение Тавриза с Закавказской дорогой приобретет лишь после постройки перевальной дороги. Рано или поздно дорога эта будет, без сомнения, построена, но, как очевидно, на сооружение ее можно решиться только тогда, когда будут иметься в виду определенные, вполне достаточные финансовые средства, размер коих едва ли можно определить без новых самых тщательных изысканий, основываясь исключительно на цифрах инженера Статковского. К сим изысканиям и необходимо приступить ныне для того, чтобы можно было определить, когда именно финансовые средства дозволят начать сооружение перевальной дороги. Это соображение представляется министру финансов существенным ввиду того, что для быстрой постройки всех необходимых железных дорог нехватит ни средств, ни кредита правительства. Казалось бы, что изыскания на Кавказе должны быть ведены одновременно с теми, которые будут производиться по ту сторону границы.

Соглашаясь с вышеизложенным мнением министра финансов, *председательствующий* находит, что преждевременное участие французских инженеров в деле, имеющем непосредственную связь с политическими и стратегическими соображениями, нежелательно, что предварительные изыскания должны быть возложены на русских инженеров, преимущественно правительственных, и что иностранных инженеров следовало бы допустить лишь в том случае, если предварительными изысканиями будет доказано, что самое предприятие возможно и для осуществления его потребуется содействие иностранных капиталистов.

Товарищ министра иностранных дел не отвергает пользы предполагаемых исследований в Персии, но при всем том он сомневается, чтобы могли увенчаться успехом старания наши утвердить наше влияние на юге страны этой, где ныне преобладает влияние Англии. Средства, коими мы можем располагать для развития наших экономических интересов, гораздо благоразумнее расходовать там, где мы можем добиться положительных ре-

зультатов, а именно на севере. Попытки наши слишком расширить круг нашей деятельности, заставляя нас дробить эти средства, могут только нас ослабить и уменьшить действительность наших мероприятий. Если бы и оказалось возможным направить через Россию индо-европейский транзит, то все же результата этого возможно достигнуть не иначе как при условии соглашения с английским правительством по вопросу о персидских железных дорогах. Помимо этого условия, все наши усилия окажутся тщетными.

Признавая, что вопрос о возможности направления индо-европейского транзита через Россию и о выгодах, кои мы можем получить от этого, требует подробных и специальных исследований, *начальник азиатского департамента* считает, тем не менее, нелишним предоставить на усмотрение совещания несколько приблизительных данных, которые, как он полагает, могут до известной степени служить к выяснению этого вопроса. Эти данные составляют результат сравнения путей, по коим ныне производятся сношения между Европой и Индией, с тем, который предполагается провести через Россию.

Для сношений Лондона с Бомбеем, главным рынком Индии, существует два пути, один из которых — исключительно морской — огибает европейский материк, а другой идет к итальянскому порту Бриндизи, откуда сообщение с Бомбеем поддерживается пароходами. Первый, как наиболее дешевый, удовлетворяет преимущественно потребностям торговли, он предпочитается и менее состоятельными пассажирами. По второму пути следует раз в неделю туда и обратно индийская почта, им же пользуются пассажиры, не стесняющиеся путевыми расходами. Путь чрез Бриндизи (2 202 верст железных дорог и 6 904 верст морского) совершается ныне в 17—19 дней, из коих на морской переход употребляют 15—17 дней. Срок этот нельзя не признать крайне продолжительным, если принять в соображение, что расстояние между Ливерпулем и Нью-Йорком, равняющееся 6 316 верстам, некоторые пароходы проходят в настоящее время в 6-7 дней. Такая разница в скорости зависит преимущественно от того, что, за отсутствием сколько-нибудь серьезной конкуренции на пути в Индию, сообщение с ней поддерживается с соблюдением большой экономии; пароход Oriental and Peninsules steamnavigation company посещает много промежуточных портов, и притом он не принадлежит к быстроходным, которые составляют безусловную необходимость для заатлантических рейсов. Ввиду этого, если только явится не существующая ныне конкуренция, названной компании нетрудно будет при помощи быстроходных пароходов сократить переезд от Бриндизи до Бомбея до 8—10 дней, в каковом случае весь путь от Лондона до Бомбея будет совершаться приблизительно в 10—12 дней.

Если только для индо-европейского транзита открыт будет путь через Владикавказ, Тифлис, Тавриз к Мохаммере, то длина этого пути выразится в следующих приблизительных цифрах.

Расстояние по железным дорогам:

1) от Лондона до Владикавказа	4 000	верст
2) От Владикавказа до Тифлиса, согласно изысканиям инженера Статковского	193	»
3) От Тифлиса до Александрополя и Эривани до Джульфы	527	»
4) От Джульфы до Тавриза	108	»
5) От Тавриза до Мохаммеры	1 400	»

(судя по некоторым данным, железная дорога между этими двумя пунктами ввиду разделяющих их горных хребтов, направляющихся с северо-запада на юго-восток, будет иметь длины не менее 1 400 верст).

	Всего	6 228 верст.
Морской переход от Махаммеры до Бомбея	2 500	»
	Всего	8 728 »

Принимая в соображение, что русские железные дороги по большей части не приспособлены к движениям большой скорости, что, вследствие многочисленных местных условий, еще менее приспособленной к тому окажется предполагаемая персидская железная дорога, и что последняя перережет западную, пересеченную высокими горными хребтами часть Персии, следует полагать, что на переезд по этому пути потребуется никак не менее 12 дней, то есть столько же потребуется и для переезда чрез Бриндизи. Между тем, ввиду значительности расстояний по железным дорогам (6 228 верст вместо 2 202 верст) стоимость переезда по русско-персидскому пути окажется несравненно более значительной, каковое обстоятельство затруднит направление по оному транзита.

Помимо этого, существуют и другие веские соображения, которые нельзя оставить без внимания при обсуждении вопроса о постройке транзитной дороги до Персидского залива. Статистические данные доказывают, что наибольшая часть торгового, почтового и пассажирского движения, направляемая ныне чрез Суэзский канал, приходится на долю Англии. По отчетности за 1888 г. из 34 судов с 6 640 832 тоннами груза, прошедших чрез канал, английских было 2 625 судов с грузом в 5 223 254 тонн, почему и нельзя не доставить вопроса: согласится ли Англия направить сношения с англо-индийскими владениями и колониями чрез Россию в том случае, если бы за русско-персидским путем оказалось возможным обеспечить преимущества, коих не достигли пути чрез Бриндизи? Ответом на этот вопрос может служить минувшая политика Англии. Хорошо известно, что, опираясь на свои многочисленные, коммерческий и военный, флоты, обеспечивавшие ей сообщение с ее колониями, Англия упорно противилась прорытию Суэзского канала на том лишь основании, что предприятие это должно было облегчить доступ в Индийский океан судам других наций. Но когда противодействие оказалось бесполезным и канал был довершен благодаря энергическому содействию Франции, все усилия англичан были направлены к тому, чтобы подчинить своему контролю этот новый путь. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, великобританское правительство скупило большую часть акций компании канала, умножило число своих станций в Красном море и, наконец, в тех же видах, решилось на крайне отважный шаг, а именно на занятие своими войсками Египта, обеспечивающее за Англией бесспорное господство над путями, соединяющими Европу с Индийским океаном. Все эти обстоятельства заставляют сомневаться в возможности склонить англичан воспользоваться для сношений с Индией и с другими их колониями путем чрез Россию, то есть поставить эти сношения в зависимость от державы, к которой Англия питает непреодолимое недоверие. С большим вероятием можно предположить, что великобританское правительство не остановится ни пред какими усилиями и жертвами, какие потребуются им для усовершенствования существующих и доступных ее влиянию путей, или же, если это окажется почему-либо невозможным, для открытия нового пути. Таковым окажется, может быть, железная дорога чрез Малую Азию к устью Евфрата. Если, со времени

открытия Суэзского канала и упрочения над ним контроля Англии, проект малоазиатской дороги и отошел на задний план, то признавать и его невыполнимым не представляется достаточных оснований, в особенности с тех пор, как железная дорога дошла до Константинополя и Салоник, а Турция приступила к постройке в Анатолии железнодорожных участков, как, например, от Скутари до Ангоры (605 километров), который предназначен служить первым звеном Малоазиатской линии. Линия эта, если только ей суждено осуществиться, будет, пожалуй, самым коротким, если и не самым дешевым, путем для сношений между Европой и Индией.

Засим разрешению вопроса о постройке в Персии железной дороги от нашей азиатской границы до Персидского залива должен быть предпослан вопрос об обеспечении безопасности дороги и бесперерывности по ней движения. Не говоря о неблагоприятных случайностях, каковые весьма трудно предупредить даже, при существующем в Персии порядке вещей, нельзя не предвидеть, что в близком, может быть, будущем страна эта сделается театром внутренних смут и междоусобий, продолжительность и последствия которых предусмотреть невозможно. Если и допустить, что нравственное влияние наше окажется достаточным для обеспечения северной части дороги, то, по мере удаления от нашей границы, действительность гарантии этой будет постепенно уменьшаться. В бассейне Персидского залива мы не имеем никакой точки опоры, тогда как Англия уже издавна приобрела себе там прочное положение и не только имеет своих агентов по всему побережью, а также флотилию, состоящую в распоряжении ее резидента в Бендер-Бушире, но и подчинила своему протекторату целые области, как например Маскат и группу Бахрейнских островов.

Мы имели уже случай убедиться, что в приписываемом нам намерении довести железную дорогу до берега Персидского залива англичане уже усмотрели посягательство на их интересы, а потому следует ожидать, что все усилия их будут направлены к тому, чтобы помешать успеху нашего предприятия. Для противодействия их происка нам придется позаботиться о приобретении средства воздействия, а для этого требуется, по всей вероятности, учреждение в Персидском заливе русской военно-морской станции, достаточно сильной для того, чтобы не опасаться соперничества Англии в этом отдаленном от России крае и для внушения к себе уважения прибрежного населения. Ввиду сложности этой задачи и многозначительных последствий, кои она может повлечь за собой, вопрос этот требует специального и весьма зрелого обсуждения.

Переходя к железнодорожному вопросу, поскольку он находится в связи с нашими ямыми интересами в Персии, т. с. Зиновьев полагает, что прежде всего длежит обратить внимание на наши сообщения с Азербайджаном. Соприкасаясь с одной стороны с Кавказом, а с другой—с Малой Азией, область эта представляет для нас первостепенное значение, как это выяснилось, между прочим, во время нашей последней войны с Турцией. Нам удалось в то время побудить шаха не только соблюдать относительно нас доброжелательный нейтралитет, но и выставить на границе Турции несколько персидских отрядов на пространстве от Хоя до Ханекина. Благодаря этим условиям мы имели возможность оставить всю кавказскую границу от Арарата до Каспийского моря почти без прикрытия и сосредоточить все наши силы на малоазиатском театре военных действий. Нельзя рассчитывать, что то же самое повторится в случае новой войны между нами и Турцией. Ввиду присущей ей слабости Персия не может считаться благонадежным оплотом, а турки, если к тому времени им удаст-

ся развить свои силы в Малой Азии, могут поддаться искушению проложить себе чрез Азербайджан путь в Эриванскую губернию с целью зайти в тыл нашей действующей армии или же, по меньшей мере, направить этим путем многочисленные разбойничьи шайки, для организации которых имеется всегда готовый и обильный материал в Малой Азии и которые могут приносить громадный вред нашим сообщениям. О бессилии же Персии помешать подобному покушению красноречиво свидетельствует 1881 г., когда многочисленные шайки курдов под предводительством шейха Обейдуллы ворвались в Азербайджан, разорили сотни деревень и, отягченные добычей, вернулись домой, не встретив нигде серьезного сопротивления. Эти обстоятельства могут заставить нас самих выдвинуть отряд в Азербайджан. К движению в эту область мы можем, сверх того, быть вынуждены и другими обстоятельствами, как, например, внутренними смутами в Персии, в случае коих нам придется принять исключительные меры для обеспечения спокойствия на кавказской границе, и необходимостью поддержать права законного, внушающего нам доверие, претендента на персидский престол. К тому же может побудить нас и невозможность допустить захват западных округов Азербайджана турками, которые, как нам положительно известно, питают замысел овладеть ими при благоприятных обстоятельствах. Все эти соображения говорят в пользу необходимости прочно связать главный город Азербайджана Тавриз с кавказской границей, но так как постройка железной дороги на этом участке не может принести пользы, пока Кавказ не связан с русской железнодорожной сетью рельсовым путем, то в настоящее время было бы желательным позаботиться хотя бы об улучшении существующей между Джульфой и Тавризом дороги настолько, чтобы она сделалась пригодной для колесного движения. Между тем усилия наши должны быть преимущественно направлены к тому, чтобы тем или другим способом не допустить англичан к постройке железной дороги на юге Персии.

Как заметил министр финансов, приспособление существующих дорог, коими торговля наша направится от Каспийского моря к северным персидским рынкам, принесет ей не менее удобств, чем постройка железной дороги. Это тем более справедливо, что железная дорога имеет соединить с Каспийским морем лишь один из интересующих нас рынков, а другие ею не воспользуются, тогда как, при сравнительно меньших затратах, представляется возможность произвести улучшения на нескольких путях. Торговля наша направляется в Индию следующими путями: 1) от Астары чрез Ардебиль к Тавризу, 2) от Энзели чрез Решт к Тегерану, 3) от Мешедисора также к Тавризу, каковой путь предпочитался в известную пору года предшествующему ввиду его краткости, и 4) от селения Гязь, на Астрабадском заливе, к Шихруду. Безусловно предпочтение должно быть дано первым двум путям, как открывающим доступ к двум наиболее населенным местностям Персии. Приспособление этих двух путей к колесному движению в связи с постройкой колесной дороги от Джульфы к Тавризу и с дорогой, ныне строимой персидским правительством от Мешеда к границе Закаспийской области, доставило бы торговле нашей весьма существенное облегчение.

Генерал-майор князь Долгорукий присоединяется к мнению, что прежде всего нам надлежит позаботиться о соединении Тавриза с Тифлисом железной дорогой; помимо ее существенного значения в политическом и экономическом отношениях, дорога эта предназначена сделаться первым звеном рельсового пути, который современем нам придется проложить далее на

юг. Так как направление индо-европейского транзита чрез Россию может только способствовать укреплению ее влияния в Персии, то необходимо приступить по возможности к предварительным изысканиям в видах выяснения этого вопроса. После сделанных нами шахскому правительству заявлений о намерении нашем заняться изготовлением железнодорожного проекта было бы несогласно с нашим достоинством совершенно отказаться от этого намерения. Хотя мы и пользуемся преобладанием в северной Персии, тем не менее мы обязаны позаботиться о средствах утверждения влияния нашего на юге, хотя для достижения цели этой и потребуются значительные жертвы.

По обсуждении вышеизложенных мнений, Особое совещание пришло к следующим заключениям:

1) Для выяснения условий постройки через Персию железной дороги, так и возможности обеспечить за Россией индо-европейский транзит надлежит приступить к предварительным изысканиям от Кавказской границы к Персидскому заливу. Миссии нашей в Тегеране должно быть предоставлено войти по этому предмету в соглашения с персидским правительством и затем представить министерству иностранных дел свои соображения относительно производства изысканий, каковые соображения будут подлежать обсуждению.

Средства на изыскания должны быть отпущены нашим правительством, а самые изыскания возложены исключительно на русских инженеров с участием правительственных.

2) В видах распространения русской торговли в Персии было бы наиболее целсообразным оказать содействие развитию перевозочных средств по Каспийскому морю и улучшению соединяющих Каспийское море с северными персидскими пунктами путей с целью приспособления их к колесному движению; обсуждение средств к выполнению этого предположения следовало бы предоставить совместно министрам иностранных дел финансов и путей сообщения; и

3) с точки зрения наших политических интересов в Персии, а равно и стратегических соображений безусловное значение должно принадлежать железной дороге, имеющей соединить Тавриз с нашей железнодорожной сетью, почему представляется необходимым выяснить, по возможности безотлагательно, вопрос о постройке железной дороги через главный кавказский хребет и в этих видах приступить к новым изысканиям на Кавказе одновременно с изысканиями, которые будут предприняты от Кавказской границы к Тавризу.

Проект секретной телеграммы в Тегеран т. с. Аргиропуло [1]).

Ссылаюсь на телеграмму от 22 декабря.

С удовольствием уведомились о согласии шаха на продление выданного в 1890 г. железнодорожного обязательства на новое десятилетие. Желательно получить документ за подписью шаха возможно скорее, не ожидая окончательных результатов ведущихся ныне переговоров о займе, к успешному заключению коего мы готовы оказать всяческое содействие.

---

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен. Царское Село. 25 декабря 1899 г.».

Проект секретной телеграммы в Тегеран т. с. Аргиропуло [1]).

Государю императору благоугодно было выразить полное удовольствие по поводу достигнутого вами успеха в вопросе о продлении на новый десятилетний срок обязательства шахского правительства не строить в Персии железных дорог.

Сообщите об этом как шаху, так и его первому министру.

Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 июня 1904 г.

Председательствовал: министр иностранных дел статс-секретарь граф *Ламздорф*.

Присутствовали: министр финансов, сенатор, тайн. сов. *Коковцов*.

Российский посол в Константинополе д. т. с. *Зиновьев*.

Товарищ министра финансов, сенатор, тайн. сов. *Романов*.

Товарищ министра иностранных дел, шталмейстер, *князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий*.

Старший советник министерства иностранных дел тайн. сов. *Аргиропуло*.

Управляющий Государственным банком тайн. сов. *Тимашев*.

Директор первого департамента министерства иностранных дел, в должн. гофмейстера, *Гартвиг* и

Председатель правления Учетно-ссудного банка Персии надв. сов. *Барк*.

Председатель, открыв заседание, объяснил, что по высочайшему повелению государя императора совещание образовано для обсуждения вопроса о наиболее желательном, в будущем, направлении финансовой и экономической политики России в Персии.

Со времени получения от России в 1900 году ссуды в $22^1/_2$ миллиона рублей и в 1902 году 10 миллионов рублей шахское правительство не перестает возбуждать пред императорским правительством настоятельные ходатайства либо о новых краткосрочных позаимствованиях, либо о различных льготах в платежах по накопившимся долгам. Вследствие причин политического характера, ходатайства эти большей частью удовлетворялись, и к настоящему времени по краткосрочному кредиту Персия состоит должником русского государственного казначейства в сумме до 3 миллионов рублей. Ввиду имеющихся указаний опыта касательно неспособности персидского правительства выполнять безнедоимочно свои обязательства и так как, с другой стороны, существующая система ведения государственного хозяйства в Персии отнюдь не может служить залогом более правильного отношения к делу со стороны шахского правительства, — на очередь стал вопрос о дальнейшей политике России в случае новых домогательств названного правительства относительно денежных ссуд.

Приступив к обсуждению сего вопроса, совещание не могло не остановиться прежде всего на тех исторически сложившихся между Россией и Персией отношениях, которые лежат в основе проявляемого Персией тяготения к своему северному соседу. Расположенная на весьма значительном протяжении вдоль русской границы и притом наиболее населенными и богатыми своими провинциями, Персия естественным образом воспри-

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен. С.-Петербург. 6-го января 1900 г.».

нимала влияние России, как превосходящего ее по своей культуре государства. Это влияние утвердилось путем общения пограничных населений между собой и развития взаимных торговых сношений, но, главным образом, при помощи воздействия самого правительства, признававшего за Персией значение важного международного фактора с точки зрения как политической, так и экономической. Особенные усилия к расширению в Персии своей деятельности были приложены императорским правительством в последние годы, ознаменовавшиеся значительным ростом мировой торговли и промышленности, а также соперничеством европейских держав по закреплению за собой новых рынков на азиатском материке.

Согласно пояснению министра финансов, Россия, не ограничившись выдачей денежных ссуд шахскому правительству, приняла непосредственное участие в экономической жизни Персии, причем деятельность ее в этом направлении выразилась в весьма разнообразных формах.

Наиболее выдающимся русским предприятием в Персии следует признать учреждение Учетно-ссудного банка Персии, основанного в Тегеране без какого-либо реального обеспечения со стороны шахского правительства. При помощи своих отделений в разных местностях банку этому удалось развить в сравнительно короткое время свои операции до серьезных размеров, потребовавших затрат из русской казны до 11,3 миллионов рублей, и, сверх того, открытия кредита в Государственном банке до 10 миллионов рублей, в счет коих Учетно-ссудный банк Персии ныне должен 4,8 милл. руб. Непрерывно расширяющаяся деятельность Учетно-ссудного банка Персии свидетельствует о прочности начатого дела и целесообразности его в финансовом отношении. Но, помимо этого, названный банк явился могущественным соперником Шахиншахскому банку, учрежденному уже ранее на английские средства, успев значительно стеснить деятельность последнего, каковым обстоятельством определяется значение названного учреждения и в политическом отношении.

Затем весьма значительную важность представляют русские предприятия в Персии в области дорожного строительства. Средствами государственного казначейства приведено во вполне устойчивое положение предприятие по устройству и эксплоатации шоссейной дороги от Энзели к Тегерану, приступлено к проложению разветвления означенной дороги от Казвина до Хамадана, а также сооружается шоссе от Джульфы к Тавризу.

Наряду с дорожными предприятиями, содействие русского правительства оказано было страховому и транспортному делу, перешедшему из частных рук в высшее заведывание министерства финансов.

Наконец, при субсидии в 200 000 рублей в год учреждены срочные рейсы пароходов Русского общества пароходства и торговли в Персидский залив.

Все перечисленные предприятия, получившие новый толчок к жизни при совместных усилиях министерств финансов и иностранных дел и указывающие на внимание, которое уделено было русским правительством персидским делам, несомненно, будут способствовать распространению русского влияния во всех охватываемых ими частях шахских владений.

С другой стороны, поставленное на столь широких основаниях участие России в экономической и финансовой жизни Персии создало совершенно исключительные отношения между обеими странами, усилив соединяющие их дружественные узы и укрепив непосредственное влияние императорского правительства в Тегеране.

Ввиду общего политического значения Персии для России и положенных уже значительных усилий к насаждению в ней русских начинаний, императорское правительство, по мнению совещания, и впредь не может не относиться с особенным вниманием ко всем условиям ее государственной жизни.

Обращаясь к рассмотрению наиболее целесообразной для России в будущем финансовой политики в Персии, совещание не могло не согласиться с высказанным тайным советником Коковцовым мнением о необходимости, именно ввиду серьезности русских интересов в названной стране, относиться с крайней осмотрительностью ко всяким дальнейшим денежным воспособлениям шахскому правительству. Затраты в пользу Персии средств русской казны в то время, когда много самых настоятельных потребностей внутри империи остаются неудовлетворенными, допустимы лишь при том условии, если эти затраты приносят реальные выгоды нашим интересам. С этой точки зрения следует строго различать субсидирование или даже осуществление за счет государственного казначейства разного рода экономических предприятий (каковы—банк, постройка дорог, пароходства, транспортное дело) от прямых ссуд шахскому правительству без определенного назначения. В первом случае жертвы оправдываются пользой, приносимой затратами для торгово-промышленных оборотов империи, причем укрепление нашей экономической связи с сопредельным государством, несомненно, содействует и упрочению нашего политического там влияния. Во втором — эта цель не только не достигается, но, напротив, как видно из имеющихся материалов, подобные ссуды, получающие непроизводительное назначение и только обременяющие персидский бюджет, вызывают неудовольствие в стране и подрывают наш престиж. Ввиду этих соображений тайный советник Коковцов находит, что прямые воспособления шахскому правительству за счет нашего государственного казначейства вообще не должны иметь места и могут быть разрешаемы лишь в исключительных случаях, причем желательно выговаривать известные для нас выгоды. Засим можно считать допустимыми лишь затраты первой категории на полезные для наших интересов предприятия, но и таковые следует по возможности ограничить пределами Северной Персии, не далее линии, проходящей через Исфаганъ; к югу от этой линии конкуренция с иностранными державами, особенно с Англией, представляется для нас чрезвычайно затруднительной, и она могла бы неблагоприятно повлиять на наши отношения к этим державам.

Вполне разделяя приведенные соображения министра финансов, совещание приняло на вид, что в Персии не существует твердо установленный порядок; управление страной зиждется на грубой силе; понятия о законности крайне шатки; как центральные, так и местные власти для достижения своих целей не останавливаются перед произволом. При таких условиях отдельная финансовая отрасль управления не может быть поставлена на сколько-нибудь прочных основаниях. По сознанию самих персидских сановников, составляемый на год бюджет нередко весьма мало соответствует действительному положению вещей. Единственная область, в коей введен некоторый порядок,— это управление таможнями. Но несмотря на увеличивающиеся с каждым годом таможенные поступления, бюджет все же не может быть заключен без дефицита, который достигает трех миллионов рублей в год. Это объясняется отчасти тем обстоятельством, что таможенные доходы служат обеспечением платежей по ранее заключенным внешним

займам и потому не могут быть назначаемы на другие нужды до покрытия срочных по сим займам платежей.

В видах увеличения доходов казны, шахское правительство разработало проект некоторых преобразований в системе финансового управления. Не подлежит однако сомнению, что без посторонней помощи Персия неспособна будет провести в жизнь намеченные реформы. Вследствие сего в среде совещания возникло предположение об оказании Россией содействия в этом деле, но, по обмене взглядов, совещание не могло высказаться в пользу такового предположения.

Не отрицая целесообразности финансовой реформы в Персии, совещание приняло во внимание, что выработанные меры затрагивают ближайшим образом интересы влиятельных классов населения, правителей и духовенства, которые не замедлят создавать всяческие препятствия к осуществлению преобразований на местах. Вмешательство России, при вероятной неудаче дела, могло бы повлиять на ее обаяние в стране. Кроме того, и само шахское правительство едва ли твердо сознает пользу преобразований, так как, по полученным из Тегерана сведениям, один из сановников добился от шаха в самое последнее время выдачи ему на откуп одного из видов сбора с недвижимых имуществ. Реформы имели бы некоторую надежду на успех при совместном настоянии на них со стороны России и Англии, но и в этом случае они сопровождались бы весьма серьезными внутренними потрясениями. В настоящее же время всякие значительные осложнения в соседних с Россией государствах должны быть признаны крайне нежелательными.

По изложенным данным, кредитоспособность Персии является совершенно ничтожной. Устанавливая такое положение, министр финансов высказал, что этим обстоятельством объясняется, почему наше финансовое ведомство, в тех случаях, когда по политическим соображениям признавалось необходимым оказывать персидскому правительству денежную помощь, — стремилось к изысканию надежных гарантий, но означенное правительство усматривало в них либо нарушение своих верховных прав, либо чрезмерные условия. В частности, это правительство в самое последнее время возбудило протест, когда при отсрочке прежней ссуды в 700 000 туманов и выдачи новой в 500 000 туманов возбужден был вопрос относительно обязания шахского правительства признать действительность приобретенной нами транспортной и страховой концессии, против которой были заявлены совершенно неожиданные возражения. В этом случае речь шла не о предъявлении к Персии новых требований, а лишь о подтверждении приобретенных нами бесспорных прав, которые шахское правительство имело намерение оспаривать, и едва ли приведенный случай может давать повод к обвинению финансового ведомства в том, что оно обставляет свои услуги Персии такими тяжелыми условиями, которые умаляют значение самых услуг; немыслимо в заботах о поддержании добрых отношений к соседнему государству итти так далеко, чтобы денежные ему воспособления продолжались в то время, когда оно явно стремится нарушить принятые по отношению к нам обязательства. Несправедлив также и упрек в том, что будто бы Учетно-ссудный банк Персии обусловливает выдачу краткосрочных ссуд крайне высоким процентом, до 9% годовых, в то время как Шахиншахский банк выдает эти ссуды из более дешевого процента, чуть ли не из 4%. Последнее безусловно неверно, интерес 9% годовых вовсе не высок для Персии, где ссуды из 12% считаются необременительными; если бы английский банк действительно ссужал деньги персидскому правительству

из низкого процента, то представлялось бы совершенно непонятным, почему нередко ссуды у нас испрашиваются именно для выкупа крайне тягостных долгов у Шахиншахского банка.

Ввиду обрисованного выше финансового положения Персии, по мнению тайного советника Коковцова, единственным реальным обеспечением ссуд следует признать таможенные доходы. Но так как относительно таможен южных провинций существует особая сделка между Персией и Англией, то на долю России остаются доходы прочих таможен, служащие уже обеспечением прежних займов. Само собой разумеется, что этот источник средств не может быть неиссякаем, и, в конце концов, пришлось бы вступить в фактическое заведывание таможнями — результат весьма нежелательный по трудности осуществления дела и влекущий за собой непосредственное вмешательство во внутреннее управление страной. Затем не следует упускать из виду, что на почве персидских дел России приходится вести нелегкую борьбу с серьезным соперником в лице Англии, которая обладает большими материальными средствами и может вынести более значительные, чем Россия, денежные жертвы. Вступать на путь борьбы с Англией можно лишь с крайней осмотрительностью, в особенности в сфере ее интересов на юге Персии, так как эта борьба может легко довести дело до обострения отношений с ней, без особой притом пользы для себя.

Принимая, наконец, во внимание, что получаемыми ссудами шахское правительство распоряжается без должной системы, без всякой пользы для экономических сил страны, и что они лишь ложатся тяжелым бременем на население, начавшее уже громко высказывать неудовольствие по поводу заключаемых за границей займов, совещание пришло к заключению, что возможное отклонение домогательств шахского правительства относительно денежной помощи представляет наиболее правильный путь для финансовой политики России в отношении Персии и что новые денежные выдачи могут быть допущены лишь в самых исключительных случаях, когда приносимые жертвы будут оправдываться соображениями особой политической важности, либо отвечать собственным экономическим интересам России и при наличности достаточных гарантий.

Перейдя к рассмотрению вопроса о направлении русской экономической политики в Персии, совещание не могло не признать, что результаты, достигнутые существующими банковым, дорожным и транспортным предприятиями, побуждают к продолжению деятельности последних, — постепенному расширению их, для приобретения прочного преобладания над иностранцами, которое должно служить наилучшим залогом усиления общего влияния России в Персии. С этой точки зрения не представляется оснований высказываться против сосредоточения в русских руках и новых предприятий, если они являются достаточно выгодными сами по себе. Напротив, с полным сомнением следует отнестись к мысли о закреплении за собой возможно большего числа концессий в Персии, как средства борьбы против иностранных предприятий. Таковые концессии, добытые лишь ради того, чтобы они не достались иностранцам, остались бы неиспользованными за недостатком средств или необеспеченностью самого дела. Они содействовали бы только распространению нежелательных нареканий на русское имя, во избежание чего правительству предстояла бы необходимость поддерживать их и нести новые бесполезные жертвы.

По мнению совещания, особого внимания заслуживает вопрос о путях сообщения в Персии.

Наиболее богатые персидские области прилегают к России и к Каспийскому морю. Они естественно тяготеют к России, в них укореняется преимущественно русское влияние. Проведение в них грунтовых или шоссейных дорог может только способствовать развитию общения населения с Россией и умножению с последней торговых связей. Означенные дороги не могут представить никакой опасности в отношении содействия к проникновению в Персию иноземных влияний. На севере никакое преобладание кроме русского утвердиться не может. Что же касается дорог на юге, то, ввиду его малолюдности и отдаленности от центра, они не имеют для нас существенного значения и едва ли могут служить проводником иноземных влияний.

Иначе ставится вопрос о рельсовых путях. Соединяя по кратчайшему направлению центры с окраинами, железные дороги устанавливают быстрые и дешевые сообщения, приближают всю страну, через которую пролегают, к открытому морю и значительно способствуют проникновению всяческих влияний. Опасность для России от сооружения железных дорог в Персии сознавалась русским правительством с совершенной определенностью. Все его усилия были доныне направлены к тому, чтобы срок приступления к железнодорожному строительству в шахских владениях был, по возможности, отдаляем. С этой целью в 1890 году Персия была связана обязательством не прибегать к сооружению рельсовых путей втечение 10 лет. В 1900 году означенное обязательство было продолжено еще на 10 лет. Желательность продления его и после 1910 г. неоспорима, тем более, что великобританское правительство уже заручилось преимущественным правом постройки железных дорог от Тегерана к Персидскому заливу, как только шахское правительство приступит к сооружению рельсовых путей на севере страны. В настоящее время трудно однако предвидеть, согласится ли персидское правительство возобновить свое обязательство перед Россией. Посему министерством финансов приняты уже меры к тому, чтобы при первой же необходимости строящееся к Тавризу шоссе могло быть обращено в рельсовый путь и чтобы вследствие сего главная будущая персидская магистраль Джульфа—Тавриз—Тегеран находилась всецело в русских руках. Министр финансов высказал при этом, что прибегать ныне к каким-либо другим мерам он не считал бы возможным, так как происходящие на Дальнем Востоке события вынуждают к сокращению расходов казны, вследствие чего и в деле железнодорожного строительства внутри России предположено ограничиться лишь самым необходимым.

Наряду с путями сообщения немаловажную роль в экономической жизни страны играет телеграф, служащий естественным дополнением всякого дорожного строительства. В Персии телеграф будет полезен России повсюду, где последняя пользуется преобладающим положением. Поэтому развитие телеграфной сети на русские средства должно быть признано желательным, если ее сооружение не будет вызывать чрезмерных затрат и если она будет служить правильным дополнением сосредоточенных в русских руках предприятий.

В заключение совещание затронуло вопрос о неблагоприятном отношении населения Персии к проникающим в страну иностранным элементам. Для устранения такового явления, поскольку оно касалось бы России, представлялось бы, по мнению совещания, соответственным, чтобы русские учреждения в стране не упускали из виду интересов населения, идя, по возможности, им навстречу, но, оказывая населению помощь, отнюдь не подрывали в его глазах авторитета шахского правительства.

Резюмируя высказанные суждения, *председатель* указал, что, по существу дела, между ведомствами финансов и иностранных дел установлено совершенное согласие во взглядах и что, по их мнению, России впредь надлежит:

1. Отклонять, по возможности, всякие просьбы персидского правительства о денежной помощи.

2. Допускать ссуды денег лишь в самых исключительных случаях, по особо важным соображениям политического или экономического характера и при наличности достаточных гарантий.

3. Не домогаться никаких новых концессий, не оправдываемых собственными выгодами дела.

4. Развивать и усовершенствовать существующие в Персии русские предприятия — банковое, дорожное, транспортное и пр.

5. Противодействовать развитию железнодорожного строительства в Персии.

6. Принимать участие в расширении телеграфной сети, как дополнительного к дорожным сооружениям предприятия [1]).

Граф Ламздорф. *Коковцов.*
Оболенский. *Романов.*
Зиновьев. *Тимашев.*
Аргиропуло. *Барк.*
Гартвиг.

Журнал Особого совещания по вопросу о будущих отношениях России и Персии 12 августа 1905 г.

Председательствовал: министр иностранных дел статс-секретарь *граф Ламздорф*.

Присутствовали: министр финансов статс-секретарь *Коковцов*.

Военный министр генерал-лейтенант *Редигер*.

Товарищ министра иностранных дел, шталмейстер высочайшего двора, *князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий*.

Старший советник министерства иностранных дел т. с. *Аргиропуло*.

Директор первого департамента министерства иностранных дел, гофмейстер высочайшего двора, *Гартвиг*.

Управляющий Государственным банком т. с. *Тимашев*.

Председатель правления Учетно-ссудного банка Персии надв. сов. *Барк*.

Агент министерства финансов в Персии ст. сов. *Грубе*.

Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант *Палицын* не мог принять участия в совещании за выездом в служебную командировку по высочайшему повелению.

Открывая заседание, *министр иностранных дел* объяснил, что из неоднократных заявлений садразама императорское правительство имело случай осведомиться о принятом шахом решении окончательно отказаться от политики колебания между русским и английским влиянием и бесповоротно перейти на сторону России, установив будущие взаимные отношения во время предстоящего прибытия своего к высочайшему двору. Вследствие сего государю императору благоугодно было всемилостивейше

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен. Петергоф. 4 июля 1904 г.».

повелеть обсудить в настоящем совещании программу действий, которой надлежало бы придерживаться в возможных переговорах с шахом и его первым министром по вышеуказанному поводу.

Сущность ближайших планов шаха доныне сохраняется в строгой тайне и неизвестна даже персидскому посланнику в С.-Петербурге. Ввиду сзначенного обстоятельства, совещание, отнюдь не предрешая могущих возникнуть по ходу дела общих политических вопросов, признало, что задачей его должно быть выяснение и представление на благовоззрение его императорского величества заключения своего о том, какие реальные выгоды могли бы быть предоставлены нами Персии и взамен получены от нее. С этой точки зрения и принимая в расчет современное состояние Персии, финансовая сторона дела приобретает особое значение.

По сведениям министра финансов, в намерения шаха, безусловно, входит заручиться денежной помощью нашей и притом, как можно предположить, в сумме, превышающей один миллион фунтов стерлингов, который, по слухам, распущенным в Тегеране минувшей весной, Англия была готова предоставить в распоряжение персидской казны.

Разделяя соображения министра финансов, совещание нашло, что, хотя собственное финансовое положение России является ныне весьма затруднительным, тем не менее без крайней нужды было бы неправильно принципиально отказываться от денежной помощи Персии взамен реальных выгод, так как этим путем мы искусственно направляли бы ее внешнюю политику в сторону нам неблагоприятную, — следует лишь точно определить размер и форму этой помощи.

Дабы выяснить, согласно выводам министра финансов, сколько мы в настоящее время можем ссудить Персии, необходимо прежде всего указать, что общий итог уже определившихся прямых затрат государственного казначейства в Персии составит к 11 августа 1905 года:

1) Учетно-ссудный банк Персии . . . . . (в том числе 11 875 000 р. основного капитала, а остальное оборотные средства)	21 350 000 руб.
2) Энзели-тегеранская дорога, Хамаданская дорога и Энзелийский порт	10 632 000 руб.
3) Тавризская дорога	2 535 000 руб.
4) Персидское Страховое и Транспортное общество	200 180 руб.
5) Рейсы в Персидский залив по конец 1905 года	1 180 000 руб.
6) Долгосрочные займы	29 114 738 руб.
7) Ссуды 1903, 1904 и 1905 годов	2 975 000 руб.
8) Ссуды и кредиты наследнику шахского престола.	1 540 000 руб.
	69 526 918 руб.

К чисто политическим, т. е. сомнительно обеспеченным и почти безвозвратным выдачам, входящим наравне с производительными затратами в приведенный итог, по мнению министра финансов, должна быть причислена и новая ссуда, о которой будет просить Персия. Принимая в соображение финансовое положение шахского правительства и возможную несостоятельность страны, бюджет которой дает ежегодные дефициты до 3 миллионов рублей и которая не имеет ни внутреннего, ни внешнего нормального кредита, мы должны не только принять за высший предел упомянутую

выше сумму в 1 миллион фунтов стерлингов, или приблизительно 10 миллионов рублей, но и распределить выдачу оной на несколько лет, например не менее 3-х, а по возможности даже и более, и с тем, чтобы размер выдачи в ближайшее время ограничен был возможно скромными пределами. Нам необходимо предвидеть будущие потребности Персии в денежных воспособлениях, и мы должны создать себе некоторую гарантию против неожиданных новых просьб, а тем более против возможности обращения за денежной помощью к нашим политическим конкурентам.

Таможенный доход, призванный удовлетворять слишком многочисленным и разнообразным нуждам, не может уже ныне почитаться сколько-либо серьезным обеспечением. Вследствие сего, не настаивая на установлении контроля над персидским бюджетом, который едва ли практически осуществим без прямого и явного вмешательства во внутренние дела страны, совещание нашло, что вполне реальной гарантией могло бы быть признано обязательство Персии не кредитоваться впредь у Англии (Шахиншахский банк). Подобное обязательство должно, казалось бы, соответствовать и заявленным императорскому правительству намерениям шаха, если он искренно решил впредь избегать зависимости от Англии.

Переходя к обсуждению финансово-экономических выгод, которыми мы могли бы заручиться от Персии, совещание признало необходимым обеспечить за Учетно-ссудным банком Персии исключительное право поставки на комиссионных началах серебра на Тегеранский монетный двор.

По вопросу о концессиях, выдаваемых шахским правительством, совещание не могло не принять в расчет, что продолжение строго запретительной политики в этом отношении представило бы некоторые серьезные неудобства, давая повод к обвинениям России в стремлении затормозить экономическое развитие и благоустройство Персии и посягать на верховные права шаха. В известной мере однако подобное неудобство могло бы быть устранено более мягкой и осторожной формой проведения упомянутой политики, совершенно же отказаться от нее ныне было бы опасно уже ввиду недостаточности как частной инициативы, так и свободных государственных ресурсов для достаточного развития экономической деятельности нашей в Персии. Безусловно желательно, по крайней мере, обеспечить за Россией преимущественное положение в сопредельных с русской границей областях, в коих персидское правительство должно обязаться выдавать концессии лишь с нашего согласия.

Что касается, в частности, железнодорожных концессий, то совещание прежде всего установило в принципе желательные и недопустимые предприятия в этой области. По соображениям как экономическим, так и стратегическим, существенно необходимыми для нас являлись бы линия Джульфа—Тавриз—Тегеран и ветвь от Закаспийской железной дороги, по крайней мере, до Мешеда, если не до Сеистана. Недопустимым должно быть признано, с политической и экономической точек зрения, продолжение Белуджистанской железной дороги от восточной границы Персии до западной, а равно всякая линия, которая, начинаясь от Персидского залива, направлялась бы на север, в те области, где наши товары, ныне завоевавшие себе прочное положение, но переплачивающие на пробеге по русским железным дорогам от мануфактурных центров до русско-персидской границы, не будут в состоянии конкурировать с транзитными товарами, доставляемыми дешевым морским путем.

Принимая, вместе с тем, во внимание, что в случае принципиального разрешения строить железные дороги Англия неминуемо воспользуется

теми концессиями, коими она успела условно заручиться на юге, совещание пришло к тому заключительному выводу, что в настоящее время представлялось бы наиболее целесообразным не возбуждать категорически вопроса о продлении выданного шахом обязательства не разрешать постройки железных дорог до 1910 года, а лишь побудить персидское правительство формально заявить нам, что до указанного срока оно не войдет ни с кем в какие бы то ни было переговоры по железнодорожным делам и решения свои по железнодорожному строительству примет не иначе, как по соглашению с Россией, которое должно последовать не позднее определенного срока (напр. года — 6 месяцев) до истечения обязательства шаха; переговоры по сему поводу могут быть возбуждены по инициативе русского или персидского правительства. В видах удовлетворения потребностей в путях сообщения мы могли бы продолжать постройку шоссейных дорог с готовыми железнодорожными профилями и дать в случае нужды соответствующие обещания персам.

Переходя к инструкторскому вопросу, совещание, согласно с мнением военного министра, признало, что при настоящем состоянии наших вооруженных сил мы не должны стремиться к широким планам реорганизации персидской армии, которые могли бы повести к опасным осложнениям, не говоря уже о расходах, заранее не определимых. Не добиваясь удаления имеющихся в Персии австрийских инструкторов, но не допуская и увеличения их числа, нам желательно усилить несколько персидские войска с русскими кадрами, т. е. расширить казачью бригаду, и дать совет Персии усилиться этим путем на северо-восточном ее фронте.

Совещанию были представлены сведения о сделанных в Париже, через посредство персидского посланника, заказах оружия французским заводам на сумму до 5 миллионов франков, по которым сделана была попытка добиться гарантии Парижско-Нидерландского банка, отклоненное однако согласно советам из С.-Петербурга. Всякое содействие с нашей стороны как в уплате денег по этим заказам, так и в разрешении транзита через Кавказ было признано нежелательным. Но мы могли бы, по мнению военного министра, выдать из своих запасов достаточное количество оружия, по возможности старых образцов.

Наконец, совещание, коснувшись внешней стороны предстоящих переговоров с персидским правительством, пришло к заключению, ввиду крайних неудобств вести переговоры в Тегеране, о желательности установить и разрешить в главных чертах еще втечение пребывания шаха в России те вопросы, которые будут им возбуждены, отложив для дальнейших переговоров через посредство пребывающего в С.-Петербурге персидского посланника лишь детальную разработку принципиально предрешенных и закрепленных соглашений в тех частях, где это окажется необходимым. Равным образом, совещание признало соответственным в течение переговоров избегать всего того, что могло бы подать повод персам заподозрить с нашей стороны стремление установить какие-либо сферы влияния в Персии. В связи с этим последним обстоятельством совещанию были доложены некоторые специальные вопросы, возбужденные Главным управлением торгового мореплавания в отношении областей, примыкающих к Персидскому заливу, дабы таковые могли быть разрешены в связи с общим направлением нашей деятельности в этой части Персии. Согласно с мнением министра финансов признано было желательным, отнюдь не отказываясь от достигнутых результатов и продолжая деятельность, уже одобренную его императорским величеством и обеспеченную соответст-

венными ассигнованиями (рейсы в Персидский залив), воздерживаться однако от всяких затрат, имеющих политическое — прямое или замаскированное — значение (как, например, торговые операции за счет казны), а также от мероприятий, вызывающих необходимость предоставления крупных оборотных средств.

По согласовании высказанных суждений, таковые были резюмированы нижеследующим образом:

1) Персии может быть выдана новая ссуда до 10 миллионов рублей с распределением оной на несколько лет.

2) Персия обязуется не кредитоваться впредь у Англии (Шахиншахского банка).

3) Учетно-ссудному банку должно быть дано исключительное право поставки на комиссионных началах серебра на Тегеранский монетный двор.

4) В сопредельных с русской границей областях шахское правительство обязуется не выдавать каких-либо концессий без согласия России.

5) Персидское правительство обязуется не входить ни с кем в какие бы то ни было переговоры по железнодорожным делам до истечения действующего ныне обязательства шаха, и дальнейшие решения свои принять не иначе, как по соглашению с Россией (и не позднее определенного срока пред истечением упомянутого обязательства).

6) Ко всяким заказам оружия для Персии за границей нам надлежит относиться отрицательно и, в зависимой от нас мере, препятствовать таковым. Действительно необходимые поставки могли бы быть сделаны Россией по возможности из наших старых запасов.

7) Не допуская увеличения иностранных инструкторов в Персии, нам желательно несколько усилить персидские войска с русскими кадрами [1]).

Ламздорф. *Гартвиг.*
Коковцов. *Тимашев.*
Редигер. *Гирс.*
Оболенский. *Барк.*
Аргиропуло.

Журнал Совещания 7 сентября 1906 г.

Председательствовал: министр иностранных дел *А. П. Извольский.*

Присутствовали: министр финансов статс-секретарь *В. Н. Коковцов.*

Военный министр генерал-лейтенант *А. Ф. Редигер.*

Министр торговли и промышленности *Д. А. Философов.*

За председателя Совета министров товарищ министра внутренних дел *С. Е. Крыжановский.*

За председателя Совета государственной обороны генерал-лейтенант *А. П. Протопопов.*

Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант *Ф. Ф. Палицын.*

Товарищ министра иностранных дел *К. А. Губастов.*

Старший советник министерства иностранных дел *К. М. Аргиропуло.*

Директор первого департамента министерства иностранных дел *Д. К. Сементовский-Курило.*

---

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен. Петергоф. 18 августа 1905 г.»

Начальник азиатского отдела Главного штаба генерал-майор *Ф. Н. Васильев.*

Состоящий при начальнике Генерального штаба генерал-майор *М. С. Ермолов.*

Председатель правления Учетно-ссудного банка *Э. К. Грубе.*

Чиновник особых поручений министерства финансов *С. К. Подгурский.*

Открывая заседание, *министр иностранных дел* изложил цель настоящего совещания, первого из ряда других, посвященных переговорам о соглашении с Англией. Вопросы, которые будут служить предметом переговоров, затрагивают самые разнообразные интересы, и успешно разрешить их возможно, лишь установив общую точку зрения и полное единство между ведомствами. Одновременно надлежит иметь неизменно ввиду чрезвычайную государственную важность прочных отношений с такой державой, интересы которой соприкасаются с нашими на всем протяжении азиатского и европейского материков. Не следует забывать, что нам предстоит выбор между соглашением, способным надежно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб всем нашим пользам. В данную минуту предстоит обсудить конкретный случай, по коему участникам совещания сообщены все материалы. Резюмируя таковые, следует признать за исходную точку принятое императорским и великобританским правительствами решение поддерживать существующее status quo на все время, пока между ними будут происходить переговоры о соглашении, и естественно возникающее отсюда предположение о совместных действиях в такой сфере взаимных интересов, где силой обстоятельств возникла бы насущная необходимость в принятии немедленного решения. Такое острое положение возникло именно в области финансов Персии, и мы пошли навстречу сделанному еще несколько месяцев тому назад предложению Англии обсудить способы и средства совместной помощи шахской казне. По ходу последовавших затем объяснений Лондонский кабинет поставил однако вопрос шире и заявил нам о своем желании выговорить от персидского правительства обязательство не выдавать другим державам концессий на железные или шоссейные дороги и сооружение телеграфов на восток от линии Бирджанд—Бендер—Аббас. Такое серьезное политическое условие, представлявшееся тяжелым по сравнению с незначительным размером предположенной в первую очередь ссуды (5 миллионов франков), сразу ставило на очередь вопрос о соглашении по персидским делам в его совокупности, притом в связи с обстоятельствами случайного текущего свойства. Вследствие сего министр иностранных дел убедил Лондонский кабинет отказаться от вышесказанного условия и ограничиться формальными гарантиями финансового свойства, отложив намеченное им отграничение сфер влияния до разработки общего соглашения. Кроме того великобританский посол только-что уведомил, что Англия, стремясь сделать проектированный шахской казне аванс фактически совместно с Россией, готова ныне же облегчить нам взыскание причитающихся на нашу долю сумм ввиду сделанных нами указаний на встречающиеся затруднения законодательного и иного формального свойства. Дело приобретает таким образом специально финансовую постановку, и прежде всего желательно выслушать мнение статс-секретаря Коковцова по сему поводу.

Министр финансов заявляет, что в изложении своего взгляда ему трудно будет ограничиться сферой экономической и финансовой, ибо соображения этого свойства не могут не находиться в зависимости от целей и задач, преследуемых Россией в Персии, и должны носить по отношению к последним служебный характер. Нельзя скрывать от себя фактов, и приходится признать то безусловное обстоятельство, что политическое значение России умалилось, и, соответственно с этим, нам необходимо видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью. В частности, что касается Персии, то общей ходячей мыслью являлось стремление к выходу в Персидский залив, включая идею постройки меридиональных железных дорог. Нельзя не признать в этом глубокого заблуждения. Персидский залив фактически закрыт Англией и находится на деле в ее руках; между тем указанное стремление вызывало политику соревнования и, в результате, вражду Англии. Но и прежде давление на Англию было нам непосильно, а в настоящее время прямо невозможно; что же нам дало бывшее соревнование? Влияние Англии в Персии несравненно сильнее нашего, и в этом отношении может служить достаточным доказательством всегдашний страх шахского правительства перед малейшим долгом английскому банку, наравне с крайней бесцеремонностью, когда дело идет о денежных обязательствах перед Россией, доходящей до попыток использовать на иные нужды предоставленные нам гарантии. Влияние наше мы поддерживали посредством подачек; иногда мы должны были для осуществления уже предоставленных нам прав прибегать к денежным выдачам, как было, например, при организации персидского Транспортного общества на основании ранее дарованной концессии.

Из средств казны мы израсходовали на персидские займы и предприятия в Персии свыше 72 миллионов рублей, слагающихся из нижеследующих сумм:

1) Учетно-ссудный банк Персии	21 350 000
2) Энзели-Тегеранская дорога, Хамаданская дорога и Энзелийский порт.	10 681 000
3) Тавризская дорога	4 690 200
4) Персидское Страховое и Транспортное общество	200 120
5) Рейсы в Персидский залив по конец 1906 года . . .	1 460 000
6) Долгосрочные займы	28 972 124
7) Ссуды 1903, 1904, 1905 гг.	3 223 810
8) Ссуда и кредиты наследнику шахского престола	1 627 500
Итого	72 204 754

С другой стороны, нам известно, что Персия задолжала англичанам не более двух миллионов рублей; сопоставляя эти две цифры, во всяком случае, придется признать, что обоюдное влияние России и Англии далеко не пропорционально принесенным денежным жертвам, и сделать тот вывод, что деньги нужно уметь тратить и, кроме того, располагать моральной силой, иначе в экзотической стране не приобрести прочного влияния.

Можно ли серьезно говорить о том, чтобы вытеснить кого бы то ни было из Персии и целиком подчинить ее русскому влиянию? Ответ, несомненно, должен быть отрицательным, так как кроме Англии постройка Багдадской железной дороги приближает и Германию к Персии и притом к таким областям, которые ближе всего связаны с Россией самыми разно-

образными интересами. Наконец, при том внутреннем положении, в коем находятся ныне владения шаха, установление исключительного влияния России грозило бы в ближайшем будущем перспективой военного усмирения целой страны.

Ввиду этих соображений министр финансов полагает, что углубляться в Персию мы никоим образом не должны. Наши задачи — обслуживать соседние с Россией провинции, не допуская туда влияния Англии и Германии. Как ни желательно сузить нашу сферу деятельности, чтобы не отвлекать Россию от того процесса восстановления сил, которому она должна прежде всего себя посвятить, мы не можем отрешиться от пограничных, особенно северо-западных, провинций Персии, в которых мы много затратили и довольно много сделали и где у нас имеются действительные исторически сложившиеся интересы и связи. Пытаясь указать предел таковым, статс-секретарь Коковцов наметил в своем отзыве от 2 сентября № 451, сообщенном участникам совещания, линию Касри—Ширин—Хамадан—Тегеран—Мешед—Асхабад, которая, с одной стороны, закрывает выход Багдадской дороги в Персию и защищает доступы к Закаспийской железной дороге, а с другой — захватывая столицу страны — проводит естественную границу той сферы, в которой мы уже успели заручиться концессиями и вообще стать прочной ногой. Этой линией мы должны ограничиться и твердо решить не итти далее на юг.

Переходя к финансовой стороне дела, по мнению статс-секретаря Коковцова, необходимо окончательно отказаться от системы подачек персидскому правительству на неизвестные нужды, так как этим путем мы фактически постепенно теряем наше влияние в стране. Чтобы вернуть хоть часть наших затрат, нужно, договорившись по возможности с Англией, обосновать законность наших притязаний на известную сферу влияния и приступить к эксплоатации наших прав при содействии капиталов мелких нейтральных государств, — например, бельгийцев, уже завязавших сношения с Персией и создавших себе там реальные интересы. В этой же области концессионных предприятий должны мы искать и средства воспособления персидской казне и способы обеспечения ее долговых обязательств.

Частный случай аванса в 10 миллионов франков Персии не может рассматриваться самостоятельно; это лишь первый шаг к неизбежным дальнейшим выдачам в сумме, по крайней мере, еще 40 миллионов франков, если принять в расчет текущий долг шахского правительства местным банкирам (базару) около 25 миллионов франков и ежегодный дефицит приблизительно в 8 миллионов. Необходимо поэтому твердое последующее соглашение с Англией и, следовательно, твердая уверенность, что дальше известных пределов наше влияние не направится на юг, дабы не расстроить отношений к названной державе и не вовлечь нас в неожиданные осложнения.

Министр иностранных дел приносит благодарность статс-секретарю Коковцову за всестороннее освещение предмета и, всецело присоединяясь со своей стороны к изложенным суждениям, просит высказаться остальных членов совещания.

Военный министр в принципе разделяет точку зрения министра финансов и, не касаясь пока обеспечения тех или других чисто военных интересов, высказывается в пользу соглашения с Англией как средства устранить поводы к осложнениям, избегать коих безусловно необходимо в видах беспрепятственного восстановления нашей боевой готовности.

Министр торговли и промышленности, в общем, присоединяется к

мнению министра финансов и считает нужным оговорить лишь вопрос о рейсах судов Русского общества пароходства и торговли в Персидский залив. Несомненно, что субсидия обществу на поддержание этих рейсов была дарована исключительно по соображениям политическим. Дело это, помимо цифр, приведенных статс-секретарем Коковцовым, требует еще постоянных жертв со стороны казны в форме сложения пошлин с товаров, привозимых означенным путем в Одессу, до более низких ставок, установленных русско-персидским таможенным тарифом. Каковы бы ни были однако личные его взгляды на этот предмет, т. с. Философов не считает возможным высказаться окончательно в смысле упразднения мероприятий по развитию торговли с Персидским заливом до предположенного всестороннего рассмотрения настоящего дела в министерстве торговли и промышленности.

Министр иностранных дел поясняет, что вопрос о сферах влияния вовсе не исключает свободной коммерческой конкуренции даже в сказанных сферах и что едва ли можно ожидать со стороны англичан каких-либо заявлений в смысле ограничения подобной деятельности.

Начальник Генерального штаба заявляет, что военные интересы наши в Персии меньше всего касаются этой страны, которая не угрожает нашим границам, и больше всего касаются Англии. С этой точки зрения заявление о линии Бирджанд—Бендер—Аббас является весьма симптоматическим, обнаруживая, в сущности, истинные намерения Англии — утверждение своего исключительного влияния в Сеистане. Обстоятельство это не может не быть принято во внимание при предстоящих переговорах, и начальник Генерального штаба, по соглашению с военным министром, представит в ближайшем времени свои соображения по сему поводу. По финансовой стороне дела, ныне разбираемой, генерал-лейтенант Палицын не встречает возражений, равно как и в принципе, против соглашения с Англией.

Генерал-лейтенант Протопопов замечает, что стремление к Персидскому заливу может быть объяснено не одними только экономическими видами, но и потребностью в промежуточных морских станциях. Морское ведомство, например, интересовалось бухтой Чахбар, у входа в залив на Индийском океане. Поэтому при рассмотрении вопроса о сферах влияния желательно присутствие представителя морского министерства.

Министр иностранных дел выражает согласие на это предположение.

Д. с. с. Крыжановский всецело присоединяется к мнению, высказанному министром финансов.

Во время последовавшего затем обмена взглядов председатель правления Учетно-ссудного банка Персии *ст. сов. Грубе* пояснил, что полученные по займам деньги обращены были на прихоти шаха или пошли на обогащение его приближенных, %% уплачивались из выдаваемых нами ссуд. Долги персидского правительства базару, вероятно, превышают известную нам сумму. Повсеместная откупная система разоряет страну, и Персии нужны не новые займы, а новые люди, которые привели бы страну в порядок; в этом отношении наилучшую помощь могли бы оказать бельгийцы, конечно, при поддержке России и Англии. На первой очереди должен быть поставлен вопрос о скорейшей постройке железных дорог, которые одни могут вывести Персию из теперешнего ее жалкого экономического положения.

Старший советник министерства иностранных дел *т. с. Аргиропуло*, разделяя, в общем, взгляды министра финансов, высказал сомнение о возможности привлечь обильные иностранные капиталы в такую разорен-

ную страну, как Персия, и некоторые опасения по поводу возможного враждебного отношения населения к условиям, которые могут быть предъявлены при выдаче ссуды Россией и Англией. Национальное чувство, несомненно, пробудилось в Персии, и внутреннее ее положение в данную минуту совершенно не выяснилось, так как нельзя предвидеть, чем окончится попытка введения парламентского строя в стране. Возможно, что, под давлением населения, правительство откажется получить ссуду от России и Англии. К этому замечанию присоединился и *Э. К. Грубе*.

Министр финансов, со своей стороны, заметил, что на железнодорожное предприятие капиталы, вероятно, найдутся; во всяком случае, эта сторона дела выяснится путем переговоров с Науссом, без участия коего не может быть установлена дальнейшая программа финансовых действий, так как хронические дефициты уже служат ясным доказательством, что в обычных ресурсах персидской казны нечего больше искать статей дохода, которые могли бы служить гарантией по предстоящим выдачам.

По дальнейшем обсуждении поставленного на очередь вопроса, совещание единогласно признало необходимым:

1) Поручить министру финансов ныне же приступить к осуществлению предположений об авансе Персии на предложенных Англией общих основаниях и установить подробности по передаче денег шахскому правительству и расходованию оных на месте.

2) Уполномочить статс-секретаря Коковцова вызвать в С.-Петербург г. Науса для изыскания способов действительного обеспечения открываемых шахскому правительству кредитов и разработки плана дальнейших финансовых действий в Персии [1]).

Извольский.
Редигер.
Палицын.
Протопопов.
Коковцов.
Философов.
Крыжановский.

---

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Одобряю. 11 сентября 1906 г.»

Англо-германское сближение в 1898 г.

В одном из публикуемых ниже писем царский посол в Берлине Остен-Сакен, характеризуя создавшееся к весне 1898 г. общее политическое положение в Европе, приводит слова германского министра иностранных дел Бюлова, что момент этот таит в себе возможности решительного поворота (Wendenpunkt) в политике европейских держав. События на Дальнем Востоке — захват Германией Киао-Чао, Россией—Порт-Артура, Англией—Вей-ха-вея, а также намерение С.-А. Соед. Штатов утвердиться на Филиппинах вызвали в этой части земного шара перегруппировку держав, которая поставила вопрос о возможности такой же перегруппировки держав и в Европе. Одним из следствий создавшегося положения явилась попытка англо-германского сближения в 1898 г., не приведшая однако к конкретным результатам в связи с имевшимся уже тогда экономическим соперничеством обеих держав. По поводу этого эпизода опубликованы в настоящее время материалы в германском и английском изданиях дипломатических документов [1]). Печатаемые ниже документы архива царского министерства иностранных дел, являясь, с одной стороны, дополнением к этим материалам, с другой, дают представление о том, что знало по поводу этих переговоров царское правительство, с каким опасением оно к ним относилось и какое влияние они оказывали на политику Петербургского кабинета.

Начало англо-германского сближения этого периода относится к ноябрю 1897 г., когда, в связи с напряжением русско-германских отношений по поводу занятия Германией Киао-Чао и нежеланием царского правительства признавать, что последнее было санкционировано Николаем Романовым [2]),—Германия ищет сближения с Англией. В инструкции германскому послу в Лондоне Гацфельду тогдашний канцлер Гогенлоэ, отмечая, что решительный тон Муравьева мог быть вызван только надеждою на плохие отношения между Англией и Германией, высказывался за необходимость сближения с Англией для обуздания самонадеянности царского правительства [3]). В переговорах по этому поводу с английским министром иностранных дел Сольсбери Гацфельд намекал последнему, что отказ Англии пойти навстречу германскому предложению может повлечь за собой сближение между Германией и Россией, едва ли не направленное против Англии [4]). Английское правительство ответило уклончиво, ограничившись заявлением, что со стороны Англии не встречается возражений против занятия Германией Киао-Чао [5]).

---

[1]) «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette». Bd. XIV, 1 Кар. XCI, XCII, и «British Documents on the origin of the War», v. I, ch. II, III.

[2]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, №№ 3694, 3695.

[3]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3698, а также №№ 3702, 3703, 3750, 3751 и «Brit. Doc.», v. I, № 62.

[4]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3709.

[5]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, №№ 3708, 3721, 3738.

Однако в марте 1898 г., когда обнаружилась неудача англо-русских переговоров[1]), и почти одновременно с заключением русско-китайского соглашения от 27 (15) марта 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова, закрепившего положение России в этом районе, английское правительство само выступает с предложением англо-германского сближения и даже союза. Так 25 (13) марта вр. управлявший министерством иностранных дел Бальфур в состоявшейся по его инициативе в доме Ротшильда беседе с Гацфельдом высказался за желательность англо-германского сближения [2]), а 29 (17) марта министр колоний Чемберлен заявил последнему, что Англии пора выйти из состояния «одиночества» и что Англия готова присоединиться к Тройственному союзу [3]), так как для борьбы против русско-французской группировки в Китае Англии необходима помощь сильной континентальной державы [4]).

На этот раз уклончивый ответ последовал со стороны Германии, которая, продолжая признавать всю важность для себя сближения в этот момент с Англией, опасалась, что последнее может привести к вооруженному конфликту с Россией, вся тяжесть которого легла бы на Германию [5]). Благодаря этому весной 1898 г. дело ограничилось обменом нот между Германией и Англией по поводу занятия последней Вей-ха-вея: нотой от 21 (8) апреля английский посол в Берлине Лэшель заявил, что утверждение Англии в Вей-ха-вее ни в чем не нарушит прав Германии в Шандуне.

Неудовлетворенная таким решением вопроса Англия пытается связать германское правительство публичным выступлением министра колоний Чемберлена в Бирмингаме 13 (1) мая 1898 г., который в своей речи заявил о необходимости образования англо-германо-американского блока, направленного против русско-французской группировки. Повидимому, созданное этим выступлением опасение Германии о возможности ухудшения русско-германских отношений вызвало письмо Вильгельма II к Николаю Романову от 30 (18) мая, в котором он спрашивал мнение последнего, как ему отнестись к предложению Англией союза, и не следует ли в связи с этим подумать о создании русско-германо-французской группировки [6]). Одновременно Вильгельм II заявил Лэшелю, что Германия не видит никаких причин ввязываться в войну с Россией из-за Дальнего Востока [7]). В письме к Вильгельму II от 5 июня (24 мая) Бюлов высказывал мысль, что всякое соглашение с Англией будет направлено против России и поставит под угрозу восточную границу Германии, а всякое сближение с Россией,— в конечном счете направленное против Англии, — может нанести ущерб германской колониальной политике. Поэтому для Германии — самое лучшее не связывать себя ни с той, ни с другой стороной [8]). По получении ответа Николая II от 3 июня (22 мая), в котором последний, отказываясь дать Вильгельму какой-нибудь совет по поводу его отношения к Англии, сообщал, что последняя пыталась вести переговоры и с Россией [9]). Бюлов в письме к Гацфельду настаивал на еще большей осторожности в переговорах с Англией и высказывался за желательность использовать создавшуюся обстановку для достижения соглашения по специальным вопросам [10]). Начавшиеся после этого переговоры о разделе африканских колоний Португалии привели к подписанию англо-германского соглашения от 30 (18) августа 1898 г.

---

[1]) См. «Красный архив», т. XXV.

[2]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3781. 5 апр. (24 марта) Бальфур произнес в палате общин речь, в которой, между прочим, говорил о согласованности интересов Германии и Англии на Дальнем Востоке.

[3]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3782.

[4]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3784.

[5]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, №№ 3783, 3785, 3791, 3792.

[6]) См. «Переписку Вильгельма II с Николаем II», изд. Центрархива, 1923 г., стр. 24.

[7]) См. «Brit. Doc.», v. I, № 53.

[8]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3802.

[9]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3803, а также «Переписку», стр. 26.

[10]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3804.

Согласие Англии, после длительных переговоров, подписать это соглашение состоялось после новой беседы Вильгельма II с Лэшелем 21 (9) августа 1898 г. о заключении оборонительного союза между Англией и Германией в связи с резким обострением русско-английских отношений на почве дальневосточных дел [1]). Вильгельм II, дав понять Лэшелю, что Германия не поддержит Англию против России в Китае, признал однако возможным договориться о заключении оборонительного союза между Англией и Германией. Хотя эти переговоры, согласно опубликованным английским и германским документам, не получили формального завершения, тем не менее позднее, в декабре 1898 г., Вильгельм II в беседе с Лэшелем, упрекая английское правительство, что оно не воспользовалось Фашодским кризисом для сведения счетов с Францией, ссылался при этом на августовскую беседу, как на состоявшееся между Англией и Германией соглашение [2]). Однако несомненно, что отъезд Вильгельма II в Палестину в октябре 1898 г., в момент самого разгара Фашодского кризиса, должен был подействовать охлаждающе на Лондонский кабинет, убедив его в нежелании Германии, несмотря на заверения Вильгельма II, связать себя формальным соглашением с Англией.

Из публикуемых ниже документов мы видим, что царское правительство, хотя и было мало осведомлено, тем не менее догадывалось, что за англо-германскими переговорами об Африке скрываются переговоры более общего характера. Тревога царского правительства особенно усилилась осенью 1898 г. По возвращении Вильгельма II из путешествия на Восток Остен-Сакен имел с ним продолжительную беседу, во время которой Вильгельм II, признавая, что между Германией и Англией имели место переговоры, вызванные нежеланием России и Франции пойти на сближение с Германией против Англии, дал торжественное заверение, что в случае войны Германия будет соблюдать строгий нейтралитет. Это заявление Вильгельма II не обрадовало Остен-Сакена, который сделал из него один только вывод, что в случае европейских осложнений Россия не может рассчитывать на поддержку Германии. Упреки Вильгельма II вызвали, в свою очередь, отповедь царского правительства. Однако в этот момент последнее было уже менее напугано возможностью англо-германского сближения в связи с наметившейся перспективой англо-русских переговоров о Дальнем Востоке.

Л. Телешева.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву 10 июня (29 мая) 1898 г. [3])

Строго доверительно и лично.

Дорогой граф.

Если я за последнее время не сопровождал своих депеш личными письмами политического характера, то это не потому, что все идет к лучшему в лучшем из возможных миров. Как раз напротив: в воздухе носятся симптомы, которые мне далеко не нравятся. Это впечатление не только мое личное; оно разделяется большинством моих коллег [4]).

Но все это еще слишком неопределенно, слишком неуловимо, лишено доказательств и точек опоры, чтобы послужить темой для доклада или чтобы оправдать классический возглас тревоги: консулы, будьте бдительны!

---

[1]) См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, №№ 3865, 3866, «Brit. Doc.», v. I, № 87, 122.

[2]) См. «Brit. Doc.», v. I, № 124.

[3]) Перевод с французского.

[4]) В письме от 27 (14) апр. 1898 г. царский посол в Лондоне Сталь, со своей стороны, сообщал о намечавшемся сближении между Англией и Германией и, ссылаясь на речь Бальфура в палате общин (см. стр. 66 прим. 2), отмечал, что занятие Германией Киао-Чао не встретило никаких возражений со стороны Англии.

Заверения императора остаются прежними. Бюлов, со своей стороны, продолжает по свойственной ему привычке расточать по моему адресу явные доказательства дружбы и желания действовать в согласии с нами. Тем не менее ряд признаков может заставить опасаться, что Берлинский кабинет попробует найти новую ориентацию в новом положении, чтобы оградить свои интересы от всякой случайности. В наших доверительных беседах г. Бюлов не отрицает, что при наличии последних событий Европа может совершить один из тех исторических поворотов, которые он называет «Wendenpunkt».

В самом деле, уже признанная враждебность Англии по отношению к нашей позиции на Дальнем Востоке, враждебность, которая нашла себе наиболее грубое выражение в ораторской выходке министра Чемберлена [1]) и которая проявилась в качестве первой прямой угрозы в занятии Вей-хавея; убеждение, которым все более, повидимому, проникается Лондонский кабинет в невыгодности его традиционной политики одиночества, и его предложения союза Соединенным Штатам; непрерывные заигрывания с Германией, направленные к той же цели, и, наконец, испано-американская война с ее неисчислимыми последствиями в будущем — все это создает для Европы новое положение, которое требует к себе, со всей необходимостью, самого серьезного и внимательного отношения со стороны государственных людей, возглавляющих различные кабинеты континента.

Совершенно неоспоримо, что тем, что доминирует над общим положением настоящего момента, является соперничество России и Англии на Дальнем Востоке, которое, повидимому, должно предопределить судьбу колониальной политики Европы и будущие группировки держав.

Еще преждевременно было бы определять позицию, которую займет каждое из заинтересованных государств, но все они поставят свою позицию в зависимость от выгод, которые они получат от преобладания той или иной из двух соперничающих империй. Несмотря на все то, что говорится и пишется о сближении между Лондоном и Берлином, я не думаю, чтобы Германия готова была отказаться уже теперь от свободы действий. В настоящий момент Англии еще придется пустить в ход свои чары. Недоверие к ее коварной и эгоистической политике слишком глубоко вкоренилось, чтобы первые шаги увенчались успехом.

Германии в настоящую минуту как в своей внутренней, так и внешней политике не приходится ничего опасаться и ничего желать. Она сможет спокойно ожидать, чтобы позиции более ясно определились, и проводить между нами и Англиею свою политику балансирования, которая встречает общее одобрение страны.

Впрочем решения Берлинского кабинета будут продиктованы исключительно его собственными интересами. Ни сходство рас, ни родственные связи не окажут никакого влияния на его выбор. Симпатии Германии обратятся в сторону той из двух соперниц, которая предложит ей большие выгоды. В одинаковой мере она отдаст предпочтение России, и следовательно, от нас только зависит обеспечить ее поддержку, если мы считаем ее необходимой.

Я имею этому доказательство в странном признании, которое позволил себе сделать г. Бюлов в одной из наших последних бесед.

«Дорогой граф, — неожиданно сказал он мне, — я хочу вам поведать, но это только между нами, что император с некоторого времени очень оза-

[1]) Имеется] в виду речь Чемберлена в Бирмингаме 13 (1) мая 1898 г. (см. выше стр. 66).

бочен. Его очень обрабатывают со стороны Англии. Он получает упреки за недоброжелательность к стране, с которой его связывают самые тесные узы крови. Ему стараются представить, что предпочтение, которое он отдает России, ни к чему не приведет, так как эта держава состоит в союзе с исконным врагом Германии; что только сближение с Англией парализовало бы силы России, оставив его властелином судеб Европы. Наконец, доходят до того, что стараются ему внушить, что Англия могла бы легко сговориться с Россией в ущерб Германии».

«Ну так что же, — ответил я, — это ваше дело не допустить, чтобы император попался в эту грубую западню».

«Вы знаете мои убеждения по этому поводу, — продолжал он, — но вы должны быть об этом предупреждены. Крайне необходимо следить за тем, чтобы русская пресса была более сдержанной. Император проявляет к этому большую чувствительность, и с течением времени это не может не оказать известного на него влияния».

Несмотря на то, что император, равным образом, дважды уже обращался ко мне с жалобами на нападки нашей прессы по его адресу, я сомневаюсь, чтобы статс-секретарь в этом своего рода предупреждении имел в виду только эти жалобы. Несомненно, что Англия прилагает здесь большие усилия, чтобы привлечь Германию на свою сторону.

До меня дошла из доверительного источника одна из реплик его величества Франку Лэшелю, которая мне крайне не понравилась. Говоря о знаменитой речи, произнесенной Чемберленом в Бирмингаме, император сказал: «Я прекрасно понимаю все невыгоды для вас от вашего одиночества, но о своих союзах не кричат с высоты избирательной трибуны, а их заключают».

Трудно еще решить, в какой мере г. Бюлов благоприятствует этим английским происках. Он — прежний протеже императрицы Фредерики, которая всегда хотела его видеть послом в Лондоне. Его влиянию приписывают здесь недавнее примирение императора с его сестрой, наследной принцессой греческой, чего горячо желала императрица-мать. В конечном счете, мне было бы грустно убедиться в том, что его уверения в дружбе к России являются только выражением простого подчинения симпатиям его августейшего повелителя. Но, сверх того, я не хотел бы скрыть от вас, что, если лично мне не в чем упрекнуть Бюлова, поскольку речь идет о его отношениях ко мне, то его поведение по отношению к дипломатическому корпусу в целом лишает его доверия этого последнего. В самом деле, его стремление принимать дипломатический корпус как можно реже, его привычка обсуждать самые серьезные политические вопросы с большой внешней легкостью, которая только вначале могла быть принята за профессиональную ловкость; его вежливость, доходящая до банальности, и малая содержательность его политических разговоров значительно уменьшили по отношению к нему чувство уважения, которым обычно проникаешься к министру иностранных дел.

Повторяю, симптомы, на которые я только что указал, слишком еще неопределенны, чтобы послужить поводом для обвинения; тем не менее они требуют с нашей стороны самого бдительного отношения, дабы сохранить Германию на нашей стороне и помешать ей в период Wendenpunkt, предусмотренный Бюловым, перейти в лагерь наших врагов.

Остен-Сакен.

Депеша посла в Лондоне бар. Сталя министру иностранных дел гр. Муравьеву 14 (2) сентября 1898 г. № 72.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Бывшие в последнее время ежедневные объяснения между германским послом в Лондоне графом Гацфельдом и г. Бальфуром, временно управлявшим министерством иностранных дел, не могли остаться незамеченными и породили в публике убеждение, что между Англией и Германией состоялся союз. В настоящее время выяснилось, что убеждение это основательно только отчасти. Союз, конечно, не заключен, но эти державы пришли к соглашению по некоторым колониальным вопросам. По каким именно, — это держится в секрете, и на это имеются лишь более или менее достоверные указания.

Французский поверенный в делах сделал по сему поводу запрос в Берлине и получил разъяснение, что в соглашении затронут вопрос об отношениях Англии и Португалии. Германия обязуется не делать препятствий, если бы между ними состоялась сделка, основанная на предоставлении Великобритании привилегированного положения в бухте Делагоа и других португальских колониях. С другой стороны, признаются сферы влияния Германии в разных частях Африки, и ей предоставляются некоторые торговые преимущества. Египетский вопрос не затронут вовсе.

Разъяснения имели самый неопределенный характер, и, кроме вопроса о бухте Делагоа, из них можно было не заключить, а скорее догадаться, что решено также приступить к исправлению в некоторых местах границ английских и германских колоний в Африке.

Судя по газетам, получающим свои сведения из Ферейн-оффис, можно также заключить, что соглашение коснулось также и Китая, ограничиваясь распределением по некоторым вопросам сфер влияния обеих держав. Англия не будет испрашивать концессий для своих подданных в Шандуне, а Германия в долине Янг-тзы.

В какой степени договаривающиеся стороны будут содействовать друг другу для достижения преследуемых каждою задач, до настоящего времени не представляется возможным выяснить.

Сталь.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву 11 ноября (30 октября) 1898 г. [1]

Совершенно лично.

Дорогой граф.

Чтение депеши нашего посла в Мадриде от 20 (8) октября за № 86 [2]), излагающей доверительное сообщение, сделанное ему его португальским

[1]) Перевод с французского.

[2]) В депеше от 20 (8) октября 1898 г. за № 86 посол в Мадриде Шевич передал свою беседу с вернувшимся из Лиссабона португальским посланником в Мадриде Маседо. Последний сообщил ему, что в связи с полученными в Португалии сведениями об англо-германских переговорах, касающихся португальских владений в Африке, португальское правительство запросило по этому поводу Лондонский кабинет. Письмом, датированным последними числами сентября, Бальфур уведомил португальского посланника в Лондоне Совераля, что «Англия действительно заключила с Германией соглашение, в силу коего сия последняя обязалась не противиться более утверждению влияния и капиталов Англии во всей Восточной Африке «на юг от реки Замбези», причем г. Бальфур дал ясно понять в своем письме, что вся часть португальских владений, которая находится к северу от сказанной реки, предоставляется в распоряжение Германии».

коллегой, о заключенной этим летом между Англией и Германией конвенции относительно африканских владений, только подтвердило мои опасения, пробудившиеся уже весной, по поводу характера взаимоотношений между Лондонским и Берлинским кабинетами.

В самом деле, если сопоставить известие об этом соглашении с почти враждебными намерениями, которые до сего времени Германия питала по отношению к колониальной политике Англии, намерениями, которые получили широкую огласку благодаря знаменитой телеграмме императора президенту Крюгеру [1]), то следует опасаться, что имеются налицо симптомы резкой перемены в ориентации германской политики.

Эта политика с 1871 г. руководствовалась признанной необходимостью добрых отношений с нами ввиду возможности войны-реванша с Францией. Отсюда авансы князя Бисмарка по нашему адресу на другой день после Франкфуртского мира. Личное вмешательство императора Александра II в 1875 г., которое дало возможность для Франции избежать бедствий новой войны, побудило бывшего канцлера пойти по пути запугиваний и проводить политику застращивания по нашему адресу, которая в результате привела его к противоестественной комбинации Тройственного союза.

При своем вступлении на престол Вильгельм II, воспитанный в идеях своего деда, убежденный сторонник согласия с Россией, оказался в противоречии с политикой своего канцлера, и мало-по-малу он пришел к смелому решению расстаться со своим грозным советчиком.

Тем временем Германия, вступив на путь колониальной экспансии, встретилась в этой области с первых же шагов с бдительным соперничеством Англии. Слишком слабый на море, чтобы одному противодействовать этой оппозиции, Берлинский кабинет пришел к убеждению в необходимости морского союза, чтобы обеспечить себе мирное развитие своих колониальных попыток и поиски новых рынков для своей промышленности.

Возвращение к традиционной политике прусского двора предоставляло ему эту двойную выгоду: союз с нами отдалял для Германии момент войны, в форме реванша, со стороны Франции, и одновременно с этим обеспечивал ей помощь морских сил этой последней державы во всех тех случаях, когда общие интересы на Востоке сталкивали нас, как и Германию, с Англией. Отсюда ее участие в нашей интервенции с Францией в японо-китайском конфликте [2])— не без задней мысли приобрести и в будущем, в благоприятный момент и, по меньшей мере при нашем содействии, морскую станцию в обширной Китайской империи.

Посещение Петергофа [3]) должно было подготовить экспедицию в Киао-Чао, и письмо, которое прислал мне Бюлов [4]) в самый период этой экспедиции, было предназначено для того, чтобы связать судьбу этой послед-

[1]) Имеется в виду телеграмма Вильгельма II президенту Южно-африканской республики Крюгеру от 3 января 1896 г. (22 декабря 1895 г.), см. «Gr. Pol.», Bd. XII, № 2610.

[2]) Имеется в виду состоявшееся по инициативе Вильгельма II вмешательство России, Франции и Германии в японо-китайский конфликт в апреле 1895 г., в результате которого Япония была вынуждена вернуть Китаю Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Вей-ха-вей.

[3]) Речь идет о свидании Вильгельма II с Николаем Романовым в Петергофе в августе 1897 г. (См. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, №№ 3679, 3680).

[4]) Письмо Бюлова Остен-Сакену от 17 (4) декабря 1897 г., опубл. в «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3734. В ответ на сообщение царского правительства о занятии Порт-Артура Бюлов отмечал существующую солидарность интересов Германии и России на Дальнем Востоке, которая должна с неизбежностью привести к общим действиям в случае угрожающей обеим державам опасности.

ней с нашей политикой и санкционировать свой союз с нами в области Дальнего Востока.

И, действительно, Лондонский кабинет не проявил никакого противодействия захвату Киао-Чао Германией.

Таково было положение в течение последней зимы.

Лето 1898 г. изменило, можно сказать, внешний облик вещей. Официальное признание, сделанное Бальфуром португальскому посланнику в Лондоне [1]), о заключенной с Германией конвенции с очевидностью показывает, что Англия, повидимому, добилась поддержки императора Вильгельма своим видам на Африку. Но какой ценой? Это — тайна, в которую, я боюсь, будет еще трудно проникнуть, но которая не могла ограничиться исключительно соглашением, касающимся одной Африки. Очень характерным для этого образа мыслей является поздравительная телеграмма, адресованная императором его августейшей бабке по поводу победы английских войск в Судане, содержащая в себе неожиданную ссылку на поле битвы в Ватерлоо, и с гордостью вспоминающей то время, когда английские и прусские армии сражались вместе, плечом к плечу, против общего врага. Таким же симптоматичным является скромный прием, оказанный на-днях трансваальскому посланнику, который обычно бывает предметом особого внимания. Я осмелюсь сказать то же самое, если я вспомню мои прежние беседы с императором Вильгельмом и о заявлениях императора в Константинополе и Иерусалиме о так называемых общих интересах Германии и Турции.

С другой стороны, мне казалось бы трудным не придавать известного, внушающего беспокойство значения позиции, полной высокомерия, которую заняла Англия по отношению к Франции в конфликте, вызванном занятием Фашоды, равно как вооружениям, продолжающимся в Англии уже после решения Парижского кабинета отозвать полковника Маршана [2]). В самом деле, можно ли было думать, чтобы Англия решилась когда-нибудь так грубо обращаться с Францией, вплоть до нанесения ей такого обидного унижения, если бы она не обеспечила себе заранее поддержку сильной континентальной державы?

До 1870 г. Англия находила эту поддержку именно во Франции, которую она эксплоатировала, конечно, к своей выгоде, но с которой она тщательно поддерживала добрые отношения. С 1870 г. она часто обращала свои взоры в сторону Берлина, но с этой стороны она встречала в германском характере его собственные качества политического торгашества, кладущего в основу своей дружбы свои материальные выгоды, а принципом переговоров признающего формулу: «Do ut des» [3]). Вот объяснение колебаний, которые за последние 20 лет существовали в отношениях между двумя странами.

Не убедилась ли теперь Англия в том, что для того, чтобы привлечь на свою сторону Германию, ей следует признать необходимость поделиться благами, которых она домогается, или признала она опасность, которая угрожает ей в будущем, если она допустит укрепиться согласию между Германией и Россией на Дальнем Востоке?

Так много волнующих и полных таинственности вопросов! Во всяком случае, несомненно, что антагонизм по отношению к Англии, который уже во время посещения Петергофа и еще более определенно под влиянием опа-

---

[1]) См. стр. 70, прим. 2. Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3875, «Brit. Doc.», v. I, № 93.

[2]) Ср. «Красный архив», т. L—LI, стр. 69.

[3]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XIV, I, № 3744.

сений противодействия со стороны Англии, явившихся следствием захвата Киао-Чао, привел императора Вильгельма к решению предложить нам союз против Англии на Дальнем Востоке [1]),— уступил, повидимому, в настоящее время место некоторому улучшению отношений между Берлином и Лондоном и оставляет открытыми двери, если мы не примем мер предосторожности, для комбинаций группировок держав, которые могут оказаться вредными для наших интересов.

Я не льщу себя надеждой, что путешествие императора в Палестину сможет пройти, как инцидент, лишенный политического значения. Возможно, что Берлинский кабинет сам не представляет себе его последствий, но более чем вероятно, что Турция сумеет его эксплоатировать к своей выгоде, и ловкими уступками на политической почве она в известном смысле вознаградит себя за разорительное гостеприимство, навязанное ей присутствием императора Вильгельма. Появление экономических интересов Германии в Малой Азии может легко со временем стать фактором опасного антагонизма между нами и Германией, из которого Англия, несомненно, постарается извлечь выгоду против нас.

Не имея возможности утверждать, что события зашли так далеко, нельзя все же отрицать, что, если эта возможность, к несчастью, осуществится, Англия найдет в Германии континентального союзника, о котором мечтала, без которого ее политика остается парализованной и безрезультатной; а так как Германия со своей стороны приобретет сильного морского союзника, который обеспечит успех ее колониальных планов к великому преуспеянию и развитию ее промышленного богатства, то в этом, по-моему, кроется опасность настоящего момента, столь чреватого последствиями, которые трудно еще предугадать в будущем.

Остен-Сакен.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву 2 декабря (20 ноября) 1898 г. [2])

Совершенно лично и весьма доверительно.

Дорогой граф.

Ввиду того, что картина, изображающая вход германской эскадры в Кронштадт, которую наш августейший монарх поручил мне передать императору Вильгельму на память о посещении им Петергофа, была получена в посольстве во время отсутствия его величества, я по необходимости был вынужден отложить до сегодняшего дня исполнение монаршего повеления.

Тотчас по возвращении императора я испросил указаний его величества, которому угодно было принять меня сегодня утром в особой аудиенции, чтобы дать мне возможность лично выполнить мое поручение.

Его величество был как нельзя более тронут этим новым доказательством внимания со стороны нашего августейшего монарха и поручил мне несколько раз передать его горячую благодарность.

К моему великому изумлению, наш длинный разговор, продолжавшийся более часа, приобрел характер очень важного политического и доверительного обмена мнений, отражающего всю серьезность настоящего по-

[1]) Повидимому имеется в виду письмо Вильгельма II от 30 (18) мая 1898 г (См. выше стр. 66).

[2]) Перевод с французского.

ложения Европы и подтвердившего те опасения, которые я высказал в моем последнем политическом письме о сближении между лондонским и берлинским дворами.

Некоторые подробности по поводу пребывания его в Константинополе побудили императора заговорить в настойчивой форме и с большой живостью на тему об унижении, которое испытал султан, и вместе с ним весь мусульманский мир, в связи с решением критского вопроса в духе эллинских пожеланий [1]), и это в результате победоносной войны против Греции, отдавшей последнюю на милость Турции. Император попрежнему убежден, что подобная политика приведет к триумфу интересов одной только Англии, которая так же не покинет Судской бухты, как она не покинула Египта. Для поддержки своих притязаний Англия, по словам императора, сконцентрировала на Мальте 10.000 войск, которые по первому сигналу могут быть брошены на Крит.

«Что касается Франции, — присовокупил император, — то я был в Сирии в момент злосчастного Фашодского дела. Ее отступление (правда, вынужденное) привело к тому, что она потеряла весь свой престиж на Востоке. Это было подлинное крушение. Трудно думать, чтобы в глазах этих народностей она когда-либо оправилась от этого унижения». —«А кто виноват?» — продолжал далее император.—«Франция отвергла руку, которую я ей протянул три года тому назад во время Трансваальского инцидента [2]). Теперь она убеждается в непоправимых последствиях своей ошибки. Под впечатлением понесенного ею поражения, она готова броситься в мои объятия, но теперь слишком поздно. Опираясь на дружбу Соединенных Штатов, Англия сумеет обеспечить себе их поддержку в Средиземном море и сделает Францию абсолютно бессильной в этом бассейне. Если эта последняя попытается хотя бы внешне оказать ей сопротивление, Англия не остановится перед тем, чтобы уничтожить ее флот и отнять у нее ее колонии.

Несомненно, этот результат не отвечал бы нашим общим интересам. Мы и так, поскольку речь идет о наших колониях, находимся все во власти Англии. Она захватит мои, когда этого захочет,—я с этой мыслью свыкся. Не имея флота, благодаря придиркам моего глупого парламента, я буду лишен средств оказать сопротивление, и мне не останется другого пути, как продать их Англии».

«Но, государь, — отвечал я, — я полагал, что этим летом вы заключили соглашение на этот счет с Англией и что с этой стороны вас вряд ли что может заботить?»

«Действительно, — сказал император, — и вы не станете отрицать, что я был к этому до некоторой степени вынужден. Вам были известны мои прежние опасения по поводу Англии. Я не делал из них тайны от вашего правительства. Я провозглашал бдительность по отношению к ее действиям. Я даже кричал вам: берегитесь! Но на мои заявления вы мне отвечали, что нисколько не заинтересованы в африканских делах [3]). Я тщетно пытался объединить Европу против этой общей опасности. Мне, отвергну-

---

[1] 26 (13) ноября 1898 г. четыре державы (Франция, Англия, Россия и Италия) назначили верховным комиссаром Крита принца Георга греческого, кандидатура которого была предложена Россией и принята Англией, Францией и Италией, но встретила возражения Германии и Австро-Венгрии, вышедших из концерта держав в марте 1898 г.

[2]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XII, № 2641, и прим. на стр. 71.

[3]) Ср. «Gr. Pol.», Bd. XI, № 2624, и Bd. XIV, I, № 3820.

тому, не оставалось ничего другого, как договориться полюбовно с Англией, если только я не хотел принести в жертву торговые интересы, имеющиеся у Германии во всех пяти частях мира, а, может быть, даже поставить под угрозу и судьбу моих колоний. Не следует забывать, что если Германия в качестве морской силы является самой слабой из континентальных держав, то, с точки зрения распространения ее экономических интересов, она стоит на втором месте».

«Полагаете ли вы, государь, что вы их действительно оградили? Ваша договоренность по поводу Южной Африки, по моим сведениям, зависит от возможностей, в основе которых лежит вероятно банкротство Португалии. Но, если верить моим данным, Англия пыталась в Лиссабоне сделать предложения, которые в значительной степени выходят за пределы сущности ваших соглашений. Не опасаетесь ли вы,что вы пошли навстречу иллюзии?»

«Нет, — сказал император. — Я знаю, на что вы намекаете. Но этот пресловутый заем-монстр, изобретенный Совералем, который отдал бы Португалию со всеми ее колониями связанную по рукам и ногам Англии, именно и устранен нашим соглашением. Достигнуто соглашение, что всякое приобретение португальских колоний, сделанное Англией, должно быть поделено между нами. Это мне даст хорошие кусочки колониальных владений и хорошие угольные станции. Мы взаимно признали наши сферы влияния в Африке. Ввиду того, что Германия является обладательницей большого количества португальских ценностей, я, сверх того, оговорил, что не будет английского займа Португалии, в котором не приняли бы участия германские капиталы. Таким образом я гарантировал от всякой новой случайности наших многочисленных держателей португальских государственных бумаг».

«Какая же случайность могла бы, государь, вызвать применение вашего соглашения с Англией?»

«Ну, например, банкротство Португалии, к которому эта страна идет ускоренными шагами».

«Все это, государь, не объясняет мне мощных вооружений Англии. Кого она имеет в виду?»

«Ах, вот в этом-то и заключается тайна! Я постарался в нее проникнуть, но мне это не удалось. Отчасти, чтобы иметь представление о ее вооружениях, я посетил Мальту. Они громадны. Можно без преувеличения сказать, что Англия вооружена до зубов. Она концентрирует большую часть своих сил — сказал мне командующий на Мальте — в Средиземном море, в двух пунктах, а именно: на Мальте и в Гибралтаре. Франция должна здесь зорко следить за этими приготовлениями».

«Однако, государь, — заметил я, — с точки зрения интересов мира на континенте, Англия опасна только в том случае, если она привлечет на свою сторону какую-либо великую континентальную военную державу. Удастся ли ей это? Ваша политика до сих пор была слишком миролюбивой и ваше положение в качестве стража мира в Европе слишком велико, чтобы Сен-Джемский кабинет мог питать иллюзию заставить вас способствовать его собственному величию».

«Никогда, — сказал император с силой. — Я заявил ясно, что, если Англия вступит в конфликт с континентом, я буду соблюдать строжайший нейтралитет и ничего более».

«Это заверение, государь, — заметил я, — первый солнечный луч в том важном разговоре, которым ваше величество удостоили меня. Будем надеяться, что он сможет обуздать притязания гордого Альбиона».

При этой фразе император, вероятно, осознав важность вырвавшихся у него во время аудиенции признаний, поспешил присовокупить: «Условимся, дорогой Остен-Сакен, что все мною вам сказанное должно остаться между нами. Я верю вам, и я уполномочиваю вас сообщить это только одному императору Николаю».

Ввиду этого я вынужден со своей стороны, дорогой граф, просить вас поставить в известность об этом столь доверительном письме только нашего августейшего монарха, а также предохранить его от всякого возможного разглашения. Иначе мое положение в глазах императора Вильгельма было бы безвозвратно скомпрометировано.

Для меня из всего вышеизложенного с несомненностью явствует, что сближение между Германией и Англией делает первую незаинтересованной во всех мероприятиях, которые ставили бы своей целью оградить Европу от опасностей, грозящих ей вследствие агрессивной позиции, занятой Сен-Джемским кабинетом. Я готов даже опасаться, что это сближение может поставить под угрозу солидарность германских интересов с нашими на Дальнем Востоке, столь торжественно признанных в момент Киао-Часской экспедиции.

Вы, наверное, помните, дорогой граф, что я всегда указывал на необходимость для Германии, с того момента, как она сделалась колониальной державой, опереться либо на нас, либо на Англию. Семейные традиции дома Гогенцоллернов и еще более личные симпатии императора Вильгельма склонили чашу весов в нашу сторону. Так ли обстоит дело на сегодняшний день? Я не решился бы это утверждать.

В первый раз в речах императора проскользнула нота горечи. Он несколько раз возвращался к одной и той же мысли: мои предложения были отвергнуты, что мог я сделать? Меня все бросили и мне не оставалось ничего другого, как стремиться оградить германские интересы путем полюбовного соглашения с Англией.

Я счел своим долгом, дорогой граф, указать вам на этот столь серьезный симптом эволюции в политике Берлинского кабинета, эволюции, имеющей чрезвычайную важность, находящейся, правда, еще в зачаточном состоянии, но дальнейшее развитие которой, несомненно, отразится на основной линии нашей собственной политики. Мне казалось необходимым немедленно и во всей полноте поставить вас в известность об этом.

Остен-Сакен.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву 3 декабря (21 ноября) 1898 г. [1])

Лично.

Дорогой граф.

Я уже заготовил сегодняшнюю экспедицию, когда мне представился случай иметь длинный разговор с г. Бюловым по тому же вопросу о соглашении с Англией и об общем положении настоящего момента.

Более сдержанный, чем император, статс-секретарь старался меня убедить, что соглашение, о котором идет речь, ограничиваясь исключительно колониальными владениями в Южной Африке, абсолютно не могло оказать какого-либо воздействия на их политику на Дальнем Востоке.

---

[1]) Перевод с французского.

Если верить г. Бюлову, желание иметь полное согласие с нами по вопросам общей политики, и особенно по вопросам Дальнего Востока, продолжает оставаться руководящей линией германской политики.

Никакое соглашение с Англией, в случае европейских осложнений, не связывает свободу действий Берлинского кабинета.

Так же как и император, г. Бюлов приписывает происхождение соглашения с Англией отказу России, равно как и Франции, принять его предложение об обеспечении им поддержки в Африке против английских притязаний. К этому сближению было приступлено только после откровенного и вполне искреннего объяснения с Петербургским кабинетом. Статс-секретарь добавил, что будущее наших отношений с Германией целиком в наших руках. Император ничего не желает более, как поддерживать постоянный обмен мнений между ним и нашим августейшим повелителем в случае какого-либо европейского осложнения, и его всегда найдут готовым действовать в согласии с нами.

Не будучи пессимистами по характеру, ни император, ни его министр не могли не признать, что настоящее положение Европы таит в себе зародыши осложнений и что Европе грозит в будущем опасность в связи с тесным сближением Англии с Соединенными Штатами.

Остен-Сакен.

Письмо министра иностранных дел гр. Муравьева послу в Берлине гр. Остен-Сакену 12 декабря (30 ноября) 1898 г. [1])

Ливадия.

С большим интересом я познакомился с вашими строго личными письмами от 20 и 21 ноября, и я воспользовался сегодня же первой возможностью, чтобы представить их на благоусмотрение нашего августейшего повелителя.

Доверительные сообщения, которые вам сделал император Вильгельм, очень показательны и требуют к себе самого серьезного отношения. Несомненно, что в политической обстановке данного момента отношения доверия и дружбы с Германией отвечают самым существенным интересам России. Всякое проявление согласия между двумя соседними империями сможет только умерить заносчивость Англии и благотворно подействует даже на враждебную по отношению к России агитацию, которая начинает проявляться в некоторых кругах и среди некоторых органов французской печати.

Таким образом, нам представляется в высшей степени важным поддерживать всякие попытки сближения со стороны Германии и помешать последней склониться в сторону англо-американского союза, который был бы крайне вреден для нас, несмотря на то, что существование его могло бы быть только очень кратковременным.

Что касается заявлений, которые соблаговолил вам сделать германский император, то, по моему мнению, они нуждаются в некоторых замечаниях. Император утверждает, что состоявшееся решение критского вопроса приведет только «к триумфу интересов Англии, которая так же не покинет Судской бухты, как она не покинула Египта». Какое же тогда решение предпочел бы его величество? Если англичане нашли средства оста-

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Николая Романова: «Согласен. Ливадия. 30 ноября 1898 г.».

ваться на Крите теперь, когда на нем восстановлено относительное спокойствие и когда мандат, врученный четырьмя великими державами принцу Георгу, представляет наилучшие шансы для введения автономного и постоянного правительства на острове, то насколько более прочно Англия утвердилась бы на Крите, если бы состояние смуты, свойственное временному режиму и которое и так уже продолжалось слишком долго, а также неизбежные беспорядки в том случае, если бы державы попробовали навязать критскому населению всякого другого губернатора, приняли постоянный характер? Или император Вильгельм действительно думал, что, поручая двум державам заботу об урегулировании судьбы Крита [1]), можно было предохранить последний от английских вожделений. Но ведь его величество сам сказал в прошлом году, что, предлагая эту комбинацию, он имел главным образом ввиду интересы своей августейшей бабки, что свидетельствует о том, что император не придавал серьезного значения своему предложению.

В критском вопросе, как, впрочем, и во всей политике, Россия не может преследовать целей узких, побочных или связанных исключительно с ее заинтересованностью. Несомненно, что Англия обладает необходимыми материальными средствами, чтобы овладеть Критом под тем или иным предлогом, и это ей было гораздо легче, когда остров находился под турецким владычеством, но нам надлежит не только заботиться о судьбе Судской бухты; Россия не могла покинуть христианское население, умиротворить которое она взяла на себя по соглашению с другими державами. Мы должны были положить конец кровопролитиям, которые периодически возобновлялись на Крите несмотря на наши старания и на неисчислимые жертвы, которые мы принесли, чтобы предотвратить эти кризисы, столь опасные не только для всего турецкого Востока, но и для общего мира. Полумеры были больше невозможны: необходимо было твердое решение, и, если, на первый взгляд, последнее требовало кратковременных мер, тяжелых для Турции, то имеются все основания надеяться, что Высокая Порта не замедлит сама оценить выгоды от того факта, что ей больше не придется переносить постоянные пререкания, неизбежно возрастающие, на которые она была осуждена положением вещей на Крите с того момента, когда Европа не смогла больше допустить, чтобы Оттоманское правительство получило его обратно в свое полное владение или установило там порядок по своему усмотрению.

С другой стороны, дружественные отношения между Россией и Турцией постоянно портились благодаря этому неистощимому источнику осложнений и затруднений, которым уже давно пришло время положить конец.

Что касается африканских дел, то мы ничего не знаем относительно предложений, которые император Вильгельм делал Франции три года тому назад, ни относительно соглашений, которые его величество счел себя вынужденным заключить с Англией этим летом. Английские происки, по отношению к которым, по уверению императора, он призывал нашу бдительность, не ускользнули, конечно, от нашего внимания, но я не помню, чтобы его величество пытался объединить всю Европу против общей опасности, и я крайне сожалею, что ход вашего разговора не привел к тому, чтобы его величество высказался ясно относительно характера поддержки,

---

[1]) Имеется ввиду предложение Вильгельма II в феврале 1898 г. передать критский вопрос на решение двух держав. См. «Gr. Pol.», Bd. XII, II, №№ 3282, 3284, 3285, 3288.

которой он, повидимому, ждал специально со стороны России. Несомненно, что мы не имеем прямых интересов в Африке и что мы не обладаем никакой оперативной базой в этой части света, но вы слишком хорошо знаете чувства нашего августейшего повелителя, чтобы не знать, что его величество оказал бы самый теплый и дружеский прием искренним и вполне определенным предложениям, исходящим от императора германского. Вы можете, кроме того, сослаться на блестящее доказательство этому в позиции России в момент оккупации Киао-Чао в прошлом году. Императору Вильгельму угодно было в свое время воздать должное дружественной поддержке, которая ему была так лойяльно предоставлена нашим августейшим повелителем, и принять на себя обязательство солидарности действий и интересов на Дальнем Востоке. Разве в позиции России произошла хотя бы малейшая перемена? Как раз напротив: всегда верный своему слову, император не сомневается и в словах других, и вы можете при первом случае сказать совершенно откровенно императору Вильгельму, что если Германия захотела бы установить согласие в общей политике и, в частности, по отношению к общим действиям на Дальнем Востоке, на всякий возможный случай, то мы всегда будем готовы к нему присоединиться, в твердом убеждении, что искреннее и неизменное согласие между Россией и Германией будет лучшей гарантией общего мира. Славные традиции обеих соседних империй достаточно подтвердили его значение для их взаимных интересов.

Муравьев.

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.

Продолжение [1]).

Лето и в особенности осень 1916 г. принесли с собой еще худшее расстройство всех отраслей русской промышленности, чем это было год назад. Не только те отрасли промышленности, которые не были непосредственно связаны с военными заказами и казенными субсидиями, испытывали кризис, но чувствовались значительные затруднения и в тех отраслях промышленности, которые работали целиком на армию (снарядное производство, химическое производство и т. д.).

Транспорт отказывался обслуживать не только тыл, но и запросы военного командования. Сельское хозяйство безостановочно падало. Разрушение производства и постепенное уничтожение производительных сил под влиянием войны увеличивались.

Это разрушение производства, паралич транспорта и вызванный им разрыв рыночных связей привели к громадному продовольственному кризису. Вопросы о твердых ценах, о регулировании рынка, о работе транспорта занимают особое внимание буржуазно-помещичьего блока осенью 1916 г. Здесь обнаруживается целиком та борьба между собой отдельных групп помещиков и буржуазии, которая имела место в стране и которая не могла привести к каким-либо определенным решениям. Все разговоры о бессистемности, легкомыслии и невежестве правительственных мероприятий целиком попадали не только в правительственных чиновников, но также целиком относились и к «общественным» организациям — Всероссийским земскому и городскому союзам. Ни правительство, ни буржуазия, наживавшаяся на дороговизне и голоде, не могли разрешить продовольственного вопроса. И те и другие были бессильны.

«Чтобы дать народу хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство», писал тогда Ленин [2]).

Сокращение производства, особенно сильно коснувшееся мелких и средних предприятий, падение реальной заработной платы, продовольственные затруднения, милитаризация предприятий и установление на них военного режима для рабочих, истребление миллионов рабочих и крестьян на фронте привели осенью к сильному подъему революционного движения. Если летом, и даже в начале 1916 г., число стачечников насчитывалось десятками тысяч человек, то в октябре количество рабочих, участвовавших в движении, доходит до 190 тысяч, а в январе 1917 г. превышает 200 тысяч человек.

При этом необходимо отметить, что самое движение приобретает большую организованность и стачечная борьба носит ярко выраженный политический характер. Организуясь и выступая под лозунгами большевиков против войны, против дороговизны, против царизма и буржуазии, за превращение империалистической войны

[1]) См. «Красный архив», т. LII, стр. 143—196.
[2]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 321.

в войну гражданскую, пролетариат увлекал за собой и мелкобуржуазные массы. Революционное движение пролетариата все более и более тревожило буржуазию.

Поэтому, как ни негодовала последняя на правительство, тем не менее она не могла итти с ним на разрыв. Между тем правительство рядом мероприятий, проведенных им летом этого года — закон о собраниях 7 апреля 1916 г., сокращение кредитов Военно-промышленным комитетам, усиление цензурных репрессий, применение 87-й статьи, смена министров, угодных буржуазии и замена их ее противниками,—ясно показывало, что оно не склонно считаться с «организованной общественностью». Если к этому прибавить распространявшиеся слухи о готовившемся правительством сепаратном мире, то вполне понятна будет та нервозность, которую проявил буржуазно-помещичий блок в октябре—ноябре 1916 года.

Публикуемые в настоящем томе записи заседаний блока (3 октября — 18 ноября) дают яркую характеристику того противоречивого положения, в котором находилась буржуазия в конце 1916 г. Объединяя свои силы, организуясь политически, буржуазия не могла однако преодолеть своих внутренних противоречий. Как в «общественных» организациях, так и в блоке по ряду вопросов шла внутренняя борьба; продовольственный вопрос, вопрос о войне и сепаратном мире, в особенности вопрос о «счастливчиках» и «обиженных», т. е. о тех, кто получал, и о тех, мимо кого шли правительственные ассигнования, а в зависимости от этого различное отношение к правительству,—все это неизбежно рождало столкновения в недрах самой буржуазии и помещиков. На этой почве назревал и произошел выход прогрессистов из «прогрессивного» блока накануне открытия Госуд. думы 1 ноября.

Но эти противоречия, несмотря на совершенно определенную реакционную политику правительства и придворных кругов, отступали перед грозным лицом назревавшей революции. Недаром руководители буржуазии и помещиков неоднократно вспоминали 1905 и 1906 годы. Записи Милюкова красочно рисуют неуверенность буржуазии и ее нервность. С одной стороны, они готовы «ломать шею правительству», а с другой — «я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство» (Ефремов). «Нельзя революционизировать страну, а потому лучше итти путем Павла Николаевича [Милюкова], т. е. путем конституционным» (Капнист). Страх перед революцией приводил буржуазию к выводу, что «не нужно требовать удаления власти до конца, всеми средствами, а обращаться к долгу и патриотизму самого премьера, чтобы ушел» (Крупенский). В конце концов, весь гнев буржуазии, все недовольство ее правительством сводится к требованию удаления ненавистного ей своей германофильской политикой Штюрмера. Вся шумиха, поднятая кадетами, прогрессистами и октябристами, закончилась «деловой» работой, направленной вместе с правительством к удушению революционного движения — «снизу говорят: кричи, а иногда нужно промолчать» (Шидловский). Уже после назначения премьер-министром Трепова Шульгин, выражая мнение большинства блока, говорил: «Повторяя, что поддерживаем требование в полном объеме [работу правительства вместе с Думой. — *Н. Л.*] и доказывая это красноречиво, теоретически и как угодно, поддерживая, что должны итти в полном согласии, м ы п р а к т и ч е с к и должны разрешать задачи». Другой член блока — Шидловский, отвечая представителям Всероссийского городского союза, еще более определенно заявлял: «Общественные организации окажут большую услугу, если не будут требовать применения форм, которые издали кажутся наиболее действительными... Правительство думает, что мы делаем революцию, а мы ее предупреждаем... Штурмом ничего не достигнем. Иначе мы будем не решающей силой, а одним из факторов: другим будет улица. М ы н е и д е м н а в ы з о в м а с с».

Впоследствии буржуазия считала, что ноябрьские события — речи Милюкова, Маклакова, Шульгина 1 ноября в Думе, декларация «прогрессивного» блока, вынужденный уход Штюрмера и назначение Трепова — положили начало революции. Записи, оставленные Милюковым, полностью разбивают это утверждение. Действи-

тельным хозяином и руководителем революции была «улица» с ее «забастовками новой формации и странного происхождения» (Коновалов), т. е. пролетариат, шедший на борьбу под знаменем Ленинской партии.

Н. Лапин.

Заседание 3 октября [1916 г.]

Шульгин. — Чем заниматься?

Шингарев. — Начать обсуждение современного положения.

Ефремов. — Правительство не в состоянии справиться с положением. Беспомощное правительство ничего не сможет сделать с какими угодно законами о продовольствии. Согласны ли мы все, что правительство не в состоянии справиться? Если согласны, то: 1) как организовать продовольствие? 2) Какое отношение к общественным организациям? 3) Вступление Протопопова [1]). 4) Здравоохранение по 87 ст. [2]) 5) Призыв инородцев и т. д. К законодательным вопросам придется подойти, но это — третья очередь, способ держать Думу действующей.

Годнев. — Что на местах? Перед отъездом крайние правые приходили ко мне, в том числе один 90-летний, пишет в «Колоколе» и «Свете»: в Гос. думе недостаточное внимание обращают на правительство. Министры меняются каждые 4 месяца [3]). Значит, нет лица, которое может хорошо выбрать. Законодательные дела отставьте, а этим займитесь; что-нибудь надо сделать, иначе мы пропадем. Административные власти говорят: глупость на глупости приказывают, и никто не слушает. Как явимся на губернские собрания? Выборы отсрочены на 1 год усмотрением Хвостова.

Я. — Ужас положения внутри и вне. Мы должны перестать длить обман — Думу — декорацию: обман — служить Протопопову.

Бобринский. — Продовольственный вопрос серьезный в некоторых городах. Хлеб е с т ь в стране: я никаких реквизиций не боюсь. Положение в прошлом году было опаснее. Если мы прежде многое терпели, теперь можем насесть. Нашествие врага остановлено: надо взяться за правительство и особенно за Протопопова. Надо, чтобы страна поняла, что ничего общего между нами нет. Я, как П. Н., не верю в законодательные реформы. Правительство стало невозможно: бездарность, распущенность, разгильдяйство.

Шингарев. — Положение опаснее прежнего. Гаснет идея служения родине: своекорыстные интересы. Нам не дают денег, и соглашение с Англией не подписано [4]). Потери страны огромны. Над Румынией — призрак Сербии. Запас хлеба в а р м и и истощается. Я счастлив ошибиться, но согласен с П. Н., что положение много сложнее. Ко мне тоже пришел старик из «Союза русского народа»: хочу, чтоб поганым помелом вымести правительство, сказать, что они изменники: Русь гибнет. Человек с гнилым сердцем холопствует, как никакой бюрократ. 1-й вопрос — идем ли мы вместе, чтобы сказать: с этим правительством — н и к а к о й с о в м е с т н о й р а б о т ы. Не знаю даже, для нас не поздно ли: мы накануне катастрофы.

Ефремов. — Поясняет о законодательной деятельности.

Васильчиков. — Кардинальный вопрос — наше отношение к правительству и к Штюрмеру. Мы должны заявить, что с ним работать не можем. Но надо и дальнейшую тактику согласовать. Если будем потом встречаться и вести работу, — хотя бы отрицательную, — то впечатление изгладится. Что же будет дальше, если мы бойкотируем всякую работу, пока существует Штюрмер? Должны ли скандалить — до ухода Штюрмера?

Шульгин. — 87-я статья. Действительно, к нам много пренебрежения, но это — не самое важное. Если отчасти вина в значительной степени на правительстве, то 40% на нас. Сколько еще среди нас сидит Протопоповых? Можно очень горячо относиться к учреждению, но когда вы на лишний день не можете удержать людей, это удручает. Надо начать с самих себя, подтянуть себя. Согласен на какую угодно резкую постановку относительно Штюрмера, особенно, если то, что говорит П. Н., будет вложено в наше сознание. Теперь у П. Н. субъективная уверенность, но как разговаривать дальше, с фракцией, — хотя бы запутанными фразами? Затем: в нашей психологии нет различения правительства и парламента: говорят — научите, расскажите, дайте им идеи. Если бы можно было высказать некоторые положительные идеи. Если отделаемся от Штюрмера, кто заменит? (*Я*: Трепов [5]). *Бобринский* [6]): Кривошеин [7]), может быть). В комиссии обороны мы кое-что сделали. Я — за ломку шеи правительству, но рядом должны быть меры органического характера.

Каппист. — Кроме Штюрмера нужно ломать и Протопопова, раскрыть наглое надувательство, которое хочет сделать. Я виделся с Волконским [8]), который рвет и мечет: Протопопов назначен помимо Григория Ефим.[Распутина], это — махинация Штюрмера: хотите Думу, блок — вот вам. Назначение Протопопова — признак разложения Думы: наш разврат, который надо заклеймить.

Я. — Восстановляю историю назначения Штюрмера.

Шингарев. — История Климовича, которому приказано Штюрмером подать в отставку, когда он хотел арестовать Манасевича, но затем Хвостов, между тем назначенный министром вн. дел, его арестует.

Я. — Как дальше действовать?

Бобринский. — Надо держать втайне.

Шингарев. — Но как вести себя с ними? Надо было позвать их к ответу. Держать втайне наше отношение нельзя. Правительство должно понять, что в Думу со Штюрмером явиться нельзя. Они должны знать, с чем они встретятся. Не созвать Думу они не могут. Денег нет, хлеба нет, займа нет. Лучше, если давлением мнения Штюрмер вылетит.

Я. — Предлагаю сосредоточить напор на Штюрмере.

Предлагается сообщение печати.

Я. — Предлагаю переформировать президиум, введя левую и правую, и сделать из совещания орган блока.

Каппист. — Дело было в личных пикировках между Шидловским и Родзянко.

Я. — Вы должны устроить всенародное покаяние; наша голова должна быть продолжением нашего тела. Устроим ответственное министерство из нашей среды.

Савенко.—Чепуха с Протопоповым потому и произошла, что совещание не было органом блока.

Каппист. — Обмазались, действительно.

Шульгин. — Как нам быть с четвергом? Не собраться ли в среду вечером? (с правительством).

[Заседание [?] октября [1916 г.] [9])

Шидловский. — У нас не затронуты вопросы о программе наших занятий.

Шингарев. — Сессия должна быть в наших руках и развиваться по

нашему плану. И прошлая сессия была неказистого внешнего вида. Тут были причины, но не надо их повторять. План должен быть надолго, как бы ни сложились обстоятельства. В ближайшие дни надо сговориться, что́ делать в первый день. Тут несколько вопросов: 1) продовольствие—вопрос по 40-й статье, 2) запрос о призыве инородцев в Туркестане[10]).

Капнист. — У нас во фракции было предварительное обсуждение — нужно выработать программу. Установить повестку 1-го заседания. Штюрмер будет выступать — может быть, по внешней политике. Это облегчит техническую сторону. Но этого может не случиться. Тогда надо обсудить. Делать в виде внеочередных заявлений фракция стесняется: нужно найти другой выход. Затем выборы президиума — когда производить: в 1-й день и сразу ли всех, как хочет Родзянко? Выборы председателя — именно в 1-й день, после выступления блока. Фракционные выступления на другой день. Дальнейшее — нужно поставить в Думе продовольственный вопрос. Если поставить другое, то что? Волостное земство? Земскую реформу? Начать с этого после декларации — невязка. Смущает нас и немецкое засилие. Правые будут настаивать поставить на повестку. Наша фракция считает желательным, чтобы не дать оружия в руки правым. В широких кругах и в армии — ярче. Статьи против Думы в «Новом времени» были популярны. Надо сговориться, а если не сговоримся, то это не повлечет распадения. Совет старейшин будет. К нему надо что-нибудь подготовить.

Крупенский П. Н. — Декларации правительства не будет, 2 заседания в неделю. Вторник — 1-е заседание — председатель, блок, фракционные ораторы, поляки впереди. В вечернем — выбор одного председателя, как политический акт. Пятница — продолжение прений. За эту неделю сговоритесь. Нельзя затыкать немецкого засилья: несомненно государственное значение. Продовольствие — огласить в 1-й день. Выборы президиума — хотите коалиционный и когда хотите. Рейном заняться специально.

Ефремов. — Сходимся в основных чертах. Приходим к убеждению во фракции, что после декларации нельзя перейти к мирной законодательной работе. На первой очереди — продовольственный вопрос, не только по 40-й статье, а найти форму, в которой можно бы было обсудить, например, доклад бюджетной комиссии и поручение бюджетной комиссии: не собираться, пока бюджетная комиссия не представит доклада. Можно остановиться и на туркестанском запросе. Самое издание высочайшего повеления 6 июля противоречит инструкции Столыпина и разграничению военного и гражданского законодательства. Затронуты интересы населения. Вопреки указаниям Госуд. думы правительство не призывает инородцев к повинности крови, а только к работам. Своевременно поднять вопрос в виде законопроекта о создании парламентской контрольной комиссии. То, что говорили в германском рейхстаге: контроль над внешней политикой; возложить ли на бюджетную комиссию, не предрешаю. 87-я статья: в словах П. Н. Милюкова послышалось, что надо внести запрос; к этому присоединился бы, а если отвержение проектов, боюсь, чтобы не разменялись на мелочи. Боюсь, что понизим тон. Сильнее будет впечатление, если бы начали не ярко, и все усиливали. К большой программе сейчас не подходить. Если произойдет хотя бы частичное изменение кабинета, наше положение станет легче. Если не произойдет ничего, наше положение будет чрезвычайно трудно. В первую неделю мы законодательной работой не занимаемся.

Шульгин. — 1-й день — декларация с прениями, не больше одного оратора от фракции. 2-й день — Польша. 3-й день — продовольствие в форме запроса (с ограничением речей). Иначе все уезды будут рассказывать, что у них делается. Или избрать продовольственную комиссию или в сел.-хоз. Запрос об инородцах нужен, но нам скажут: вы же просили. Откровенно говоря, нужно удержать всеми средствами от пролития крови — стон стоит, чтобы посылать работать. Немецкое засилье. Моя фракция перед закрытием Думы постановила требовать в первую голову. Это — такая подлая вещь, что мы перегрыземся и устроим кавардак, а с другой стороны, нет более сильного средства против Штюрмера. Можно сказать: вы глаза отводите. Удастся ли нам остаться на конституционной точке зрения? Соблазн слишком велик. Надо отбрехнуться. (*Шидловский*: Поставить законопроект. *Капнист*: Провалить и передать для нового рассмотрения). Может быть, можно было бы прицепить наше предложение: в Англии предоставляется суду возбудить против каждого подозрение, не немец ли. В «Новом времени» договорились, что надо лишать подданства. Но делать то, что теперь, невозможно. Смотреть на год вперед: дороговизна застала врасплох. Если бы был сговор, не было бы и колебаний о твердых ценах. Нужно не вприпряжку, а вперед. П. Н. правильно сказал: историк скажет, что законодательство остановилось. Но и мы можем бить по 87-й статье, а ударить по существенным. Надо очистить залежи по 87-й статье[11]). А то говорят: вы не можете. В весенней сессии в комиссиях нам удалось; не удалось в общем собрании.

Шидловский. — Весной мы дошли до невероятного положения. Здесь мы миримся, а в комиссиях члены тех же фракций режут вопрос. Вопрос о нашем руководстве чрезвычайно сложен, ибо в сутках 24 часа.

Шингарев отвечает Ефремову. Очевидно, что если бы работа оборвалась, не надобно было бы городить большой программы. Но держать «тон» надолго — нельзя. Нам надо показать, что мы умеем работать. Но надо поставить и большие вопросы. Волость. Нужна и для продовольствия и для займа и т. д. Страна поймет, когда поставим волость. «Надо предвидеть» — да. Здесь у меня вставляются вопросы экономических последствий войны. (Комиссия Покровского). Мы предвидели, ответа никакого. Мы не должны заявлять, что Дума ничего не предвидела, и т. д. Наоборот. Призыв инородцев: мы должны начать с этого; неоднократно мы считали, но исполнение выродилось в такую-то форму. Что касается немецкого засилья, весь блок упрекали; следовало бы поставить вопрос о дороговизне в виде вопроса. Надо поговорить о немецком засилье по фракциям. Может быть, теперь найдем более разумное отношение. Если по фракциям получатся ответы удовлетворительные, то мы, как блок, получим выигрыш. Лишить подданства по суду — драгоценная мысль. Если она нас всех объединит, это великолепный удар по лицемерию. Надо вскрыть и лицемерие правых. Можно найти форму, которая вызовет отклик в стране.

Ефремов. — Надо поторопиться с немецким засильем и провести по фракциям.

Блок. [13 октября 1916 г.]

Кринский: Принудительный курс рубля на известные предметы.
1. Падение цен (денег).
2. Падение производительности труда.

Надо: поднять то и другое путем увеличения налогов.

Здоровая конкуренция государства с торговцем.

Я. — Надо сговориться об общем взгляде.

Каннист. — Сговориться, к т о должен ведать — и свобода торговли или твердые цены.

Родзянко. — Продолжаются настояния о военной диктатуре. Фактически эти права получил Штюрмер. Это полное разложение. Надо сказать Думе, как о н а хочет и думает.

Шульгин. — Должны быть заданы основные вопросы: какое количество пудов остается для частной торговли? Они закупают 900 милл., оставляют 500 милл. Но, может быть, они должны взять и 500 милл. Твердые цены надо истолковать, как franco-а м б а р.

Ростовцев. — Тогда цена будет варьировать в зависимости от цены провоза: 2 версты или 12 верст. Тогда как определить твердую цену на муку?

Стемпковский. — Это легко устранить: Елец получает и из-под города, и из Валуйки, и южнее. — Можно определить среднюю стоимость. Покупки местные и составят излишек (1.100 миллионов).

Шидловский. — Франко-амбар — скрытое повышение твердых цен, страшное зло, против обычая, что цена устанавливается на станции жел. дороги. Грузы вблизи не пойдут.

Родзянко. — Что бы вы ни сделали, вы не уйдете от вопроса, что это правительство никуда не годится. Надо с этого начать, иначе доклад вашего председателя водянист будет.

Я. — Я приветствую слова М. В. С моей стороны возражений не будет, если вы решите сказать: с вами, пока вы во власти, никаких советов делать не будем. Но тогда нужно обдумать дальнейшие шаги.

Ефремов. — Подобно П. Н. я приветствую. Мы потому не принимали участия в конкретном обсуждении, что считали, что о н и ничего сделать не могут. Тщетная трата времени — разрабатывать тот или другой совет. Мы признаем эту систему неспособной справиться с властью. Переходить к созданию конкретных планов — н е д е л о законодательной власти. Мы будем ex officio критиковать проекты, но выступать со своими положительными предложениями в сфере исполнения — опасно. Мы должны сказать: этому правительству справиться с продовольственным кризисом невозможно. Дело не в лицах, надо изменить условия работы этой власти, чтобы не были увольняемы безответственными советниками. Предлагаю — доложить председателю, что, по мнению Госуд. думы, современная власть справиться не может, а может только ответственное министерство. Пока этот опыт не произведен, я не могу отказаться от выставления этого предложения.

Ростовцев. — Дума должна где-нибудь сказать, кроме того, что исполнители плохие. А то и страна не поймет: ругаются, а ничего не предлагают. Надо предложить, но сказать, что эти люди не в состоянии исполнить.

Шульгин. — Положение тогда сильно, когда проведение этой линии до абсурда его не опорочивает. Вам скажут: пожалуйте. Но, если вы не знаете, что поставить на это место? Надо знать. Объединение, объединение — одно надоест. Надо указать положительный путь. Готов идти на какую угодно резкую критику самого Штюрмера. В нашем заявлении надо г о в о р и т ь л у ч ш е. Но вслед за этим указать, ч т о с д е л а т ь. Что, если бы мы г о д н а з а д поступили по этому реценту и сказали: в особые совещания не идем, делайте, что хотите! Если за это время про-

изошли известные успехи, значит, Особое совещание что-нибудь сделало. Вдруг — не умрем с голода! И это наша линия устремления.

Капнист. — Согласен с Шульгиным, что для успокоения страны надо сломать шею правительству, но надо дать нечто положительное. В общем собрании Думы согласен. Но в бюджетной комиссии — вряд ли целесообразно, ибо чрезмерное открытие карт повлечет отсрочку заседаний Думы. Надо потерпеть 2 недели, и тогда уже выругаться, как следует. Никанор Вас. у нас во фракции высказал, что они тогда по прошлогоднему постараются: «бюджет не готов» [12]). Предвестники уже мелькают: Протопопов уже говорил.

Шидловский. — Декларация делается в Госуд. думе.

Родзянко. — Я написал Барку, будет ли смета представлена своевременно. Он ответил, что ничего подобного прошлогоднему не имеется в виду.

Маклаков. — Как вы совмещаете (*Ефремову*) веру в ответственное министерство, если не хотите давать советов в сфере исполнительной? Если серьезно, если трафарет, нужно для себя решить основные вопросы, в том числе продовольствие. Наша проблема — не только написать хорошую декларацию, но сговориться об основных задачах. Далее. Решение этого вопроса дает нам аргументы, которые подкапываются под существующее положение. Другая власть и нужна, чтобы осуществить это другое. Твердые цены — мы (довольно необдуманно) ему подсказали. Мы должны сказать: это может сделать не эта власть. В смысле ответственного министерства я остаюсь при своем черносотенстве: эта Дума не то политически зрелое учреждение: большинство меняется, ниспровергнет ответственное министерство. Разнобой по продовольственному вопросу. Покуда не кристаллизируется большинство (наш блок провалился). Много среди нас недоговоренного. Нам больше по плечу министерство доверия. Я с трудом вижу министерство, которое не полетело бы. Я боюсь скомпрометировать парламентаризм. Мы видим, к чему приводит парламентаризм в Греции при недобросовестном монархе [13]). Если хотим идти до конца, надо говорить больше, чем об ответственном министерстве. Но об этом мы говорить не будем. Пока не формула доверия скомпрометирована, а ее несоблюдение. Если хотят вставить «ответственное» министерство, то надо сговориться вплотную.

Ефремов. — Для себя, конечно, надо сговориться, но после. Как «ломать шею правительству»? Декларация — тоже слова. Не могу согласиться, что «министерство доверия» не дискредитировано. Взять «ваш товарищ председателя». Согласен, что важнее личность монарха: я — защитник теократии, но чтобы правил сам господь бог, а не поручал ангелам. Но, идя так далеко, я нахожу, что единственное средство — ответственное министерство.

Шидловский. — Мы не меняем позицию нашего прежнего заявления, считаем, что в данную минуту действия правительства сказываются все горше, и молчать не будем.

Родзянко. — Это я принимаю за ответ на мной поставленный вопрос.

Шидловский. — С Ефремовым не соглашались, что не надо устанавливать основания продовольственной кампании. Предлагает выработать общие правила.

Шульгин. — 1) Вмешаться ли в правительственный аппарат? 2) Как: в форме ли пожелания бюджетной комиссии, запроса? 3) Что мы предлагаем? 4) Общие вопросы: можно ли ломать твердые

цены на все сделки? 5) Можно ли говорить о высоте цен, ломать их? 6) «Обходное движение»: можно ли предложить смягчающие цены? 7) Следует ли говорить о реквизиции подводной позиности?

Васильчиков. — Помешать проведению мы не можем: правила будут осуществляться. Высказываться бюджетной комиссии о них — не следует. Бюджетная комиссия не призвана критиковать Особое совещание. Бюджетная комиссия осведомилась, но высказываться определенно — неосторожно. Когда соберется Дума, поставить вопрос, члены Особого совещания дадут разъяснения; передать в особую комиссию, которая сделает доклад.

Капнист. — Нельзя разговаривать о твердых ценах без риска остановить сделки.

Родзянко. — Кампания в печати произвела огромное впечатление, возбудив деревню против города.

Шидловский. — Предлагает признать принцип твердых цен и соответственно выступить в бюджетной комиссии.

Блок. 20 октября 1916 г.

Шидловский. Сообщает о своей беседе с чиновником министерства внутренних дел о передаче продовольствия в министерство внутренних дел по 87-й статье. Все товарищи его на совещании высказались против передачи вообще и против 87-й ст. в особенности. Удалось убедить его отложить и подумать. Советовали внести в Госуд. думу и меня спрашивали, как отнесется Госуд. дума к передаче. Я сказал: единогласно отрицательно.— «В случае поступления возьмется ли Дума в кратчайший срок?» — «Да». — «Чем ограничится Дума: просто нет или скажет, что нужны другие основные положения?» — «Я не могу отвечать определенно». Противники передачи хлопотали, чтобы Дума скорее ответила и сказала, в чем неприемлемы положения. (Приходит *М. В. Родзянко*).

Шингарев. — Аналогичные вопросы были поставлены и мне. Я отвечал на 1-й вопрос отрицательно. На 2-й вопрос (скоро ли?) ответил: в первую же неделю. На 3-й (что дальше): не знаю.

Капнист. — По моим сведениям, роспуск на 3 дня.

Я. — Проект во многом принципиально совпадает с планом министерства земледелия. По проекту министерства внутренних дел надо отвечать отрицательно, но надо решить вопрос по отношению к проекту министерства земледелия.

Шульгин. — Там мне нравится увеличение состава управ. Это нельзя провести вне законодательного порядка.

Ефремов. — Положение затруднительное. Нельзя высказываться по существу, отвергая целиком. Брать инициативу — рискованно, лучше роль критика. Если бы министерство земледелия внесло свой контрпроект, наше положение обеспечилось бы.

Годнев. — Есть законопроект о главном управлении в ведении министерства внутренних дел. Меня уполномочивали ознакомить, мне давали на дом: подробно, со штатами, объединяет министерство внутренних дел и военное.

Крупенский П. Н. — Госуд. дума не может изменять своего мнения. Согласен с Ефремовым, что сами мы не можем внести. Будем нести излишнюю ответственность. Вся неразбериха из-за министерства земледелия.

Ни Бобринский, ни Неверов [14]), ни (после вчерашнего вечера) Протопопов с этим не справятся. Правильнее отвергнуть начисто.

Стемпковский. — Страшно опасно утверждать, что министерство земледелия с этим справится.

Я. — Надо охранить персонал на местах: «не мешайте». Дума сочинить проекта не может. Надо решительно отрицать министерство внутренних дел, а поощрять министерство земледелия к представлению проекта. На данный момент — довольно.

Шингарев. Поддерживает меня. Самим не вносить; ждать проекта министерства земледелия и туда вставить желательные поправки. А теперь? В бюджетной комиссии вопрос закончен? Или будем продолжать? Охарактеризовали ли роль министерства земледелия? Указали ли дефекты? Эту работу сделать нужно. Население еще не знает, отчего произошло все то, отчего мы страдаем. Придется дать отрицательную характеристику министерству земледелия, и прежде всего министру, который не желает разбираться, сидит, как мертвец.

Ефремов. Соглашается, что надо обсудить по существу и не связывать с тем, кто будет во главе (как думает Родзянко), а указать населению, что т о л ь к о е г о у ч а с т и е может решить, если ему будет дана возможность организоваться. Не обойдемся без вопроса об организации правительства.

Я. — Тогда это — тема декларации, а не бюджетной комиссии.

Кринский. — Согласен с Шингаревым и Ефремовым. Полагает, что невозможно высказываться по существу проекта министерства внутренних дел. Если отвергнем первое — передачу, он возьмет назад; не надо давать ему материала для переработки.

Родзянко. — Страна ждет, чтобы Госуд. дума сказала, ч т о̀ м ы х о т и м. Наша обязанность сказать — это запутывает положение. У Протопопова были места хорошие. Если отвергнуть, будет пустое место. Характеризовать министерство земледелия — значит критиковать его; масса путаницы. Выйдет, что не хотим ни того, ни другого; ч е г о ж е м ы х о т и м? Надо ответить на все три вопроса.

Я. — Надо сказать, но не в бюджетной комиссии и не по поводу законопроекта министерства внутренних дел.

Годнев. — Миссия бюджетной комиссии кончена. Критикуя министерство земледелия, мы бы поощряли министерство внутренних дел. Предложить положительное — невозможно, потому что выполнять будете не вы. При сопротивлении губернаторов получится полная неурядица. Некоторые уполномоченные более склонны слушать губернатора, чем министра земледелия.

Родзянко. — Граф Бобринский пошел в министры земледелия, чтобы избавить министерство от продовольствия и выработал министерство продовольствия. Его уговаривали подождать до Думы. В ставке он требовал сам передачи (сам мне говорил).

Шульгин. — Все это — мелкий масштаб. Надо обвинять все правительство. Главная причина — постоянное вмешательство военных. За ними сила. Так как прямым путем (в Совете министров) не можем достигнуть, то надо косвенным: втащить Особое совещание по снабжению в Особое совещание по обороне.

Шидловский. — Резюмирует: он ответит отрицательно. Иначе мы рискуем внесением вторично законопроекта, с принятием наших поправок.

Родзянко. — Всех волнует продовольственный вопрос, военные дей-

ствия, потери и остановки Брусилова, — останемся без людей, мы потеряли около 2-х миллионов людей; отсутствие позиции в иностранных делах; это тревожит наших союзников, послы в своей тревоге высказывают неприятные вещи. Я слышал от соотечественников Екатеринославск. губ., что Дума скажет веское слово. 1-е—з а с е д а н и е; от него ждут: добейтесь, чтобы вам сказали правду. Печать задушили, мы ничего не знаем. Д р у г о е: война должна быть доведена до конца; разбудить инициативу. 3-е: добейтесь ответственного министерства. Как это все объединить? Ряд вещей говорить нельзя. О дефектах дипломатии — тем менее. О близости Штюрмера к Сухомлинову тоже говорить нельзя. Ш т ю р м е р г о в о р и т: никаких наступлений [?] не будет; я выступлю по иностранным делам. Я говорю: вы не можете; после ко мне приезжали, что надо изменить: мы не можем говорить при свидетелях. Революционизировать страну нельзя. Я знаю, что я скажу. Предстоят выборы. Нужна ли декларация? Молчать с о в е р ш е н н о н е в о з м о ж н о.

Я. — Это вопрос о декларации, о ее тоне, содержании. «Надо называть вещи собственными именами», вести общие прения в первом же заседании, обставить это технически, итти на остановки и даже на белые полосы. Красная нить — наш патриотизм: они не могут довести до конца.

Годнев. — Крайние правые требуют, чтобы в Думе г о в о р и л и п р я м о, подтвердили то, что они на месте говорят. Ко мне приходил старик 87 лет. Надо высказать, что существующая правительственная власть должна немедленно быть убрана. Мы слишком церемонно выражали свои мысли.

Ефремов. — Присоединяется. Положение настолько тревожно, что надо называть вещи своими именами. Замечается упадок энергии в обществе. Это — тревожнее первого. Сейчас войну ведет все общество. Наше поражение будет поражением всего народа. Надо это указать с трибуны. Перед этим опасением остальные отступают. Надо подвергнуть, не стесняясь критике, деятельность правительства и указать препятствия для подъема настроения. Наше положение трагично, потому что наш долг — произвести переворот, чтобы добиться победы. Но это производство переворота — предательство. Я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство! Но возможно говорить, чтобы не вытекал призыв к революции: этого не может быть из любви к отечеству. Сумеем соединить нападки с отсутствием революционных вызовов. Нам придется наметить в бюро пределы, за кои не следует выходить в заявлениях: но они должны еще прямее называть вещи своими именами.

Кринский. — «Требуйте ответственного министерства» — мы можем только путем революционным. Но сложившиеся обстоятельства дают возможность сделать первый шаг. Если мы категорически потребуем с у д е б н о й о т в е т с т в е н н о с т и — п р а в о Д у м ы п р е д а в а т ь с у д у м и н и с т р о в. Существует везде. Этот первый шаг будет иметь такую колоссальную популярность, в которой н е о т к а ж у т. Первоначальная ответственность была судебная. Текст австрийской конституции. Это — из источников консервативных.

Шульгин. — Предложение Кринского захватывает врасплох. Не коснусь. Т у т е с т ь две стороны. Сторона публичная: нанесение ударов, чтобы убрать правительство. Надо б и т ь ф а к т а м и. Наши предыдущие декларации мотивированы расплывчато. Надо быть не резкими, а убедительными. Я бы говорил, что мы вменяем Штюрмеру то-то и то-то. Но для этого должны быть т в е р д о у с т а н о в л е н ы ф а к т ы. Это декоратив-

ная сторона. Другая внутренняя сторона — ставка, Алексеев. Как к этому подойти? Сказать, что «усилия должны быть сообразованы с результатами, а мы хотим не побед, а победы». Следовало бы составить записку от комиссии или от группы членов Думы и говорить Алексееву, что мы не можем так воевать и что снимаем с себя ответственность (*Шингарев*: Тогда он скажет, что нужен мир).

Стемпковский. — Положение еще хуже. Вдалеке от столиц говорят: измена. Говорят, что царица чуть не с Вильгельмом в дружбе. Согласен, что нужно и факты и сильно. Но мы все это делали. В провинции не могут понять: как вас не слушают? Понятно, революции нельзя. Но можем ли при существующем порядке осуществить желание: война до конца? Представьте, что мы видим, как 2×2=4, что при Штюрмере, при измене мы победить не можем. Неужели тоже декларация? Неужели нет какого-нибудь действия? Если мы будем менее агрессивны, то страна забежит вперед. Первая декларация: но если она не достигнет цели? Опять Штюрмер. Если распустят и мы не сделаем еще шага, то будем виноваты. Вот, может, и не вполне конституционный акт. Боюсь излишним спокойствием дать стране опередить нас. Например, в виде закрытого заседания, где бы мы могли прощупать себя, и обращение к короне. Без резкого поворота мы, все равно, проиграли.

Родзянко. — Не только по сказанным мотивам, но и по опасениям — я высказывался. Если вы проследите, что прошло после посещения государем Госуд. думы, — закономерность распоряжений, отношение к военно-промышленным комитетам (правда, не безгрешным), отношение к Земскому союзу: увидите систематическое желание ослабить впечатление посещения Думы. Существуют Особые совещания: не только идет глухая травля, но и на Думу в лице председателя. Слишком систематически: очевидно, систематическая рука для того, чтобы упал дух, чтобы принизить страну: немцы — великие дипломаты и сделать это могут. Я могу жестоко оборваться в предстоящем докладе, но стесняться не намерен. Но могу быть жестоко оборван, благодаря влиянию известных лиц, и мое дальнейшее пребывание станет невозможно, и я буду апеллировать к Думе, чтобы она поддержала его. В. И. предвосхитил мою мысль. Родина прежде всего; не представляю себе будущего царя; нет другого человека. Свержению я не верю. Но надо на него воздействовать, — и не одному председателю. У него большое чутье и никакой воли. Сейчас время терять нельзя. Если моя миссия не удастся, надо подкрепить заявлением, депутацией, всеподданнейшим представлением. На революционные действия не пойду.

Я. — Есть средство — парламентская борьба, к которой мы до сих пор никогда не прибегали.

Капнист. — Нас готовят к сепаратному миру, показывая разными путями, что дальше так нельзя. В деревне будут рады миру, даже не разбирая какой. На обращение к короне последует отказ, роспуск — и не только роспуск. В случае роспуска волна нас захлестнет. Объявили бы мы себя Учредительным собранием, захлестнули бы Керенских к крайним мерам, когда все будет потеряно. Раньше нужно идти путем Павла Николаевича. Может быть, это будут булавочные уколы, может быть, нет. Только в случае сепаратного мира можно идти революционным путем. Мы должны обречь себя в жертву и идти не захлестнутые. Иначе — путь строго конституционный. Когда Михаил Владимирович получит афронт, — нужно обсудить. Теперь нужно иметь готовые ответы на много вопросов.

Стемпковский. — Согласен с опытным парламентарием, как П. Н., что его средства действительны. Но надо рассчитать время. Бюджетная борьба — только после января. А надо раньше придумать средства. С Д. П. мы — разных возрастов. После сепаратного мира я в революцию не пойду. Такой будет хаос, что я, старик, Россию не увижу такой, какой хочу. Когда можно предупредить, не допустить до этого ужаса, тогда нужно действовать. Может быть, будет отказ нам, затем революция. Но для меня несомненно, что продолжение нескольких месяцев этого режима — гибель для России. Если в эти месяцы не перевернем... [15]).

Шидловский. — Но вам говорили, что эта мера ничего не сделает.

Стемпковский. — Во всяком случае, пока не решимся, так обострять не надо.

Родзянко. — Он просто не примет к сведению.

Шингарев. — Основной порок нашего управления вскрывается наглядно; с этими чувствами писалось Выборгское воззвание. Они ошиблись: народ не выступил, и воззвание осталось непонятным даже интеллигентным классам. Порок режима открылся под ударами войны. Боюсь, что и у нас нет веры. Я не вижу гибели России. Может быть, мы вступаем в полосу военных неудач, отторжения территории. В войсках говорят, что надо делать дворцовый переворот; говорят, что гвардию ведут под убой, потому что стала оппозиционной. Революционный взрыв даст возможность свалить на нас ответственность: это — услуга врагу и режиму. Я большой скептик насчет революции вообще. Не верю, что сепаратный мир вызовет революцию. Масса усталых людей скажет: дайте выспаться, вымыться и поесть. Это говорят в деревне и в армии и при дворе. Не отрицаю, что удар по национальному самолюбию бесследно не пройдет. Может надвинуться политический террор. Начнут выскакивать единицы. Могут быть и революционные вспышки, но не непосредственно после войны. В настоящем, как теперь бороться? Мы, может быть, должны применить и метод В. И. Я лично не прибегал бы: этот метод в основе порочен. Нужно и в этом разочаровываться, как случилось с Городским и Земским союзом. Но должен быть один метод — в действиях — парламентская борьба, не бессильная и понятная. Давайте ахать законопроекты по ст. 87-й. Может быть, по предметам, безразличным для страны. Вон Рейнов, такая труха произведет оглушающее впечатление! Метод парламентской борьбы и в законах. Когда дело — до бюджета, отклонение сметы Совета министров. (*Родзянко*: Вы народного жалованья получать не должны). Можно обратить ряд действий, которые будут концентрировать политическую мысль. Нам грозит одно: если есть злая воля, в которую верит страна, — которая с дьявольской ловкостью, с гениальной прозорливостью готовит обстановку сепаратного мира, — надо в это и ударить. Мы должны ждать, что сказали рабочие: патриотический подвиг: не верьте смутьянам. Надо сказать это стране, назвав это действие изменой: отрицательно возбудить готовность бороться до конца. Призвать — не поддаваться на эту удочку. Иначе затопчут, позор. Этим Госуд. дума создаст недосягаемую позицию. Она скажет, где опасность, и будет звать к победе. Это вызовет удовлетворение и в армии, где об этом говорят на каждом шагу. Мы пойдем навстречу собственным словам и мыслям народа и попадем в самое больное место. Эту тему надо сделать темой многих речей. А вместе начать ряд парламентских ударов. (*Родзянко*: Правильно).

Шульгин. — В обращении к царю, которое станет всем известно,

нельзя сказать ничего серьезного. Вы будете говорить общими местами, которые всегда спорны. Я хочу говорить: нам известно, что мы ухлопали миллионы. Мы должны составить записку фактическую.

Годнев. — Нам надо со второго и третьего заседания [заняться] уничтожением штук 100 по 87-й статье. Там есть и военные.

Шидловский. — Результат заседания: мы заступимся за председателя. Второе — нельзя терять времени, и готовиться к открытию. За будущую неделю надо выработать и провести через фракцию.

Проекты декларации блока [16]).

I.

1. Объединившееся на общей программе большинство Госуд. думы уже год тому назад указало на те тревожные явления нашей внутренней жизни, которые препятствовали объединению всей страны для решительной победы над врагом. Большинство это тогда уже говорило о бессилии власти, не опирающейся на доверие народа, и о грозных признаках разрушения народного хозяйства вследствие неумелых и бессистемных распоряжений властей.

2. Указания, сделанные Госуд. думой, не только не были приняты к сведению и исполнению, но со времени образования думского большинства правительство приняло целый ряд мер, специальной целью которых было сделать невозможным сотрудничество власти и народного представительства. а) Госуд. дума была дважды преждевременно распущена и не имела возможности в самые критические минуты народной жизни принять участие в предотвращении предвиденных ею опасностей. б) Кабинет не только не был преобразован путем привлечения лиц, пользующихся народным доверием, но, наоборот, все лица, относившиеся сколько-нибудь сочувственно к пожеланиям народного представительства, были из него постепенно и последовательно удалены. Они были заменены лицами, которые в гораздо большей степени обладали недостатками своих предшественников: неосведомленностью о действительном положении дела, некомпетентностью в области вверенных им вопросов и отчужденностью от русской общественности. в) Их подбор как бы указывал народу на направляющую руку, работа которой чем далее, тем более представлялась прямым продолжением работы наших врагов. Уверенность в измене родине ее официальных вождей крепла и становилась всеобщею. г) Не довольствуясь злоупотреблением правами исполнительной власти, эти люди вторглись даже в принадлежащую Госуд. думе область законодательства и с возрастающим пренебрежением к ее правам засорили наше законодательство мерами по 87-й статье, зачастую вовсе не требовавшими спешности.

3. Предсказания и опасения Госуд. думы ныне, к прискорбию, осуществились вполне: а) недоверие к власти сменилось негодованием на ее явно предательское поведение в тревожную для родины годину; б) отсутствие крепкой нравственной связи между управлениями и управляющими привело к падению моральной дисциплины, к полному господству личных стремлений над общественными, начиная с самых высоких ступеней общественной государственной лестницы, к которым получили доступ темные личности, роль и влияние которых свидетельствуют о глубоком падении нравов в кругах, призванных играть руководящую роль; в) расстройство народного хозяйства, предусмотренное Госуд. думой, ныне стало совершившимся

фактом, грозное значение которого сделалось понятно власти лишь тогда, когда расстройство это стало непосредственно грозить сохранению государственного спокойствия и порядка; г) недоступная пониманию высокого национального патриотизма, который она не сумела использовать, власть руководилась исключительно соображениями собственной безопасности и, доступная исключительно чувству страха, не обнаружила способности предвидения даже в области своих ближайших интересов.

4. Создавая себе врагов везде, она вынуждена поддерживать свой авторитет усилением мер строгости против собственного народа. а) Печать, патриотическое настроение которой признано самими ее гонителями, ныне присуждена к молчанию и не может воспользоваться присущими ей средствами проявленного авторитета для выполнения своей миссии—поддержания бодрости в стране. б) Не закончив внешнюю борьбу, правительство уже спешит подготовить меры для борьбы внутренней, которую предвидит после войны и опасность которой оно усиливает теми самыми мерами, какими старается ее предотвратить. Между страной и властью ныне ничего нет общего: всеми ненавидимая и презираемая, она поневоле цепляется за единственное средство, которое остается: применение физической силы. в) Громадная задача организации народного продовольствия, требующая сосредоточения всех сил народных, превращается при таком взгляде в задачу искоренения неблагонадежных элементов, посвятивших себя делу питания народа. Под предлогом свободы частного почина власть дает санкцию привилегированным хищникам, стремящимся к наживе за счет народа. Словом, важнейшие народные задачи искажаются, здоровые силы народа заражаются прикосновением к тому же отравленному источнику — к власти.

5. Госуд. дума при этих условиях вновь поднимает свой голос — уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать народу, что власть в настоящем своем составе неспособна справиться с опасностью, уже наступившей благодаря ее совершенной неспособности к управлению. Во имя достижения той самой великой национальной задачи — победы над врагом, которая заставила большинство сплотиться и поддерживать даже непригодную власть, ныне это большинство требует немедленного удаления от власти лиц, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит окончательным крушением национального дела. Большинство Госуд. думы заявляет, что отныне оно будет стремиться к указанной цели всеми доступными ему законными средствами и не успокоится до тех пор, пока лица, вызывающие всеобщую ненависть как предатели родины или их пособники, не уступят места людям, облеченным доверием народа. Лишь применив все средства, от нее зависящие, Госуд. дума сложит с себя ответственность за национальную катастрофу, которую она предвидела и от которой предостерегала.

6. К этой решительной постановке вопроса Госуд. думу побуждает, помимо экономической разрухи, над нами нависшей, также и критическое положение, переживаемое родиной на полях битв и в сношениях с союзниками. С сокрушением сердца Госуд. дума присутствовала при бесцельном расточении собранных по ее почину военных запасов и, что еще гораздо печальнее, при бесплодном пролитии народной крови для целей, которые оказались, при применении неумелых приемов, недостижимыми. Цели не были соображены со средствами, а деятельность военная не была сообразована с деятельностью дипломатической. В результате этого мы вновь пропустили благоприятный момент на Балканах для осуществления наших национальных задач.

Мало того, мы подвергли опасности достижение этих задач, допустив неумелых руководителей замутить наши дружественные отношения с союзниками. Драгоценное достояние, накопленное при предшественниках настоящего министра иностранных дел, бестолково и безумно растрачивается, но страна лишена даже возможности сказать, происходит ли это только по невежеству и неспособности или имеет своим источником злонамеренность и тайную интригу. Опасность подобного положения настолько велика, она так грозит сохранению Россией равноправного положения среди наших союзников, что Госуд. дума не может не высказать по поводу сложившегося положения дела самого решительного и громкого протеста и слагает с себя отныне всякую ответственность за ухудшение результатов борьбы, достигнутых кровью и мукой нашей доблестной армии, указывая на истинных виновников этой национальной растраты.

В полном сознании своей ответственности перед народом, побуждаемая тем же чувством глубокой национальной скорби, которою переполнен ныне каждый российский гражданин и которая повелительно отверзает его уста, Госуд. дума произносит эти тяжелые слова. Ею руководит при этом глубокое убеждение, что раскрываемые ею язвы не тайна для врагов и что обличение их не может вызвать горших слез, чем самый факт существования этих язв в народном теле. Время не терпит, и Госуд. дума решается сказать то, что весь народ думает, назвать своим именем вещи, про которые весь народ знает, в твердой уверенности, что делает этим то самое дело национального сплочения против общей беды, для которого ею отложены с начала войны партийные разногласия и распри. В борьбе с этой бедой Госуд. дума исполняет свой долг, не сомневаясь, что моральная поддержка страны будет на ее стороне и что победа в этой борьбе будет признана всеми необходимым условием для устранения главного препятствия, стоящего на пути нашей решительной победы над внешним врагом.

II.

Большинство Госуд. думы приступает к возобновлению занятий Госуд. думы с прежней решимостью довести до конца борьбу за правое дело и с прежней готовностью принести для решительного успеха все необходимые жертвы. По-прежнему она проникнута глубоким уважением и любовью к нашей доблестной армии и с полным доверием и благодарностью относится к нашим союзникам, доказавшим на деле непреклонность своего решения добиться окончательной победы. В особенности она считает необходимым подчеркнуть свое сочувствие великому английскому народу, добровольно ставшему в ряды союзников для защиты свободы и права, обеспечившему своим участием господство союзников на морях, не остановившемуся даже перед полной переменой установившегося национального взгляда на способы обороны родины — в уровень потребностям современности.

К прискорбию, обстоятельства нашей внутренней жизни в настоящее время значительно отличаются от прежних и начинают серьезно грозить успешному исходу борьбы. Еще год тому назад большинство Госуд. думы указало на те тревожные явления внутренней жизни, которые препятствовали объединению и организации всех народных сил для победы. Большинство это уже тогда говорило о бессилии правительства, не опирающегося на доверие народа, и о грозных признаках разрушения народного хозяйства вследствие неумелых и беспорядочных распоряжений многоликой власти.

Госуд. дума была дважды преждевременно распущена, и возобновле-

ние ее сессии отсрочено долее обыкновенного под явно несостоятельным предлогом или без всякого указания причины. Таким образом, в самые критические минуты народные представители были искусственно лишены возможности принять участие в предотвращении предвиденных ею опасностей. Кабинет не только не был преобразован путем привлечения лиц, пользующихся народным доверием, но, наоборот, почти все члены кабинета, относившиеся сколько-нибудь сочувственно к пожеланиям народного представительства, были постепенно и последовательно удалены из его состава. Удаленные были заменены лицами, обладавшими в гораздо большей степени недостатками своих предшественников, неосведомленностью о действительном положении дела, некомпетентностью в области вверенных им вопросов и отчужденностью от русской общественности. Вступление в кабинет бывшего товарища председателя Госуд. думы, по внешности, как бы составляет исключение, но, не поведя за собою изменения состава и программы всего кабинета, а, наоборот, приведя лишь к отказу самого министра от программы тех политических групп, представителем которых он ошибочно считался, эта перемена представляет лишь новое доказательство полного непонимания того, что не перемена лиц, а лишь перемена всей системы управления может внести улучшение в сложившееся положение.

Не довольствуясь злоупотреблением правами исполнительный власти, эти люди вторглись даже в принадлежащую Госуд. думе область законодательства и с возрастающим пренебрежением к ее правам засорили наше законодательство мерами по 87-й ст., зачастую вовсе не требовавшими никакой спешности.

Предсказания и опасения Госуд. думы ныне, к прискорбию, осуществились вполне. Недоверие к власти сменилось негодованием на ее поведение в тревожную для родины годину.

Отсутствие крепкой нравственной связи между управляемыми и управляющими привело к падению моральной дисциплины, к полному господству личных стремлений над общественными, начиная с самых высоких ступеней общественной и государственной лестницы, к которым получили доступ темные личности, роль и влияние которых свидетельствуют о глубоком падении нравов в кругах, призванных играть руководящую роль.

Расстройство народного хозяйства, предусмотренное Госуд. думой, ныне стало совершившимся фактом, грозное значение которого сделалось понятно власти лишь тогда, когда расстройство это стало непосредственно грозить сохранению государственного спокойствия и порядка.

Недоступная пониманию высокого национального патриотизма, который она не сумела использовать, власть руководилась исключительно соображениями собственной безопасности и, доступная исключительно чувству страха, не обнаружила способности предвидения даже в области своих ближайших интересов. Создавая себе врагов везде, она вынуждена была поддержать свой авторитет усилением мер строгости против собственного народа.

Печать, патриотическое настроение которой признано самими ее гонителями, ныне осуждена на молчание и почти лишена возможности воспользоваться присущими ей средствами нравственного влияния для выполнения своей миссии — поддержания бодрости в стране. Не закончив внешнюю борьбу, правительство уже спешит подготовить меры для борьбы внутренней, которую предвидит после войны и опасность которой усиливает теми самыми мерами, какими старается ее предотвратить. При таком положении громадная задача организации народного продовольствия, требую-

щая сосредоточения всех народных сил, превращается в задачу искоренения неблагонадежных элементов, посвятивших себя делу питания народа. Свобода частного почина превращается в санкцию привилегированного хищничества, стремящегося к наживе за счет народа. Словом, важнейшие народные задачи извращаются, здоровые силы народа заражаются от одного прикосновения к отравленному источнику — к власти, не имеющей ничего общего со страной и поневоле цепляющейся за единственно остающееся средство — прибегание к физической силе.

Критическое положение, переживаемое внутри, усугубляется вестями с полей битв и из области наших сношений с союзниками. В результате этого, мы вновь пропустили благоприятный для осуществления наших национальных задач момент на Балканах. Мало того, мы подвергли опасности достижение этих задач. Драгоценное достояние взаимного доверия, накопленное при предшественниках настоящего министра иностранных дел, безумно растрачивается, и страна лишена даже возможности судить, происходит ли это только по невежеству и неспособности или имеет своим источником злонамеренность и тайную интригу. Опасность подобного положения настолько серьезна, она так грозит сохранению Россией равноправного положения среди наших союзников, что Госуд. дума не может не высказать по этому поводу самого решительного протеста и слагает с себя отныне всякую ответственность за возможное ухудшение результатов борьбы, достигнутых кровью и мукой нашей доблестной армии, указывая при этом на истинных виновников этой национальной растраты.

При этих условиях Госуд. дума вновь поднимает свой голос, — уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что власть в настоящем своем составе совершенно неспособна справиться с опасностью, уже наступившей. Во имя достижения той самой великой национальной задачи — победы над врагом, которая побудила думское большинство сплотиться и поддерживать даже непригодную власть, ныне это большинство требует немедленного удаления от власти лиц, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит окончательным крушением национального дела. Большинство Госуд. Думы при этом заявляет, что отныне оно будет стремиться к достижению указанной цели всеми доступными ему законными способами и не остановится в применении их до тех пор, пока лица, вызывающие открытое недоверие, переходящее в подозрение, не уступят места людям, объединенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовых в своей деятельности опереться на большинство Госуд. думы и провести в жизнь его программу, составляющую минимум необходимого для национального объединения. Лишь исчерпав все средства, от нее зависящие, Госуд. дума почтет себя свободной от ответственности за последствия, которые она предвидела и от которой предостерегала.

Время не терпит. Госуд. дума, решаясь громко сказать то, что думает весь народ, назвать своим именем вещи, про которые весь народ знает, питает твердую уверенность, что продолжает этим то самое дело сплочения против общей беды, для которого ею отложены, в самом начале войны, все партийные разногласия и распри. В борьбе с этой бедой Госуд. дума исполняет свой долг, ни минуты не сомневаясь, что моральная поддержка страны — на ее стороне и что победа в этой борьбе будет залогом решительной победы над внешним врагом, без которого не может быть прочного и долгого мира.

III.

Государственная дума приступает к своим занятиям в дни тяжелых испытаний и тревожного общественного настроения, и первое слово ее должно быть произнесено для того, чтобы напомнить всем, что великая борьба за правое дело должна быть во что бы то ни стало доведена до победного конца и для решительного успеха должны быть принесены все необходимые жертвы. Другого решения нет и быть не может.

К великому прискорбию, Госуд. дума должна признать, что деятельность правительства за истекший год создала серьезные препятствия успешному ходу борьбы. Еще год тому назад большинство Госуд. думы говорило о бессилии правительства, не опирающегося на доверие народа, и о признаках, грозящих потрясением народного хозяйства, вследствие неумелых и беспорядочных распоряжений разъединенной власти. Указания эти ни к чему не привели. Занятия Госуд. думы дважды прерывались, и народные представители были лишены возможности принять участие в предотвращении предвиденных ими опасностей, законодательство же наше было загромождено мерами по 87-й ст., не вызывавшимися необходимостью и не спешными.

Правительство не только не старалось опереться на общественные силы и на авторитет Госуд. думы, но, наоборот, министры, заменившие ушедших, обнаруживали в гораздо большей степени недостатки своих предшественников: неосведомленность, некомпетентность во вверенной им области и враждебность к общественности.

И недоверие к власти сменилось негодованием. Население не верит, чтобы м о г л о б ы т ь неясно правительству то, что ясно для него самого. Население ищет объяснения таких действий, которые, создавая внутренние затруднения, служат на пользу врагу [17]). Единодушное желание всей Госуд. думы о с к о р е й ш е м с у д е над Сухомлиновым до сих пор не исполнено.

В столь остро ныне стоящем продовольственном вопросе правительственная власть проявила обычные свои свойства: величайшую непредусмотрительность, непонимание вызванных войною коренных изменений в порядке снабжения населения п р о д у к т а м и первой необходимости, отсутствие единства в деятельности различных органов государственной власти, доходящее до открытой борьбы м е ж д у н и м и, и стремление действовать не в единении с общественными и профессиональными организациями, а нередко и прямо предвзято против них. Последствия этого чувствует в большей или меньшей степени все население страны, явно притом сознавая, что причиной испытываемой им нужды является не недостаток продуктов, а совершенно неумелое руководство распределением их. Общественность, с удивительным единодушием предложившую свои силы для дела войны, правительство всячески отстраняло и охлаждало; общественным организациям, работающим для нужд войны, нанесена ничем не заслуженная обида взятием их под подозрение и полицейский надзор. Печать зажата в тиски. Цензура давно перестала быть военною и занимается охраною не существующего престижа власти и под этим предлогом изъемлет из обсуждения важнейшие вопросы. Такое пренебрежение власти к великому народному порыву, вместо того чтобы привлечь все силы страны к дружной всеобщей борьбе с врагом, вносит разлад и создает почву для преобладания личных стремлений над общественными. Драгоценное достояние взаимного доверия между союзниками, столь необходимого для осуществления наших национальных задач, безумно растрачивается при новом руководстве ве-

домства, и страна лишена даже возможности судить, происходит ли это по невежеству и неспособности или имеет своим источником тайную интригу. Опасность подобного положения настолько серьезна, что Госуд. дума не может не высказать по этому поводу самого решительного протеста. Госуд. дума, как и прежде, относится с полным доверием и благодарностью ко всем нашим доблестным союзникам, доказавшим на деле непреклонность своего решения добиться окончательной победы. В частности, она считает необходимым подчеркнуть свое горячее сочувствие великому английскому народу, добровольно ставшему в ряды союзников для защиты свободы и права и обеспечившему своим участием господство союзников на морях [18]).

Ныне Госуд. дума вновь подымает свой голос уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что правительство в настоящем своем составе неспособно с ней справиться. Во имя достижения той великой национальной задачи — победы над врагом, которая побудила большинство сплотиться и поддерживать даже не пользовавшуюся его сочувствием власть, это большинство решительно заявляет, что лица, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит опасностью успешному ходу нашей национальной борьбы и которые вызывают к себе открытое недоверие, должны уступить место людям, объединенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовым в своей деятельности опираться на большинство Госуд. думы и провести в жизнь его программу [19]).

Время не терпит. Госуд. дума, решаясь громко сказать, что думает весь народ, назвать своим именем вещи, про которые весь народ знает, питает твердую уверенность, что продолжает этим то самое дело сплочения против общей беды, для которого ею отложены в самом начале войны все партийные разногласия и распри.

Последнее слово Госуд. дума обращает к нашим воинам, к доблестной армии и славному флоту. Она шлет им чувства безмерной благодарности за все их подвиги, свято чтит память жертв, павших в бесконечных боях, и выражает твердую, непоколебимую веру, что наступит день победы, которая искупит все горе и все муки, принесенные в жертву родной земле.

Заседание блока 22 октября [1916 г.]

Капнист. — 3) Недостаточно допинга тыла: выходит, что мы не подаем бодрости.

2) Упоминание о «руководящем руле» близко к фразе о «короне». Отнести в другое место.

1) Отношение с союзниками уже улучшилось. Неосторожно. Нужно иметь в виду план ставки о военной диктатуре.

Крупенский. — Выслушать Василия Витальевича [Шульгина].

Шульгин. — Читает: Вступление. (Дань погибшим, привет армии.) Почему необходимо довести до конца? (Начинают колебаться.) Самый сильный аргумент: будем иметь новую войну через несколько лет. (Война вничью — победа немцев.) Что мешает войне? Непонимание властью задач — отношение к союзникам — Англия, ведение дела лицом неопытным, компрометирующим Россию (инцидент с Англией); отношение совсем иное. (Манифестация.) Англия делает все возможное.

1. Власть пренебрегла духом народа. (Ничего не делается, все надеемся.)

2. Отсутствие расчета (необходим точный учет сил и правильное их распределение), чтобы жертвы соответствовали результатам. Отдать справедливость артиллерийскому управлению: сделано много, но не все — в области воздухоплавания. Страна хочет окончательной победы, а не подвигов, готова ждать.

3. Неустройство тыла. Непонимание власти, что война требует переустройства тыла.

Заключение: что выходит? Народ не понимает, откуда выходят беды, и ищет разгадки в злой воле, в этой мысли страшная опасность — на все махнут рукой. Единственное средство — создать правительство из людей, которым страна бы верила, которые бы уважали друг друга.

Крупенский. — План Шульгина приемлем. Не нужно приветствие войскам. Включить содержание П. Н., но без термина «измена», «предательство». Мы не достигнем того, что хотим. Главное: уничтожить Штюрмера. Указать на одно место; если все заденем, ничего не вылечим. Время ли ярко подчеркивать разруху: усилите недовольство массы, разожжете. Я во время войны не хочу штурма власти. Обвинение в измене и неспособности направить на Штюрмера. Не задевать военные операции: затрагивать императора. Нота: «война до конца» должна быть, так как тыл надо подбадривать. Теперь термометр идет вниз. Не требовать удаления власти «до конца», «всеми средствами», а обращаемся к долгу и к патриотизму самого премьера, чтоб ушел. Указать, что причин дороговизны нет в стране и что при правильном управлении этого не было бы. Надо поднять дух, и переборщить даже неправильно. По существу согласен с П. Н.

Крупенский. — Указать (в плане В. В.) на цели войны (Константинополь). Все спрашивают, когда кончится война, так что о «терпеливом ожидании» нельзя говорить. Я уверен, что мы сделаем больше союзников, так что не надо говорить очень о заслугах Англии. Я слышал, что все неудачи от отсутствия единства армии. Каждый полк думает о себе. Указать, что рознь власти отражается на армии.

Ефремов. — Критическая часть П. Н. очень тяжка. Присоединяется всецело. Но слаба часть (ее нет) — воздействие на население. Надо сделать этот переход — что эти мрачные краски не приводят к абсолютному молчанию, а призвать к большей самодеятельности страны — переработать, приближаясь к плану Василия Витальевича. По существу возражает против того, что вывод не вполне отвечает предыдущему. Едва ли можно так затушевать значение строя: как будто переменить лиц, и все будет хорошо. Конечно, достигнуть частичного результата легче, чем общего. Не буду сейчас говорить об ответственном министерстве, но категорически указать на министерство доверия было бы ошибкой: термин дискредитирован. Так легко дойти и до П. Н. Крупенского: говорить только о Штюрмере, может быть, о парочке других. Очень сильная аргументация разменивается на мелочь. Я бы этого чрезвычайно боялся. Легко согласовать с планом Василия Витальевича. Критическая часть П. Н. превосходна, но сделан слишком маленький вывод, и нет обращения к стране.

Годнев. — Вполне присоединяется к П. Н. и предлагает еще резче выразить прямоту и общественность. Но мы считаем, что, если сменить власть, будет лучше: а каким условиям должно удовлетворять? «Доверием» может пользоваться лицо, а не власть. Пусть возьмут октябристов-земцев, но в следующем открытии мы опять будем говорить, что надо сменить. Надо упирать на то, что власть должна быть способна вывести из положения: указать систему управления, которой должен руковод-

ствоваться кто бы то ни был: дело не в лице, а что оно будет преследовать. В остальном согласен. Отдельно Штюрмера и Протопопова можно поддеть. Но требовать определенной системы: может быть, из другого круга, но если сразу... [20]).

Стемпковский. — Просит размножить. Легче будет защищать по фракциям. Многим очень доволен у П. Н., но очень многих может ошарашить отсутствие положительной части. Надо раскрыть скобки: что разумеется под доверием? Может быть и более облеченное доверием лицо, а выйдет безобразие. Тогда может быть полное доверие, когда будут представители разных течений мысли: коалиционное министерство могло бы пользоваться доверием. Дума отожествляется с блоком, надо так идти и дальше. Может быть, не говорить «коалиционное» и указать, что война — дело общее и надо иметь у власти разные течения мысли.

Шидловский. — Это первый опыт, около чего объединиться. Очень трудно ставить на одну доску, ибо П. Н. хотел, как он сказал, попробовать тон, а В. В. только дал схему. Мы теперь еще не можем подробно обсуждать; размножение является дальнейшим шагом. У П. Н. половина декларации. Мы не можем ограничиться тем, чтобы сказать, почему все вышло так скверно. Необходимо прибавить положительную часть: есть неисчерпанные комбинации, при которых необходимо довести дело до конца с надеждой на благополучный исход. Предложение Крупенского — мелко. Надо стать на точку зрения критики системы, а не Штюрмера: последующий может быть еще хуже. Нужно стать на общую точку зрения — указать на общую систему. Мы должны выиграть войну вопреки этой системе. Не должны производить декларацией панического действия. Частные замечания потом.

Ефремов. — Мы решаем говорить правду, признаем тревожность положения, но призываем к лучшим силам населения и к их сознательной действенной воле. Не следует ли сказать правду о дефектах самого общества: всеобщем стремлении урвать, к наживе? Сказать обществу, что оно должно направить свое настроение в другую сторону. Можно сказать, что если мы сделаем упрек на обе стороны, то умалим нападки на правительство, можем создать раздвоение впечатления. Но, может быть, очень тактично и ярко укажем на обе стороны и ответим на потребность и облегчим призыв к сосредоточению на патриотическом служении. Во всяком случае, тут надо быть чрезвычайно тактичным. Это — отвлечение внимания.

Годнев. — Едва ли следует обращаться к обществу. Самый главный спекулянт — крестьянин. Если укажете на это, что же выйдет: вся вина падет не на правительство, а на публику. В деревнях не обратят внимания; и купцы — спекулянты — никакого влияния.

Шульгин. — Я всегда предлагал этот вопрос. Мы сами должны сказать, что надо делать. Действительно, надо было бы прояснить туман в собственных головах. Если царь предложит любому из нас, что же мы скажем? Если Ефремов говорит об «ответственном министерстве», то это тоже не система. Пусть блок выберет эту кампанию: они только морально должны будут уйти. А если не захотят, как Протопопов, получивший моральный вотум недоверия, тогда что?

Ефремов. — Ваша мысль правильна: необходимо иметь систему и сказать стране и верховной власти. Недоговоренного тумана вселять не имеем никакого права. Как можно сделать ответственное министерство теперь? Не предлагаю изменить закон, а добиваться, чтобы назначение ми-

нистра происходило не индивидуально, а группой лиц; эти бы выступили с заявлением, что они считают возможным управлять лишь при вотуме доверия и обязуются уйти при вотуме недоверия или распустить палату. Еще лучше заявить обещание об этом вёрховной власти.

Н. Крупенский. — Какая же санкция?

Шидловский. — Надо прибавить, что если бы правительство стало на этот путь, то оно нашло бы в стране силы, которые...

Стемпковский. — Обращение к рабочим есть некоторая функция общественного министерства. Правительство не связано ни с какой группой населения. А если бы все силы населения были представлены в правительстве, то могли бы авторитетно влиять, как рабочая группа. Программа необходима, но для данной сессии вопросы управления важнее.

Ефремов. — Можно бы подчеркнуть, говоря о смене министров, вред «чехарды» частой смены. Есть способ привлечь крестьянина не в управление, но министром без портфеля.

Половцов. — Надо дополнить одну программу другой. Штюрмер желает разогнать Думу за отсутствие патриотизма. Надо сказать, что мы не изменились, и выразить уважение армии. Верно, что смена остальных лиц не имеет значения, а только групповая система назначения с программой до некоторой степени гарантирует одинаковое действие. У нас в программе нет немецкого засилья: не уродливая борьба против отдельных министров, но вся система; волнения на заводах на немецкие деньги: немецкая политика. Рассмотреть проект о немецком засилье. В деревне это имеет значение.

Шидловский. — Немецкое засилье здесь есть.

Шульгин. — Я хотел разъяснить, как представляют систему, я получил ответ.

Арефьев. — Как гарантировать, чтобы это министерство не было уволено?

Шидловский. — Нужно усилить положительную часть.

Блок. 24 октября 1916 г.

Крупенский. Одобряет в общем. Возражает в частностях.

Шульгин. — У меня слаба часть, сильная у П. Н. Милюкова: перечень провинностей власти.

Шингарев. — Не удовлетворен. Исходная точка зрения ошибочна. «Легкомыслие» правительства. Оно «не понимает» и т. д. Все время повторяется. Это — не так, правительство понимает и сознает. Разве только Протопопов не понимает. Остальным — много чести. Они желают остаться, а на Россию им наплевать.

Васильчиков. — В настоящих условиях трудно составлять декларацию. Мы должны заклеймить правительство, но должны учитывать впечатление, которое это производит в стране и в армии. Настроение скверное: от нас ждут прилива бодрости. П. Н. не дает бодрости: ложись и умирай. Впереди катастрофа: выхода нет; время упущено. Все-таки склоняется к Шульгину: желание придать бодрости.

Шидловский. — На это было указано в первый раз и на необходимость ввести нечто положительное. Это впечатление могло бы быть сглажено, ибо мы хотели создать настроение. С проектом Шульгина не могу согласиться. В нем есть капитальнейшие части, которые надо вставить в другую декларацию. Слабая сторона — он в личных

качествах Штюрмера более уверен, чем в других: достаточно прогнать Штюрмера, и все в порядке. Мы говорили о Горемыкине, а теперь хуже. Сосредоточение на Штюрмере — слабая сторона. У П. Н. это ближе к истине. Не согласен и с Шингаревым: все предатели в смысле злой воли. Нам важны не мотивы, а действия. Преступное равнодушие — цинизм. Материал богатейший в обоих проектах. Проект В. В. дает отдельные образцы, чем [?] в проекте П. Н., который грешит монотонностью, поставить преграды — будить внимание. Поручить небольшому количеству выработать сводный проект.

Ронжин. [?].—Не знает, можно ли совместить оба текста. В основу нужно взять проект В. В. и оттенить резче неудовлетворительность всего состава правительства. Не упоминать о военном деле, о «чехарде».

Крупенский П. Н. — Если мы не поймем друг друга на коренной идее, не следует выставлять правду, чтобы не уронить подъема. Слишком суровой критикой вы еще понизите дух. Не «злая воля», а полная неспособность.

Ефремов. — Мнения фракции. Не отмечена финансовая разруха. Нет указания на вред личного режима, хотя чрезвычайно трудно говорить прямо. Очень верно указанное Шингаревым: надо сказать, что деятельность правительства преступна и равносильна по результатам преступлению. Преступное предпочтение своих интересов общественным. В изложении В. В. совсем нет указаний на необходимость изменения системы. «Общий взгляд на все» и взаимное уважение слишком мало. Нужно изменение условий деятельности, их зависимости от личного режима. Этого можно достигнуть единственно «ответственным министерством»: по этому вопросу полная неясность: не удовлетворяет и редакция П. Н. Два раза «министерство доверия». Правда, в исторической части. Но такая ретроспективная точность не нужна; разве только противопоставить прошлому — «ответственное». В резолютивной части у П. Н. идет дальше, но не конкретно и не отвечает назревшей необходимости.

Крупенский. — Мы действуем на блоковом соглашении.

Энгельгард. — Мы должны говорить правду. Основной недочет: система управления. Вполголоса говорить нельзя: надо говорить определенно. Минимум доверия, как понималось до сих пор, нужно, чтобы не производило уныния. Нужно не угашать духа, выдвинув наш актив. На фронте мы сильнее, чем при начале войны; это надо подчеркнуть: запас сил велик, и мы действительно можем добиться полного успеха. Но при продолжении того порядка окончательно сядем на мель.

Шидловский. — Плохо, потому что неправильно использовано.

Шаховской. — Декларация П. Н. погребальная. В. В. более веселая. У П. Н. лучше оттенено, почему мы говорим об Англии.

Годнев. — Если выходить из положения, что надо подбодрить, то надо принять декларацию П. Н. Скажут, что и на этот раз Дума говорит ни то ни се. Вы хотите сказать, что сносно, все хорошо. Положительная сторона, что не умеют распорядиться, — если в этом смысле будет описано все скверное, больше будет подъема. Изложить все, как у П. Н., а потом высказать положительную сторону: войска, народ. Иначе никто нам не поверит. Ясно все

говорят, что дело не в правительстве, а что они не имеют мужества говорить, и молчат.

Каппист. — Цель декларации должна быть, что Русь велика и обильна и т. д. Нужно больше оттенить, что средства есть на все, а беспорядок громить вовсю. Выйдет тон не погребальный. Верно, что у В. В. мало места отведено осуждению системы. О министерстве доверия не упоминал бы. В виде истории воспользоваться запиской Витте: очень хорошие фразы, которые забыты. Надо уличать систему в отступлении от того, что должно быть: нет объединенного министерства. Надо разделать Штюрмера — и других. Одни — «преступное предпочтение личных интересов», а другие? — Умолчано, что надо делать. Если введем, сказать, что надо переменить систему, и строго осудить двойственность фронта и тыла. Осудить систему более строго; осудить министров за преступления и дружбу с немцами.

Я. — Критикую декларацию, что нужно, как минимум — надо сказать правду.

Шульгин. — Политическое содержание нам необходимое, и есть правда. Андрей Иванович, вернувшись с фронта, говорит, что многое сделано в армии. Кто снабдил армию? Тыл. Другая часть правды — безобразия. Третья часть правды — Ковельские глупости. Тут есть и свет и тени. Но политика требует, чтобы мы говорили только черные вещи, расписали министров злодеями, а где-то есть герои. Такой путь неправилен. Если вина в системе, не говорите о злодействе. Нужно сделать выбор: или же сгущать краски для известных целей, — но тогда нужна уверенность, которой у меня нет. Если хотите обрушиться на систему, надо обсудить по фракциям. Но тогда скажут: что же мы, отдельные люди, можем поделать? Моя декларация слаба, потому что мы не можем сказать правды о верховной власти и не можем сказать правды, что отдельные лица сделали большую работу. Прямо и ярко говорить не могу, потому что будет неверно.

Шингарев. — Сгустить краски гуще того, что есть, невозможно. Внутри страны голодовка. Города накануне невозможности достать хлеба. Рабочие вот-вот вырвутся на улицу. Диалог Маркова II с Чхеидзе и слова П. Н. В армии за $2^1/_4$ месяца коренная перемена. Мой отзыв в конце июля соответствовал тому, что я мог сказать в печати. Тогда не проникало в войска сознание разрухи тыла. На западном фронте от офицера до генерала — Эверт чуть не изменник. Все говорят: мы отсюда семьям сахар и мясо посылаем. Армия поворачивает взоры сюда, на разруху тыла. «Гвардия на убой, потому что оппозиционна». Нам нечего сгущать краски: надо сознательно отнестись к тому, что есть. Шуваев [21]), Покровский [22]), Игнатьев [23]) — неужели это злая воля? Но Покровский с апреля не созвал финансовой экономической комиссии. Он не понимает? Нет, ему не дают сделать, а он, как холоп, остается. Слабость гражданского мужества есть преступление. Трепов понимает, что такое вмешательство военной власти, но боится поставить вопрос об объединении тыла и фронта. Поливанов полетел за взяточничество в квартире Кшесинской. Ольденбургский — и маски; взятка Сергея Михайловича [24]). Кто больше нас знает и молчит — преступники. Шаховской, Покровский вам приватно расскажут. Заменить нельзя. Это недостаток гражданского мужества. Все эти господа, не исключая Шуваева, мешают союзам, а Протопопов пишет приказания о контроле их, а Манасевич, уличенный в краже, показывает, что делится со Штюрмером и — осво-

божден. Судя по сегодняшнему заседанию, это иллюзии страны, что Госуд. дума разберет. Страна накануне порывов к самосуду. А Дума скажет: «Легкомысленные люди ничего не понимают». Страна скажет: ну, и последняя надежда пропала. Единственный способ — чтобы Дума не разорвала с страной. У нас единственная сила — моральный авторитет. Если его поколеблете, кончено: скажут, вы не хотите бороться с теми, кто губит страну. Может быть, наши настроения так расходятся, что нам не по дороге? При первой встрече наши впечатления совпали. Что случилось, что вы успокоились? В этот момент надо поставить вопрос ребром и не опасаться показать ваше отношение к правительству до конца. Нельзя шить одеяло из лоскутьев (в ответ: можно внести поправки). Тон неверен (*Шульгин*: Вы совершенно правы.) Я не желаю достигать цели несоответствующими средствами. Вы это скажите. Все остаются на месте, а улица заговорит. Надо вопрос поставить ребром: или правительство или Дума. Два письма в армии: выписка из доклада Климовича, что союзы делают революцию, и письмо Гучкова, что в России нет министров, а Штюрмер — предатель. Надо публично сказать: берегитесь измены.

Васильчиков. — Настроение у нас не изменилось: мы единодушны в понимании преступности правительства. Мы расходимся в понимании, как сказать это Думе, чтобы Чхеидзе с Марковым не столкнулись. Страна ждет не только обвинительного акта правительству, а борьбы со злом и попытки изменить. Мы должны дать и обвинительный акт и указания, что мы будем бороться со злом. Отношусь поэтому отрицательно к мрачному изображению П. Н. без изменения. В диагнозе положения необходимо дать указание стране, что выход есть и что мы его можем дать.

Крупенский П. Н.—А. И. взял быка за рога; надо говорить правду. Но правду каждый понимает по-своему. Для меня правда А. И. — неправда. Покровский — я его вижу — он говорит: жду приезда палат, чтобы всех собрать. Ездил в Париж — ничего не мог сделать. Коковцов отвертывается идти. Трепов — опять обвинение — военное: «что я могу». Он говорит в ставке: фракция к.-д. не говорит правды о «министерстве доверия», потому что им нужно министерство ответственное. Когда я должен говорить правду армии и народу, то подумаю дважды. Трон, окруженный черной шайкой: этого не следует говорить по соображениям дипломатическим. Чистая правда может быть только групповая. Мы сошлись только на уступках. Мы достигли многого. Горемыкин полетел благодаря нашему единению. «Правда» А. И. для меня не так ужасна.

Энгельгардт. — Меня смущает: как будто мы должны итти врозь. Это был бы самый печальный результат. В гангренозное кольцо фронта приходится посылать живые силы. Надо посылать, чтобы все шло исправно, чтобы внутри страны был исправный организм, чтобы большинство не разъехалось.

Я не вижу такого разногласия. Мы должны ярко осудить систему. Не нужно называть мошенниками, предателями, ворами. Я верю в «ответственное министерство». Первый шаг: «министерство доверия». Положение вещей — мы деремся, сопротивляемся Германии. Из 14 миллионов $8^1/_4$ еще в армии. А мы воюем только 20% этих сил. Почему? Неурядица. Действительный паралич вла-

сти. Я только-что говорил с Алексеевым: да, вы правы, но что я могу поделать с фронтом. Разруху, непорядок можно подчеркнуть. «Но бойтесь, если только эти люди возьмутся за ум». Надо сказать, что силы есть и можем драться.

Я. — Надо попытаться найти общую правду и смотреть на декларацию как на увертюру общих действий общей воли. Если не сможем — разойдемся. О «злодействе» — поговорим.

Ефремов. — Соглашается со мной. Надо сказать, что в стране достаточно силы. Но требовать изменения системы.

Шидловский. — Мы стали быстро приближаться к полному единению. Появились естественные черточки. Мы должны составлять декларацию несколько иначе. Тогда вычеркивали, чтобы не было ничего разъединяющего. Но теперь надо писать с гораздо большим разумом и меньшим чувством. Тогда можно было подбадривать публику призывами.

Теперь — единственный тон — строгого разума. Всякое утверждение строго обсудить. Для этого нужна комиссия. Проект сводной резолюции. Мы третий раз говорим о резолюции. В предыдущем заседании не была отвергнута резолюция П. Н. Проект В. В. уже находится под влиянием прочтенной резолюции. Поручить представить сводку.

Блок. 27 октября 1916 г.

Шидловский докладывает соединенный текст декларации. Включил Сухомлинова, выкинул абзац об армии, не ввел об Англии.

Шингарев. — Частные поправки: «работа» вместо «услуги». Вместо «отчужденность от общественности» — «враждебность». ..... «создала формальное право» — «пытается создать формальное право». (*Милюков*: «пытается создать возможность».)

Шаховской. — «Большинство Думы» чередуется с «Госуд. думой».

Лелюхин. — Слово «исход» не нравится. Заменить «решением».

Н. Крупенский. — Неопределенно сказано о союзниках.

Шидловский. — Вчера было указано, что надо сказать об Англии. Я считал правильным предложить отдельно.

Крупенский П. Н. — Совсем хорошо (пункт о «растрачиваемом доверии»).

Стемпковский.—Возражает мне против вставки об Англии. Препятствует снабжению денежными средствами. Но из чувства достоинства не надо расшаркиваться. «Грозит опасность достижению победы». (*Шидловский* перечитывает — все одобряют.)

Ржевский. — Два редакционных замечания. Каждое обращение к армии сглаживает резкость предыдущего. Переведите в другую область чувства. Переставить в начало. Второе — меня поразило: «страшная борьба» — не годится. «Великая». Наши враги «лживыми обещаниями»: это брань, которой не должно быть в декларации Думы. Поддерживает заявление Пав. Ник. об Англии.

Крупенский П. Н. — Не следует выделять Англию на первое место. В речах сказать. Иначе ставите на разную доску. Отрицательные стороны английской договоренности — ярче.

Ратьков-Рожнов. — Благодаря Англии нас не разгромили. Немцы были бы и в Кронштадте и в Петербурге. О нашем министерстве — эффектно, но не жизненно.

Шидловский. — Читает проект текста об Англии. Прошу прибавить о континентальной армии (указываю, что Англия может склониться к Германии).

Крупенский Н. — Против всего абзаца.

Капнист. — Надо упомянуть об осуждении системы. Изменить слово «добровольный» — «не связанный до войны обязательствами». Изменить заключение: привет армии — вперед и в конце — вера в страну.

Приходит *М. В. Родзянко*. Просит устроить завтра заседание (секретное). В $2^1/_2$ часа.

Родзянко. — «Дважды прерывались». Не соответствует занятой позиции говорить «благодаря неумелому руководству». А мы отвергали передачу в министерство внутренних дел. Затем, твердое настаивание на удалении — самое ответственное место — но надо взвесить последствия (роспуск). (Это завтра.)

Шингарев. — Мы делаем пометку в декларации сохранить силу морального авторитета. Думаю, что правительство не решится на роспуск, но, если и решится, спасение в моральной силе населения.

Родзянко. — Как еще председатель, считаю долгом доложить об опасности — и проявить моральный долг в более мягкой форме.

Шингарев. — Осуждение системы надо ввести. О Сухомлинове. (*Родзянко*: Это не власть освободила.) (*Я* говорю: Мы вчера настаивали в Мариинском дворце, но Шидловский не принял.) Отзвук в армии. Сказать, как симптом системы. Об Англии: в нашей резолюции мы должны быть и внешними политиками. Франция истощена, Германия — враг, единственный реальный союзник — Англия. Без Англии, с финансовой точки зрения, не выкрутиться. Ввоз капитала из Германии опасно, германский капитал — поработитель, а не только эксплоататор. Американский капитал — хищнический, а назревают осложнения с Китаем. Английский капитал — и дешевый и не ставит целью политическое влияние. Приходится бороться в нашей собственной среде с опасениями Англии. Эти указания идут из германских источников. Германофилы теперь облеклись в англофобскую одежду. Пытаются ловить. Всякие семейные недоразумения. Мы должны закладывать теперь основы внешней политики после войны. Франция против Константинополя. И Грей и Асквит готовы все дать.

Родзянко. — Против Стемпковского и Н. Крупенского. Нам, членам Особого совещания, известно состояние Русско-английского комитета.

Шидловский. — О Сухомлинове — Павел Николаевич и Шульгин, действительно, настаивали, но я не сделал потому, что у нас достаточно указаний, под которые можем подвести и Сухомлинова. Упоминать частность — не надлежит. Много чести для Сухомлинова — он один из мерзавцев, которых много.

Лемохин. — Меня текст удовлетворяет. О «системе» надо упомянуть. О Сухомлинове согласен с Шидловским. По болезни временно освобожден. Об Англии опустить «в особенности». За упоминание об армии в конце. О борьбе за систему министров: опустить часть этого параграфа, если это грозит роспуском Думы. Поведет к выступлению улицы. Наступит очередь крайних партий и диктаторов. Лучше приступить реально к борьбе, отказом в кредитах и т. д. — смягчите и видоизмените.

Шульгин. — О Сухомлинове следует говорить. В речах выльется в форме очень резкой. Мы можем сказать, что надо ускорить

суд, а не принимать меру. Если будет движение, то толпа пойдет к дому Сухомлинова. (*Капнист*: И вы с ними.) Поддерживает об Англии. Нуждаются ли англичане, чтобы мы подчеркивали симпатии к ним? Англичане приходят, ищут, стараются, чтобы к ним относились хорошо. Они хотят рассеять длительные предрассудки.

Ефремов. — Выделение Англии необходимо. В Англии знают, что в России есть кампания: им нужно знать, разделяют ли. Не прими Англия участия в борьбе, она была бы уже кончена. Германия не будет уничтожена. Справимся мы с новой борьбой при нейтралитете Англии, доброжелательной к Германии? Выражение «народ не понимает, что неясно». Не в «неясности» дело. Мы будем ближе к истине: надо сказать: «народ не верит, чтобы правительству не было ясно, что ясно ему самому». Надо указать на «систему». «Опираться на большинство Госуд. думы»: вы не говорите даже «на одобрение большинства». «Сказать, что думает народ, назвать вещи собственными именами». Но и дворянин Павлов и которые говорят об «ответственном министерстве». Кому эти термины одиозны? Если членам блока, это одно. Если короне, то найдутся толкователи, что и в описательной форме есть та же одиозность. Останется неудовлетворенность в народе. Был бы счастлив, если бы моя точка зрения была разделена Павлом Николаевичем. Во всяком случае, мы не можем не произнести «ответственности». Надеемся, что не исключите из блока.

Ратьков-Рожнов. — Об Англии — не говорить «в особенности», а в «частности». О Сухомлинове — это частность. Согласен с Шидловским: следует избежать. Можно затронуть негласные течения, которые принесут вред. Согласен с Родзянкой, что [нельзя] грозить общими местами, когда не можем ничего сделать, лучше смягчить. Неисчислимые беды.

Кринский. — Слово «благодарность» не надо упоминать. Мы тоже принесли жертвы. Мы несем самые крупные жертвы из всех. Надо подчеркнуть солидарность и доверие. Следует упомянуть об Англии с другими мотивами. «За правое дело» — много разговорили: многие страны выступали с такими же побуждениями. Мы хотим говорить, потому что в некоторых кругах недоверие. Выделяйте там, где протестуете. Так протестуйте против появившихся в некоторых кругах недоверия против распускаемых нашими врагами слухов.

Крупенский П. Н. — Желательно и хорошо поставлено об Англии. Настаивание на удалении правительства: не хотел бы, чтобы мы перешли на строй диктатуры. «Требуем», «настаиваем» — не нужно. Смягчить, если будет написано «система в правительственных кругах» — так, но если в смысле «строя», нельзя. Сухомлинов — маленькое слагаемое в большой декларации. Это вызов верховной власти, которая имеет право даже миловать осужденного. Измена в военное время решается полевым судом. Доканчивайте суд. Требуйте немедленного и скорого суда над изменниками.

Я. — За резкий текст «требования». За вставку о Протопопове и системе. За включение Сухомлинова.

Годнев. — Государю не дано право вмешиваться в судебное дело. Он не предан до сих пор суду. «Ждет скорого суда». Осуждать до суда преждевременно. Смягчить «требования» — ка-

тегорически п р о т и в. Когда отругаем, б о я т с я. Если слово смягчите, не будет выдержан тон. (*Капнист*: Нет, этого не надо смягчать. *Крупенский П. Н.*: Ну — оставьте.) Законными средствами — нет опасности. Нужно изменить «з а ч а с т у ю не требовали спешности»; в ы ч е р к н у т ь — «не вызывавшимися необходимостью и не спешными». Против термина «ответственный», потому что о т в е т с т в е н н о с т ь е с т ь (²/₃), но ею не пользовались. Давать право говорить, что распустили за «ответственное министерство», нельзя. Перебрать в с е п р и з н а к и о т в е т с т в е н н о с т и — надо и б о л е е с и л ь н о. Если не удовлетворят — требование у х о д а. На месте правительства я сказал бы: пожалуйста, получите, оно и сейчас ответственно. Правительство прекрасно понимает, чего вы желаете. Уход министерства — еще далек от ответственности. Опасение диктатуры — «теперь есть роспуски — при диктатуре легче, чем при чрезвычайной охране». «Требование» произведет хорошее впечатление в народе. — О ш и б к а, что думают, что Дума м о г л а ч т о - н и б у д ь с д е л а т ь.

Сверчков. — Несогласен с Годневым. Предъявление «требования»— н е з а к о н н о. Я был бы согласен, что остается только требовать. Но есть психологическая особенность лиц, на которых мы будем влиять. Наше «требование» не послужит аргументом, идущим навстречу: будет истолковано противниками Думы.

Шидловский. — Перечитывает текст, в котором «требует» уже заменено «настаивает».

Все соглашаются.

Шингарев. — «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Никогда не избежим обвинений. Мы должны иметь план наших работ. Вопрос о п р о д о в о л ь с т в и и.

Крупенский П. Н. — В завтрашнем заседании — план действий.

Шидловский. — Большинство против включения «ответственности». Сухомлинова вставить в подходящее место. «Система».

Блок. 28 октября 1916 г.

Частичная поправка в декларации.

Приходит *Родзянко*.

Родзянко. — Господа, я просил уделить время для совещания [?], потому что я лично в затруднительном положении. Прошу сохранить втайне и не распространять. В собрании Комитета о раненых Андрей Иванович и другие просили меня доложить в ставке о волнующих нас обстоятельствах. Dans le doute abstiens toi, и так как это было случайное собрание, то я ждал последствий, затем в собрании бюджетной комиссии ко мне обратились уже официально: я написал из деревни председателю Совета министров. Сообщил Фирсов о заявлениях Шидловского, Керенского, Милюкова и Караулова. Отдельные ораторы хотели обращения к государю императору. Другие обстоятельства и обычай, по которым перед Думой я испрашивал доклад, меня и теперь побудили испросить доклад. Дня три я не получал ответа, а затем получил мой доклад с резолюцией государя, который должен доложить. Мнения государя о времени приема печатает [?] сам государь, но тут произошла ошибка: «Председателю Совета министров. Поручаю передать председателю Госуд. Думы, что он может быть принят для доклада о занятиях Госуд. думы, когда они возобновятся». Я решил, что, может быть, имеется параллельное распоряжение

председателю Совета министров. Через два дня я довел до сведения Штюрмера. 26 октября он мне позвонил: я очень удивляюсь...

(*Родзянко* просит меня не писать.)

Блок с Гос. советом, у Меллера, 30 октября 1916 г.

Меллер. — Ставит вопрос о случившихся событиях.

Шидловский. — Декларация стала известна Совету министров, вызвала резкое отношение: повидимому, они считают, что декларация вызовет резкие репрессалии, вплоть до роспуска.

Голоса. — Как это стало известно?

Я и другие. — П. Н. Крупенский.

Шидловский. — Манускрипт был размножен в шести экземплярах и с моими подписями роздан представителям фракций.

Стахович. — Вопрос, устремиться ли или уступить, можно решить лишь после прочтения. Может быть, Госуд. совет решится прочесть текст, который не решится прочесть Госуд. дума.

Я. — Решение принадлежит фракциям.

Меллер. — Возможно ли, что совсем откажутся от декларации? Насколько крупные разногласия между фракциями?

Шидловский. — У меня есть одно заявление прогрессистов — если не вставите «ответственного министерства»... (Читает текст).

Я. — Читаю текст — мнение председателей губернских, земских управ, собравшихся в Москве 25 октября [25]).

Меллер. — Это сильнее декларации.

Шидловский. — Вы видите, что разноречий нет, а есть — смягчение.

Стахович. — Суждено ли быть декларации? Получит ли она поддержку шести фракций? Если получит, так. Если не получит, это объяснят влиянием угрозы, которая теперь не останется тайной. Членам Госуд. думы нет другого исхода, как отстаивать. Если она не получит — вследствие бесцеремонной угрозы,— мы сможем судить о ней лишь потому, что от нее останется.

Я. — Завтра утром фракции сговорятся, сейчас еще нет предмета.

Шидловский. — «Угрозы» еще не было; это — частные сведения.

Стемпковский. — Исходящие от лиц, нам сочувствующих...

Шидловский. — Сегодня днем опять сидит Совет министров по этому делу.

Стахович. — Народный представитель ответит: зачем же я, если правительство мешает нам высказаться?

Шидловский. — Наиболее сильное впечатление произвело слово «измена» и указание на нашу борьбу с властью — как выпад против короны. Даже параграф об измене произвел большое впечатление. Указывали, что слово, произнесенное с кафедры, будет иметь характер удостоверения для народа. Это может повести к торжеству врагов.

Голицын. — Если в публике ходит вопрос об измене, это относится к очень определенному лицу и кругам. Это будет констатирование факта. Зерно сомнения расцветет пышным цветом.

Меллер. — Здесь только констатируется факт толков в народе, и видит в нем опасность.

Стахович. — Да, это место не имеет значения, которое ему приписывается. Заслуга Думы, что она выскажет то, что есть в стране. Конечно,

это повредит правительству, поможет стране. Если правительство идет на угрозы, то тем более это дело Думы.

Голицын. — Госуд. дума именно хотела указать на определенный центр, из которого исходит измена. Если Дума станет на путь открытого признания фактов, создающих коренные перемены, надо знать, что последует и какую позицию займет народное представительство. Насколько созрело мнение в большинстве, которое я слышал от В. Н. Львова, что решили не считаться с роспуском? Оставаться на местах и держать активную роль. Если будет роспуск, и все спокойно разъедутся по домам, то правительство только этого и ждет. Начнется мрачная страница, репрессии, и страна окончательно погрузится во тьму. Какие намерения Госуд. думы?

Шингарев. — Очевидно, что происходящее и есть мрак и ужас. Состав правительства дошел до распада. Продовольственное дело — гордиев узел. На фронте неважно — и запасов немного. Дело идет к логическому концу мрака, существовавшего до войны. В распоряжении народного представительства таких элементов нет. Уличные беспорядки уже существуют. Говорят, что в Петербурге войска не стреляли. (*Голицын*: Верно. *Стаохвич*: Неверно.) Страшное совпадение резолюции блока с представителями управ. Мысли носятся в воздухе. Это то, что живет в стране. Удержать секрет об угрозе нельзя. Были приняты экстренные меры. Окажется, что, если декларация не будет прочитана, скажут: Дума сдрейфила. Последнее объединение потеряет моральный авторитет. Бурный протест Совета министров, потому что декларация — самое сильное оружие. Самим стать в положение безумцев — недопустимо. Надо сохранить, хотя бы ценой роспуска, моральное значение народного представительства. Вы поставите моральную угрозу: все падет на твою голову. Если потерять этот авторитет, власть распустит с согнутыми головами, с пришпиленной кличкой: испугались, послушались. Не знаю, как поступят другие товарищи, но изменение — опасный национальный шаг.

Стемпковский. — Тоже думаю, что надо оберегать интересы страны. Надо оберегать и авторитет Думы. Никакого укора Дума не должна вызывать. И угрозы не должны влиять. Картина может быть и другая. Вы считаете, что началось, и боитесь, что пропустите момент. Но раз у нас запасов нет и наступит хаос? Но вдруг за нашим актом не последует ничего бурного, а петроградская погода? Вдруг общественность перенесет издевательства, и война кончится благополучно? Тогда авторитет этот выиграет или проиграет. Скажут: «мы победили без Думы». Надо сказать тогда, когда будет ясно, что проиграно.

Гурко. — Трудно говорить об изменении декларации под гнетом угрозы. Угроза заставляет стоять на старом. Но нам надлежит рассматривать декларацию как членам Госуд. совета с точки зрения наших мнений и возможной поддержки. Если эта или другая декларация может привести к роспуску, но считаем ее необходимой, то нельзя жертвовать целью жизни для сохранения жизни. Но, по существу, некоторые части декларации могут быть вредны. Ее можно сделать еще более сильной, резкой и ясной, но именно ясной. Пускать мысль об измене — и есть увеличение смуты в стране. Не задача Госуд. думы это усиливать. Ставьте правительству в вину все — Сухомлинова, Манасевича. Но эта «измена» будет понята иначе. Масса схватывает общий тон. Впечатление получится: во главе России предатели, а потому будем их гнать. Присоединяясь почти ко всему, я это место, как незаурядный слушатель, считаю опас-

ным. Остальное (*Голицын*: Слишком слабо). Скажите хоть слово о Франции, Англия не пользуется особыми симпатиями.

Шульгин. — Начну с того же. Вопрос угрозы не должен входить в сферу обсуждения. Дума, которая может считаться с угрозой, не нужна и не может пользоваться авторитетом. Если сохраним себя, то будем элементом бесплодным. Тот или иной насильственный акт относительно Думы необходим, если правительство не идет на уступки. Но если можно добиться не роспуска, а перерыва, это было бы важно. После окончательного роспуска останутся люди, которые доведут войну до конца. Я больше всего дорожу победой, хотя с утратой авторитета Думы. Но если Дума не найдет людей, то не будет победы и ...? При неокончательном роспуске можно еще созвать Думу и сказать: выручайте. Остается прибежище. Перерыв выгоднее. Относительно текста — это лично моя редакция: в ней нет пришпиливания к отдельным лидам. Может быть, правы те, которые говорят, что массы воспримут иначе. Может быть, с этим надо считаться. Если думают, что это ненужная опасность, то надо уступить. Не надо уступать в смысле прямоты — интенсивности нападения: сваливаем известных лиц. Фракции могут испугаться.

Шидловский. — Согласен, что не надо считаться с угрозами. Но в общем смысле декларации — это место второстепенное. Место об измене есть экспозиция положения в стране. Эта экспозиция — не новость для страны и не убедит правительство. Есть действительная опасность, что поймут в смысле удостоверения — и опустят руки. Я настаиваю на сохранении без всяких смягчений места о том, что мы будем делать. В мотивах могут прибегать к формам наиболее безопасным. Совет министров не отзывался, и фраза произвела впечатление удручающее на лиц, не принадлежащих к правым.

Стахович. — Мы первые рядовые слушатели. Мы можем судить, что будет говорить и страна. Если распустят Думу за предложение мира, я на стороне роспуска. Но если она скажет то, что ярче говорит избиратель, я за Думу и после роспуска. Роспуск технически не так легок, «измена» на устах у всех, а потому и надо сказать — в том смысле, что такая система может привести к толкам об измене. Если исключите из-за угрозы, страна скажет: главного и не сказали. Предупреждение есть умелая попытка попугать. Если это удастся, это огромная моральная победа правительства. 17 месяцев назад ведь уступили перед единодушным натиском. Члены Думы будут грызть себе руки, что пропустили момент сказать. Правительство должно приготовиться отвечать тотчас после. Если оно не использует, а сделает безумный шаг — это опаснее для него, чем для Думы. Может быть, сделаете яснее, но сохраните. Предостережение «остановись» может отрезвить. Иначе на компромиссе спасуете.

Годнев. — Мы все убеждены, что теперь правительство с делом не сладит. Теперь правительство говорит: если заявите, что мы негодны, то вас распустим. Самая угроза эта указывает на существование измены. Измена есть — 3-й экземпляр попал к правительству. И в Совете министров тоже рассчитывали, что доброжелатели Думы передадут. Это проба: если испугаемся, будут обращаться свободнее. Можно изменить выражение, согласен. Но выпустить — не согласен. Правительство этим воспользуется и поведет за собой.

Я. — Главное — наша тактика.

Гурко. — Недоразумение. Наличность угрозы заставляет меня менее критически относиться. Я рассматриваю только с точки зрения влияния на страну. Откинув вопрос об угрозе, — измены правительства, как такового, нет: это представление ложное. Нужно усилить обвинение: правительство столь глупо, что приводит к ложным слухам об измене. Я, как член верхней палаты, определенно скажу, что во всей декларации большинство членов пойдет за Думой, но к этому не присоединится. Я первый буду протестовать против обвинения в измене.

Шебеко. — Когда Дума после успешной борьбы с Горемыкиным получила нового министра, одно из близких к правительству лиц сказало: конечно, Горемыкин старик, но при Горемыкине не будет толков о преждевременном мире, а этот на все пойдет. Теперь слухи, что мирные течения поддерживаются, обоснованы. В широких слоях подчеркивают: когда обеспечен успех, появляется невидимая рука. Взрыв на «Марии» — в самое нужное время. После объявления Румынией войны — 2 одноколейные ветки. Два года побуждали Румынию, а проложить вторую колею — вопрос 2-3 месяцев. Все наши интересы во время выступления Румынии были на Балканах. Мы послали две дивизии, и наше положение хуже, чем когда Румыния была нейтральна. От Госуд. думы ждут решительного шага не только те, которые могут выражать свое мнение, но и не причастные к политике. Говорили, эта Дума будет болтать, а на решительные шаги не пойдет. Дума должна сделать то, что велит ей совесть и долг: откровенно сказать, что правительство погубит. Если бы декларация не попала к правительству, я бы присоединился к Гурко. Широкие круги могут истолковать неправильно. В настоящее время положение такое: если Дума вычеркнет, то правительство одержит победу. Поэтому в настоящее время предпочитаю не делать. Для сохранения единения надо пойти на уступки. Декларация мне нравится.

Голицын. — Это будет подчеркивание настроения в стране — и должно быть в декларации. Но изложить в такой форме, как Шебеко: скажите, что такие-то факты могут привести к одному убеждению, что либо—круглые идиоты, либо — изменники: выбирайте. Двух толкований быть не может. Толпа воспринимает, когда говорите просто.

Стахович. — Роспуск невозможен. Сепаратный мир невозможен. Пригрозили роспуском, не спросив государя; нельзя.

Я. — Нет ничего невозможного.

Голицын. — Вполне возможно: когда шла кутерьма из-за передачи продовольственного дела и когда в бюджетной комиссии получил Протопопов отпор, было заявлено желание Протопопова провести в порядке 87-й статьи. При этом отклонить удалось только тем, что было бы парламентарнее — после провала роспуск, с чем министр, променявший прогрессивный блок на прогрессивный паралич, согласился.

Шидловский. — Голицын правильно изложил первую стадию: внести в Думу и распустить на 3 дня. Этим приостановлено на 24 часа. Но потом — вечер у Родзянко, рассмотрели в Совете министров, где он даже не защищал. А в этом заседании отклонение передачи в министерство внутренних дел; отклонено после сношений со ставкой.

Шингарев. — Если бы к государю в ставку, в его намерении нельзя сомневаться. Но право таких решений в Царском селе. Тут они мо-

гут получить санкцию легко. Но я не делаю вывода, что надо изменять. Что намечено в Совете? В каком виде могут поддержать нашу декларацию?

Меллер. — Здесь члены Госуд. совета, которые ставят главной задачей координирование с Думой. Мы еще не знаем, в каком виде Дума выступит. Сегодня вечером заседание группы центра, завтра академисты, внепартийные, дикие и объединенные.

Шебеко. — Президиум рассчитывает, что никаких речей и деклараций не будет. Председатель Совета министров настаивал на одновременности заседаний — будут спешить на молебен в Госуд. совете и отсутствовать в Думе.

Гурко. — Мне лично представляется, что ко вторнику ни к какой декларации от Госуд. совета придти нельзя. Затем, это институт благородных девиц — суровый дядька не допустит. Лучше всего, реагировать на декларацию Думы в первом деловом заседании.

Щингарев. — Если не будет в первом заседании, то никогда не будет. В чем же координация будет заключаться? Надо обойти классную даму в первый день. Вопрос о Польше не может быть пройден молчанием. Если он не может молчать, то, очевидно, отдельные советские группы по этому и по другим вопросам могут высказаться. Я понял бы смысл координации, если бы она практически проводилась в жизнь.

Гримм. — Общая декларация, если бы была возможна, была бы бесцветна. Возможны выступления от отдельных групп. Если Куломзин [26]) не допустит, это тоже демонстрация. Но он на это не пойдет. (*Гурко*: Он больше напуган).

Стахович. — Координация и для законопроектов. Вы поставили в невыгодное положение Госуд. совет: если Дума сделает, мы должны ее поддержать, а если нет, то... Мы еще сегодня не знаем. Необыкновенное, категорическое полевение Госуд. совета: позиция, которую настойчиво и демонстративно занимает Стишинский, даже и сам дядька.

Шебеко. — По польскому вопросу будет мое заявление.

Гурко. — Выступление отдельных лиц не может иметь и $^1/_{100}$ доли значения выступления известных групп, которые обладают большинством; на это надежды мало: время слишком краткое. Все-таки лучше, чтобы произошло вообще, чем вовсе не происходило.

Меллер. — В группе центра большинство согласится на необходимость выступления.

Блок. 31 октября 1916 г.

Шульгин. — У нас было 8 человек во фракции, но они думали, что у них образуется большинство во фракции. Они говорят: «поддерживавшее власть большинство» — это было добавочное условие к нашему соглашению. Теперь к.-д. вносят предложение основать соглашение на началах активной борьбы с правительством. Бороться надо, правительство — дрянь. Но так как мы не собираемся итти на баррикады, то не можем подзуживать и других. Дума должна быть клапаном, выпускающим пары, а не создающим их. Поэтому надо найти язык и формы действия, которое бы выпускало пары, влияло на уход правительства, но не подзуживало. Декларация должна быть изменена: абзац об измене, хотя изложен в приемлемой форме, удалить. «И не остановиться в применении их»... «опираться на большинство» — значит хотим министров из своей среды.

Стемпковский. — Мы обсуждали декларацию в обстановке назревания инцидента с декларацией: наши замечания поэтому свободны от этого тяжелого впечатления. И все же весь тон декларации был для фракции мало приемлем: мы не желаем никого звать на баррикады; сами не пойдем. С фактами согласны, но нельзя о них говорить теперь так, чтобы возбуждать еще более толпу. Разделить правительство от верховной власти и не обвинять последнюю. «Были удалены»—заменить «правительство»... (2 стр.), «ныне» — вычеркнуть «наступившей». Редакция Капниста: «решительно заявляет, что настало время, когда лица... и вызывают открытое недоверие, должны».

Заявление *Львова* о выходе из фракции центра.

Шульгин. — Надо дать возможность Крупенскому себя восстановить или...[27]).

Львов. — Если Крупенский не будет в блоке, то тем лучше.

Шульгин. — Или вы должны Крупенского потопить или оседлать. Середины не может быть.

Львов. — Блоковая программа подписана мной вопреки Крупенскому. Я выхожу из партии. Половина сочувствует блоку. Я не могу совладать с партией, созданной Крупенским. Я делаю почин — потребуйте от Крупенского новой подписи. Он никогда не даст ее.

Шингарев. — Все поведение Крупенского — антиблоковое. В Особом совещании — против Англии: «когда вы будете высказывать благодарность Англии, мы с трибуны будем протестовать». Я ответил: мы всегда знали, что вы сделаете, что угодно Штюрмеру. Крупенский не раз заявлял, что ходит к правительству. Это «реальная политика»: сегодня на вопрос П. Н., как попал документ, Крупенский — не знаю, как попал, но я знаю, что хотели ее иметь.

Шидловский. — Вы должны заявить не нам, что вы выходите, а своей фракции. Мы будем ждать решения вашей фракции.

Львов. — У нас Крупенский заявил, что земцы не принимают декларации.

Капнист. — Слышал звонок[?] У нас обсуждалось, что делать, если не будет принято. Решено: фракционные выступления и формула перехода.

Шингарев. — Может быть, вопрос глубже, и нам надо разойтись, не висеть в виде чугунной гири. Если инцидент Крупенского только обнаружил разложение, давайте обсудим.

Капнист. — Все сознают у нас, что не выступить с декларацией — значит показать признаки разложения... Теперь, когда сговорились о правительственном большинстве, мы вдруг разрушаем большинство.

Стемпковский. — Необходимость блока фракцией признавалась. Нам поручено сделать все усилия. Затруднялись выпадами против верховной власти. Но ненависть к правительству.

Шидловский. — По поводу эпизода с Крупенским поступайте, как хотите, но если этот эпизод с Крупенским может нас разбить, это — последнее дело. Боже сохрани, чтобы получилась рассыпанная храмина. Нельзя надеяться на подпольную работу, которой цена — грош.

Шидловский. — Он крестьянам говорил, что или Думу отсрочат на 3 года, и они будут получать жалованье, или их возьмут в солдаты после роспуска. Вчера один из членов говорил, что весной говорили: осенью постараемся, чтобы блока не было.

Шульгин. — У нас раньше было твердое сознание необходимости

единства. Теперь под него подведена мина. На к.-д. насели серьезно, и тем, что к.-д. были связаны, не могут проявить свою линию, — решение принято, что если нельзя будет итти, то надо будет порвать. Рвется на новой программе, а не на старой: на активной борьбе, а не на пассивной. Стало быть, дело не только в злых силах, а в этом новом. В этом главное сомнение. Кадеты решили итти своей дорогой, и если другие пойдут вместе, то хорошо, если нет, то канат рвут. Надо, чтобы люди пошли добровольно, не потому, что их тащат. Если удастся выработать определенные условия в нашей тактике, все наладится; если нет, Крупенский победит.

Ефремов. — Пока я еще не ушел, позвольте доложить замечания, частью существенные: «неблагородству» — «при обострении тяжелых испытаний», «в разгар тяжелых осложнений». «Измена» — высказывалось, что измена есть уголовное преступление, и надо иметь фактический материал. Надо сказать больше: Госуд. дума считает, что есть единственное средство для борьбы с изменой, — возложение на независимый суд следствия: настаивать на учреждении следственной комиссии. Только суд и кара могут успокоить народную совесть и предотвратить народную месть. Может начаться самосуд. О Сухомлинове — тоже не удовлетворены. Уже если упоминать, то не ограничиваться констатированием факта, что не исполнил суд. Впечатление близорукости: лицо почти на свободе. Прибавить: «выпущены из крепости под домашний арест». «Обманывал население». Произведет болезненное впечатление на поляков, что упоминаем вскользь. Предложение П. Н. (отдельное заявление) исправляет дело. Но и здесь следовало бы упомянуть, что разрешение своих стремлений поляки могут получить только от союзников. Это один из аргументов критики министерства ин. дел. Фраза тяжела, длинна и не рельефна. Штюрмер виновен не только в том, что не разрешил, а раньше он помешал разрешению. «Тяжелая ответственность» — не вина: надо говорить о «тяжкой вине». «За то, что он помешал дать во-время русское решение польского вопроса» [28]). Он... (*Шингарев* и *Шульгин* соглашаются). «Пропущен момент» — это неверно. Не от Румынии зависит. А может быть понято неправильно: надули Румынию. Выпустить эту вторую часть. Признает, что опасения октябристов могут быть обоснованы. Кто лица, которых надо «немедленно удалить»? Штюрмер, Протопопов, все министры. Не стоим за «удаление». Может быть, «уход в отставку нынешнего состава». Ускользнула мысль, что важна смена системы. Необходимо сказать, «считая, что сменой не ограничиваемся: важна система образования правительства». Неясно, что правительство остается только пока может опираться на Госуд. думу и обязавшись остаться до тех пор, пока Госуд. дума не выразит голосованием недоверие. Не «в самом начале», но «с самого начала». «Благодарность» — не благодарность «за пролитую кровь». «Преклонение, восхищение».

Общее замечание: декларация слаба и мягка. Дальше молчать невозможно. Тут возникает гораздо более глубокое опасение, чем вопрос о редакционных изменениях. Солидарны ли мы в понимании того, что надо дальше делать, в понимании необходимости дальнейшей борьбы с правительством и с личным режимом? Мы не требуем намеков и двусмысленностей: мы легко пойдем на вычищение из декларации непосредственных нападок. Но, готовые признать нетактичность нападок в декларации, мы боимся, что земцы-октябристы не признают самой необ-

ходимости борьбы. Если даже здесь сгустите краску, а дальше бороться не можете, то вместе борьбы вести не можем. Таким образом останется возможным соглашение от шага к шагу, о конкретных вопросах. Сегодня я увидал, что разногласие глубже, чем я полагал. Не настал ли момент серьезно пересмотреть вопрос, возможно ли широкое соглашение по целому комплексу действий? Было бы крупной тактической ошибкой сделать то, чего от нас желает враг. Правительству, независимо от Крупенского, существование блока нежелательно. Нельзя искать причину колебаний только во внешних интригах, а не во внутренних причинах. Есть коренная трещина в организме блока.

Я. — Трещина была с самого начала. Но теперь она меньше. У меня carte blanche от фракции, и я из сегодняшнего заседания выношу скорее мало приятные впечатления.

Шидловский. — Здесь не «уверенность в расхождении», а непривычка к коалиционной работе. Нежелателен распад именно теперь. Ничего коренного, нас разъединяющего, нет,—теперь было бы преступлением не употребить всех мер.

С пяти часов — заседание возобновляется.

Ефремов докладывает о составленном решении прогрессистов не присоединяться к декларации и, следовательно, выходят из блока. Удаляется.

8 ноября [1916 г.]

Каппист. — Предлагает отложить заседание до понедельника. Тогда даже неопределенность будет фактом.

Шульгин. — Было ли решение о поведении? Шум нецелесообразен как средство борьбы. Не сговорились П. Н. с А. И. Можно не назначать комиссии, но, если назначены, невозможно капризничать, и они имеют право явиться [29]). В Особых совещаниях сидим. В пятницу — только, если сговоримся по фракциям. Силком Думу вести нельзя. До понедельника нового решения не успеем вынести.

Годнев. — Дело идет о 10 днях.

Шингарев. — Рассказывает, как Трепов его просил в воскресенье по телефону. До сегодняшнего утра не подозревал, что этот вопрос вызовет трения. Не предусмотрел, что министры используют это в личных видах.

Каппист. — У нас не было сговора о комиссиях. Предложение П. Н. не собирать комиссии опоздало. Мы запутаем положение перед публикой. Лучше заявлять: это две разные арены. Это поле битвы проиграно: может быть, это была наша глупость, но с фактами надо считаться. Трепов влез путем вазелина: некоторые шаги для предупреждения можно принять: в пятницу остались только хвосты. Дамоклов меч над ними висит; в пятницу вместо него они увидят перочинный ножик. О комиссионной работе надо обсудить.

Я. — Предлагаю формулу перехода, взятую из декларации [30]).

С. Шидловский. — В понедельник вы будете стоять перед тем же. Отсрочка ничем не вызывается. Вся неурядица потому, что мы не перечислили способов борьбы, а нам навязывают способ забастовки. Я бы предпочел сказать, что комиссионная работа — подготовительная ко всякому комитету, но чтобы было гарантировано подтверждение фракцией в виде формулы перехода.

Стемпковский. — Самый искренний сторонник блока — и огорчается, что усматривает, что мы сдаем настроение. Допущение Трепова возникло

только сегодня. А. И. не сторонник поддержки правительства, но и он был убежден, что мы не занимали того положения, чтобы не пускать ни одного члена правительства в комиссию. Может быть, в понедельник нам надо будет принимать неконституционные меры. Но не надо спешить. Желая сохранить блок, лучше поступиться пятницей. Наше влияние на назначение л и ц дальше невозможно. Это — борьба во время в о й н ы. Следует отсрочить.

Лемохин. — Присоединяется к отложению до понедельника и не находит возможным отменить комиссионную работу.

Годнев. — Не возражает против взгляда на комиссию как на подготовительную работу. Но отложение до понедельника будет понято как ослабление. Каждый должен беречь себя и уходить: каши не сваришь.

Степковский. — Ненависть к Штюрмеру препятствует ослаблению настроения. В понедельник я буду согласен на все, что угодно.

Шидловский. — Заверьте, что если в понедельник неопределенность, вы сочтете за отрицательный ответ и пойдете бог знает на что.

Я. — В понедельник будет готово решение, и нас обвинят, что мы ему потворствовали.

Шульгин. — Потворством будет, если в пятницу испортим дело. Если в пятницу будем, шаг вперед, шаг назад.

Шидловский. — Может ли пятничное заседание повлиять даже если... [31])

Блок. 11 ноября 1916 г.

Капнист рассказывает о посещении Треповым Родзянко. Возможна ли работа с думой? Родзянко: «Вы были приняты более чем сдержанно: сами можете заключить». — «Но я бы хотел наладить работу: как приступить? Я хочу декларацию — о готовности». — Р о д з я н к о: «Вам известны наши условия». — Т р е п о в: «Я помещу в декларацию, но с оговоркой «здоровые общественные силы». — Родзянко: «Что считать «здоровыми»? Может вызвать смущение». — Т р е п о в: «Какие же детали? Протопопов и Бобринский уходят. Шаховской — неизвестно, иностранные дела?» — Р о д з я н к о: «Я не могу указать лиц, но могло бы быть д е й с т в и е, которое подняло бы флаг: полный разрыв с политикой Штюрмера, отношение широких кругов — в о з в р а щ е н и е С а з о н о в а. Это бы сразу обрадовало». — Т р е п о в ничего определенного не сказал. «Может быть, Крыжановский — министр внутренних дел?» Родзянко отнесся отрицательно. — «А имеете ли полномочия?» — Т р е п о в: «Из чего вы заключаете, что имею?» (Впечатление, что полномочия е с т ь). Едет в ставку завтра или послезавтра. Имеет указание: «работать в мире». Приехал с визитом. Родзянко не говорил, что надо говорить с блоком. Родзянко: «Я уверен, что у вас вовсе нет программы».

Шидловский. — Мое мнение: происшедшее — серьезно, потому что влечет последствия в дальнейшей тактике. Разговор с Родзянкой укрепил меня в намерении отыграться на лицах. Никаких полномочий на составление однородного министерства, по моему убеждению. Если бы попытался это сделать, — стать во главе объединенного кабинета, то не удалось бы, ибо не получит разрешения на сотрудников. Поэтому мы можем сказать, что известную удачу мы имеем, но нельзя придавать чрезвычайного значения, ибо существо осталось то же. В декларации будут общие места и детские оговорки (вроде «здоровых»). Получить правительство удов-

летворительное — не получим. Наше положение будет гораздо ответственнее и сложнее. Ни малейшего признака изменения системы.

Шульгин. — Фракция соберется в воскресенье. Но сегодня некоторые члены говорили, что наша программа изложена дважды: в программе и в декларации. Председатель Совета министров должен согласиться на программу и на ее пункт о министрах, опирающихся на большинство. Трепова таким считать не можем. Две маски. Но — это человек умный, с деспотическим характером. Может далеко пойти в обе стороны. Мы можем только ожидать, какую он маску вынет. Может быть, сможем осуществить «параллелизм», по выражению П. Н.? Существуем независимо бок о бок. Каков будет минимум, при котором возможен «параллелизм»? Первое время при Штюрмере был параллелизм. Мы придаем большое значение нашей победе: будем избегать конфликта.

Капнист. — У нас была многочисленная фракция, которая говорила в тех же выражениях. Шидловский говорил о двух лицах. Отношение в общем более чем сдержанное. Не в лицах, а в системе. В блоке нам сказали говорить [?]: выслушать программу без аплодисментов и тухлых яиц. Стоять твердо на почве декларации. Выступать с новой декларацией — было бы странно: пришлось бы говорить то же самое. Только и говорить в ответ. Формула перехода — после. Если бы Трепов обратился к фракции, говорить, что «вы читали декларацию?». О деле обратитесь к блоку: в отдельности мы не говорим. Но в блоке отчего же не поговорить о блоковой программе?

Ратьков-Рожнов. — Наша фракция — в воскресенье. Мы думаем, что надо принять выжидательное положение. Неизвестно, что может произойти на-днях, и на решительные меры у нас не будет сочувствия.

Годнев. — Несомненно, он зондировал почву, ибо был намечен. Он ждет от нас уступок. Просил его пока не трогать 87-ю статью.

Шингарев. — Трудность, потому что не знаем, что скажет в декларации. Может отложить ее обсуждение: тогда может возможна будет формула перехода. Надо подчеркивать, что мы стоим на старой декларации. Если бы были попытки подходов и разговоров, следовало бы попросить раньше декларацию. Это показало бы: скажи нам раньше: «какой я партии». «Правый?». «Нет, я никто». (*Шульгин*: Он мне заявил, что правый дисциплине не подчиняется). Чей он ставленник? (*Голос*: Рухлова). Человек бесцеремонный, человек данного импульса. У него есть большое самолюбие в порученном ему деле. Неискренность, неправдивость, непрямые пути. Человек злой по природе. В наблюдательной комиссии Особого совещания я с ним работал — по артиллерии и военно-техническим слетам. (*Шидловский*: Его деятельность в Сенате. Не пристал ни к одной партии). Он всегда беспристрастен, хорошо разбирает дела. Хороший докладчик. Иногда соглашался с левыми. Когда стал министром, проявил самовластие и самодурство. Во время мурманской поездки не раз заговаривал с нами, делал полунамеки, но кончалось ничем. Спрашивал меня, возможно ли проведение деловой программы. Я сказал: при данном составе никакая деловая программа невозможна.

Савенко. — Мне его брат говорил, что он стал министром по рекомендации Рухлова. Самый умный из братьев, способный, чрезвычайно решительный, с большим характером. Но оппортунист, который может пойти куда угодно. Если будет затронуто самолюбие, может далеко пойти. Понимает, что соглашение необходимо и без уступок невозможно. Нужно обсудить до 19 ноября, что делать блоку. Надо столковаться

о минимуме, который вы ему предъявите. И для параллелизма нужно, чтобы он сделал что-то яркое.

Годнев. — В Совещании по перевозкам Трепов ведет себя безукоризненно.

Я. — Не может быть соглашения о «параллелизме». Параллелизм это уже скрытая борьба. Нужно поддерживать всю программу.

Савенко. — Но если пойдет на частные соглашения, то можно объявить дружественный нейтралитет.

Некрасов. — «Вооруженный».

Шингарев. — Относительно объединения власти он по характеру может поставить ультиматум и бороться страстно и сильно.

Савенко. — С Распутиным будет бороться и сломит себе шею.

Стемпковский. — Что мы можем говорить об однородности министерства? Можно ли указывать ему министров? Наша фракция высказалась отрицательно. У М. В. сорвалось, когда назвал Крыжановского, он не наш, и указывать ему нельзя.

Шульгин. — Нам следовало бы выработать нечто — не минимум, выкроенный из нашей программы, а указать, где начинается штюрмеровщина. Нетактично указать этот предел, но для нас самих надо это сделать, по системе шкалы потребностей.

Некрасов. — Стоя на декларации блока, важно знать, что мы не можем удовлетвориться словами. Он должен проявить некоторые действия к началу декларации придти уже с некоторым багажом. Надо наметить деяния: снятие цензуры с думских речей.

Я. — Не соглашаюсь на выработку «шкалы потребностей».

Шидловский. — Времени так мало, что дай бог ему подготовить словеса. Уже намечается решение, что тухлыми яйцами мы не встретим. Далее — у нас программа. Не может быть компромисса в компромиссе, без риска для последнего. Не можем быть удовлетворенными, пока не удовлетворены полностью. Сразу? Нет, не сразу, но с самого начала в одном фарватере. Предвзято не бойкотируем. Можем наш способ борьбы «всеми законными средствами» изменить, если будут симптомы. Но вперед забегать нельзя. Ты не наш, если таковым хочешь стать.

Капнист. — Еще черточка. Родзянко поставил conditio sine qua non: немедленный суд над Сухомлиновым. Трепов: «Позвольте, он в руках независимого сенатора».

Шульгин. — Шкала все-таки выходит. Конкретные факты данной минуты, которые все предусматриваются в общих выражениях нашей программой. Борьба с системой не достигнет остроты, какой достигает борьба с лицом.

Некрасов. — Дело идет не о «шкале», а о расшифровании и даже дополнении к программе блока.

Шидловский. — Если премьер пожелает говорить с блоком? Дайте директивы.

Обсуждается нейтральная почва для свидания: Мариинский дворец, павильон, квартира С. И. Шидловского.

Я напоминаю о свидании с земцами и горожанами. Свидание назначается у Мелле́ра в среду.

Блок с союзами у Меллера 16 ноября [1916 г.]

(Я опоздал к вступительной речи *Шидловского*).

Продолжение информации:

Львов. Обращается с благодарностью за возможность обменяться мнениями. Настроение земской среды — 28 председателей губернских управ. Чувствовалось препятствие работы из Петрограда. На второй день вечером я пригласил их для обсуждения общего положения. Началось с описаний с мест: они агенты и конторы для всего[?], но обессилены мобилизацией. Состав управ расстроен. Настроение в сфере готовности итти до конца в стране не ослабело. Но всякое распоряжение из Петрограда — налеты цеппелинов: точно нарочно мешают работе (пример — кожевенное хозяйство). Я впервые видел такую настойчивость, такой священный трепет. Они со слезами на глазах говорили, что при таком правительстве нельзя довести войны до конца. Формула не преувеличила настроения. Как принято в земской среде свержение Штюрмера? Прежде всего самый факт победы Думы вызвал большое удовлетворение. Блестящие речи ораторов замкнули круг: партия, и ставка, и земство, и город — объединились на высокопатриотическом лозунге спасения страны от правительства. Конечно, и самое свержение Штюрмера, в личности которого, как в символе, объединились обличаемые тенденции, — удовлетворение неполное: ждут дальше — удовлетворения общего требования декларации. При устойчивом выполнении вся земская среда будет всегда с вами.

Челноков. — В городской среде не было такого случая, как в земской, ибо не было такого собрания, которое по собственному почину, без посторонних влияний, написало бы известное заявление. Но наши собрания всегда были более решительны — и, может быть, потому не удалось собраться. Но наши комитеты собираются каждое воскресенье. Среди гласных дум, консервативных, особенно ясно сознание необходимой технической перемены порядка в устройстве правительства. Именно консервативные элементы приняли наиболее горячее участие в составлении обращения к Родзянко. В провинции настроение всегда решительнее. Но я не придаю большого значения «настроению». Придаю значение тому, что укрепилась мысль, что не выйти из положения, если укрепится старый порядок управления. Сделанное Думой встретило у всех самое горячее сочувствие: и декларации и речи. Отбой Думы встретит отношение отрицательное, если правительство ничего не сделает. Максимум ваших уступок должен быть определен вами. Но общее настроение — таково.

Кишкин. — Настроение до 1 ноября — еще сильнее в городах, чем в земстве. Продовольственная разруха. Чувство, что и з м е н а нарастает. Весной это настроение было близко к отчаянию: скажет ли Дума, что чувствует вся страна? Дума сказала: это было разряжение. Нельзя все строить на «настроении», но нестерпимо работать с настроением весенним. Это настроение подняла Госуд. дума. Это настроение обязывает и нас и вас удержаться на этом настроении. Вы подходите к труднейшему положению: мы должны сказать вам, что общественные организации с вами. Если блок дает понять стране, что позиции н е у с т у п л е н ы, это главное. Остальное — вне досягаемости блока. Мы хотели ближе информировать друг друга. Желаем, чтобы собрание не было последним.

Коновалов. — Мне трудно охарактеризовать настроение Военно-промышленного комитета, так как среда разнообразная, а совещание отложено до середины декабря. 20% — производители, 10% — рабочие, остальное—

научно-технические силы (механики, техники) и представители ведомств (которые теперь, в силу данной директивы, отшатнулись). Горячий отклик в ряде телеграмм и приветствий — нам и председателю Госуд. думы, но рабочие на петроградских фабриках — до 1 ноября период чреват забастовками новой формации и странного происхождения, кучка хулиганов, толпы врывались, закрывались фабрики, часть отсылалась на фронт, прокламации максималистов-анархистов [32]). После 1 ноября моментально установилось бодрящее настроение, сменившее апатию (информация «оборонцев»). Возбуждался вопрос: как реагировать? Отвергнута форма однодневных забастовок сочувствия. Решено занять выжидательную позицию — положение и теперь то же: терпеливо ждут тактики Госуд. думы. Ни о каком примирении с Треповым [речи] не может быть. Власть должна опираться на общественные круги, а Трепов—сподвижник Штюрмера. В перерождение власти никто не верит. Если невозможен компромисс, то надо занять ту же непримиримую позицию.

Челноков. — Московская торгово-промышленная среда отнеслась так же. Постановление Московской биржи.

Меллер. — Не подлежит сомнению, что 19 ноября ничего нового не принесет. Требования Госуд. думы приняты не будут. Как Дума будет поступать? Дальнейшая борьба в т о м ж е р о д е — повлечет роспуск Думы. Что лучше? Итти на роспуск или рисковать тем, что Госуд. дума потеряет свой авторитет среди масс.

Челноков. — И ваш блок постараются разрушить.

Шидловский. — К этому мы привыкли. Это вопрос трудный; снизу говорят: кричи, а иногда нужно промолчать. На заседании блока после свержения Штюрмера — ноты л и ч н о г о раздувания не было. У нас не было данных, но все сказали: никакой перемены не произошло. Кампанию придется продолжать. Но в каких формах? Другой, кроме Штюрмера, не может дать козырей. Это — закрыто. Мы понимаем, что Трепов — не новый режим: что он, по прошлому, не способен проводить искренно новый режим. Если бы даже стал на эту почву — возникнут трения. Он не хочет Протопопова — и его имеет. Объединенного правительства не имеем и никакого ответа ни на одно из наших пожеланий. Если бы пришел Штюрмер, появились бы тухлые яйца. Теперь их не будет, но будет строгое соблюдение принятых начал. Мы очень стеснены в выборе средств. Мы ведем борьбу во имя войны и не можем применять средства борьбы в мирное время. 87-я статья — должны выбирать. Не можем все херить. Новое положение будет неизмеримо труднее. Итак: мы не желаем ни от чего отказываться.

Стахович. — С большим вниманием выслушал; переходя к тому, что делать в субботу, — не недооцениваем ли мы положение? Тактически сделано ужасно много. Дума же имела большую победу. Самое простое объяснение — факты и отношение к ним. Борьба не исчерпывается Штюрмером. Надо бороться с личностью, которая вне признаваемой нами возможности. Дума должна торжествовать победу и не отрекаться от дальнейшей борьбы. Если Трепов хоть что-нибудь скажет из того, что требует блок, надо за это и приняться. Если же Дума заявит: дальше ничего не сделаем, дальше работать не будем? Крупные дела — не повторяются. Два раза на расстоянии месяца Дума не может сказать: я работать не хочу. Дума должна благодарить за удаление Штюрмера. Она не должна переходить в область академической политики. Должна показать свою способность работать. В субботу положение благодарное. Пусть Протопопов не сменен, но Дума должна говорить: я довольна, главная цель достигнута, теперь поедем дальше.

Я. — Парламентская борьба не испытана. Две половины: Дума и резонанс в стране. Условия взаимного понимания. Общие цели есть. Контакт налаживается. Нужно понимание приемов и доверие к стойкости. Не согласен на тактику Стаховича.

Годнев. — Нас ни в чем не удовлетворили. Тот же Штюрмер, только более ласковый. Не нужно заявлять, что мы победили. Мы будем работать, поскольку считаем полезным для страны, но каждый раз показывать, что его действия нежелательны. Самое важное — проведено вне 87-й статьи. Главное содержание 87-й статьи — увеличение платы. Я настоял на исключении из росписи всех ассигновок по ст. 87-й — до 60 миллионов. Работать будем, но заявить, что мы удовлетворены, нельзя.

Астров. — Хотя в России и много праздников, но политически праздничных настроений мало, и если нас переведут на будни, то мы не почувствуем большой перемены. Но теперь мы с блоком в полном созвучии. Блоку предстоит встретиться с правительством, которое ничего не уступило. Нам придется созывать съезды по продовольственному вопросу. На этих съездах тоже большие прогрессивные блоки. Важна ясность и полная невозможность недоразумений. Совместная работа или сосуществование должно быть оттенено в первых же словах так, чтобы ясно было полное осуждение недопустимого положения. От того, будут ли найдены надлежащие слова и действие, зависит, будут ли съезды в созвучии со съездами. Нам надо увидаться еще раз до съездов и добиться полной ясности. Формулы должны быть такие же четкие. Иначе произойдет дезориентация настроения.

Кн. Голицын. — В глухой провинции уход Штюрмера приписывается 1 ноября. Но несогласен, что Дума должна подчеркнуть это обстоятельство. Правительство, которому Госуд. дума... [33]), не дает и тени перемены. Поступок этот соответствовал бы заявлению «Колокола». («Неужели достаточно, что Штюрмер ушел»?) Даже для каждого реакционера понятно, что другого выхода нет, кроме откровенного признания министерства, которое могло бы работать вместе с Думой. Надо итти по тому же пути, особенно если оправдаются опасения, что на портфель министра внутр. дел — Макаров, Крашенинников, Крыжановский.

Стахович. — Меня явно не поняли. Я не мог предлагать Думе выражать удовлетворение. Что отставка Штюрмера — победа Думы, вы читали указ об увольнении—во внимание к полезной деятельности. — «Заставляют увольнять». Ни одной Думе этого не удалось. Надо это закрепить. Забота сохранить Думу — на вас, забота распустить — у ваших врагов. Если Дума говорит, что она с этим правительством не работает, а требует капитуляции, то остается попробовать ее распустить. Захочет ли страна поднимать теперь этот спор? Я бы не благодарил тех, которые бы довели до того, что этот спор стал бы необходимым — чем мы рискуем? У блока трудный выбор. Если блок сыграет роль Румынии? А если блок проведет до конца, есть прецедент. Не в отвлеченных словах, а тактикой заседаний, не обостряя вопроса, стоя на твердом базисе выигранной правды, исходя из соображения, что Думу надо сохранить, что она нужна, чтобы работать, что есть большая опасность со стороны сил, которым удобнее распустить Думу.

Шульгин. — Важно различать две задачи. Образование правительства, между собой достаточно сцепленного и такого, чтобы оно и к нам было обращено положительной стороной. Эти две задачи могут не сов-

падать. Положим, к нам явятся 11 Штюрмеров и согласятся на нашу программу. В каком мы дурацком положении? Ведь именно негодяям легко принять какую угодно программу. Должен быть дельный и с нами согласный Совет министров. Второе зависит от первого. Несогласен с Годневым, что получится ноль. Нет. Назначен не предатель, не распутинец, не взяточник, человек к делу способный, кое-что сделал в министерстве путей сообщения, ничего вначале не понимал. Нуля не выходит, а некоторая величина. Далее: Риттих — человек дельный. На этой комбинации тоже кое-что заработали. Остальной совет: 1) Игнатьев, Григорович, Покровский — приличные. 2) Барк, Шаховской, Шуваев — под знаком вопроса. 3) Мрачные личности: Протопопов, Рейн, Раев; Макаров — у меня пропал. (*Маклаков*: Сомнительный. *Шингарев*: В третью группу). Получается 5. Добиваться нашей цели, чтобы весь Совет министров был артелью дружной и дельной, — если извлечем в сверхсметном порядке Протопопова, а потом Рейна и Раева, то мы сделали бы некоторое дело. Повторяя, что поддерживаем требование в полном объеме, и доказывая это красноречиво, теоретически и как угодно, поддерживая, что должны итти в полном согласии, мы практически должны разрешать задачу по частям.

Шингарев. — Трудность положения — в неопределенности. Настроение страны ценно, и без него и речи звучали бы иначе. Важно знать, что Дума со страной не разошлась, но ведь в этом и сила. Дума кристаллизовала мысль страны. Согласен, что победа над Штюрмером — все же победа и указ — красноречив. Полной победы нет, и единству настроения начинает грозить опасность. Астров говорит: не дезорганизуйте настроения. Важно, чтобы позиция блока была правильно понята, как неизбежное изменение тактики в зависимости от новых обстоятельств. Но мы не всегда имеем в стране и в Думе одинаковое понимание. «Вы — изменники». Сила блокового удара будет слабее. Осознать эту опасность — нужно.

Я. — Я добивался снисхождения к своеобразию нашей тактики. Но в предположении, что цели остаются одни. Шульгин меняет цели и рассуждает, точно ничего особенного не случилось. Но 1 ноября — эра. — Впечатление рабочих — руководящая роль Думы.

Челноков. — Чтобы достигнуть единства настроения Думы и страны, нужно, чтобы при встрече с новым министерством высказать те условия, которые неизбежны и необходимы. Нужно, чтобы страна знала, что необходимо сделать все для организации победы и что это возможно при правительстве, которое готово работать с Думой, и чтобы не влияли посторонние элементы, безответственные. «Измена» не искоренена. — Опасно итти для дела обороны другой дорогой, чем страна. Важно, чтобы Дума знала, что это правительство не то, которого желаем. Тогда и на съездах настроение не разойдется. Положение сейчас обязывает выставить неотложные и серьезные требования, чтобы речи не были декоративными. Хотя бы в умеренной форме, это надо сказать, чтобы они не думали, что поймали вас некоторыми уступками.

Н. Н. Кутлер. — Давно устранился и неясно понимает, что здесь происходит. Не сказано главное слово: борьба в такие трагические моменты объясняется тем, что Штюрмер ведет к поражению. А заменившее его правительство, состоящее на $^1/_3$ из приличных, на $^1/_3$ глупых, на $^1/_3$ никуда негодных людей, что оно — приведет к победе?

Об отказе от борьбы с этим правительством не может быть и речи. Настроение упадет, и Думу не поймут, если она откажется.

Д. М. Щепкин. — Может быть два пути: или выяснять положение для страны и делать вид... [34])

Газетная информация не всегда может оценить правильно: нужно установить осведомление. Что-то б о л ь ш е надо сделать, чем до сих пор. Меня бы не страшили съезды земский и городской: если бы намечалось расхождение понимания тактики, то эти съезды могли бы быть использованы в этом направлении. Нужно считаться с такими непониманиями даже в ближайшем времени, потому что им не будут понятны формы борьбы. П е р в ы й д е н ь должен будет проведен я с н о, что н е т о т к а з а от позиции.

Шидловский. — В начале ноября произошло сближение настроения Думы и страны. Что произошло? Декларации и речи, иллюстрировавшие ее. Мы остались при прежних требованиях: н о в о т о л ь к о провозглашение н о в ы х с п о с о б о в б о р ь б ы. Принципы остаются незыблемы, и разногласия с общественными организациями не существует. Думал ли кто-нибудь, что все это произведет полное крушение системы? Нет. Мы стали на путь б о р ь б ы д л я щ е й с я. Раз никто не становился на точку зрения блестящего штурма, это — борьба длящаяся. Не боюсь расхождения на лозунгах. Боюсь разногласия относительно ф о р м б о р ь б ы: не пустить министров, выйти и т. д. Общественные организации окажут большую услугу, если не будут требовать применения форм, которые и з д а л и кажутся н а и б о л е е д е й с т в и т е л ь н ы м и. Правительство думает, что мы д е л а е м революцию, а мы ее предупреждаем. Диктовать приемы борьбы нельзя, не зная обстановки. Раз за истекший год мы не сошли с позиций, а у с и л и л и, мы будем стоять на них до п о л н о г о у д о в л е т в о р е н и я, которое требует длительной борьбы, ибо ш т у р м о м ничего не достигнем. Иначе мы будем не решающей силой, а о д н и м из факторов: другим будет улица. Мы н е и д е м н а в ы з о в м а с с.

Всякая критика ослабляет Думу. Очень желал бы, чтобы из-за вопросов тактических не было бы разногласий. Сила Думы страшно преувеличена. Надо нам дать простор в выборе способов.

Шебеко. — Это победа только потому, что теперь война. Иначе Дума была бы распущена. Странное положение победителя, у которого выбито главное оружие: право п е ч а т а т ь р е ч и. Это первое, на чем надо настаивать. Еще ни разу не было такого случая, чтобы речи, процензурованные председателем... [35]).

Хрущов. — Здесь раздается нотка, что дальнейшая тактика блока не удовлетворит ожиданиям. Мы в союзах тоже являемся сдерживающим центром относительно больших собраний. Но мы не можем создавать в стране настроения, которые существуют в блоке. С этими настроениями надо считаться. Союзы не представляют политических партий. Нас удовлетворяет декларация блока. Теперь время создания прогрессивных групп. Мы — одинаковая прогрессивная группа с вами: вы должны опираться на нас. Возможен роспуск и проверка путем выборов. Выборы должны быть на той же декларации, и ячейки, базирующиеся на союзах, должны оказать содействие. Выберите лиц, с которыми мы могли бы сноситься.

Стемпковский. — Вы очень ошибаетесь насчет выборов: есть одно сословие, которое не дало ничего на войну: духовенство.

Шидловский. — Мы легче шли бы на роспуск, если бы не война и могли

бы быть выборы. С точки зрения обороны наличность нас есть плюс.

Челноков. — Разговор Шаховского: знаем декларацию, распустим Думу, и это встретит наилучший прием в стране. Необходимо, чтобы заявление было ясное.

Кишкин. — Роспуск Думы в такой момент был бы великим несчастьем для страны. Но это не зависит от блока.

Шидловский. — Да, но нельзя форсировать.

Кишкин. — Мы будем делать все для сохранения единства. Делайте и вы то же.

Меллер. — Констатирует удовольствие от совместного обсуждения.

Блок. 18 ноября 1916 г.

В. Н. Львов. — История учреждения должности (Жевахов). Приходит ко мне Волжин [36]) и спрашивает: «Кто Жевахов?» [37]). *Я.* — «Форменный кретин». — Волжин. — «Государь желает его назначения. Я поскорее назначил Зайончковского, а Жевахову предложил какую-нибудь должность по ведомству православного исповедания». — Жевахов приходит к Волжину. — Волжин предлагает ему по перечню выбрать, во исполнение высочайшего повеления. Жевахов: ни одно не подходит. Мало жалованье. Называет цифру. Волжин: такого места нет, придется создать новое. Затем доклад в Царском Селе. Государь: «Учредите вторую должность тов. прокурора с таким окладом». Волжин: «Я и приехал за советом. Если внесу в Госуд. думу?» Львов: — «Провалим». Волжин: «А по 87-й статье?» Львов: «Тоже провалим». Он уехал и больше не являлся. У себя в имении я прочел, что должность учреждена постановлением Совета министров, с жалованьем из специальных средств. Я обещал устроить скандал. Жевахов побежал к Волжину: «Дайте мне штатную должность». Тогда поместили его на место Зайончковского. Он назначен в августе, а должность опубликована 4 ноября.

Годнев. — Рассказывает свой разговор с Жеваховым в собрании докладчиков.

Шидловский. — Точно из путешествия Гулливера. Страна... [38]).

Я. — Даны сведения о Трепове и Шуваеве. Наша позиция старая. Формула перехода, заимствованная из декларации. Настроение армии.

Савич. — О Шуваеве и Григоровиче верно, но второй поддержки Думы не получит. Антиштюрмеровская партия будет нейтральна. В армии положение затруднительно и ждут всего от Думы. «Мы перед самыми тяжелыми минутами испытания», говорит мой авторитет. Надежды на Думу — не с точки зрения борьбы, а с точки зрения практической: одна надежда, что Дума уберет Протопопова. Очень остры там материальные вопросы. Благоприятное положение приписывается Думе. Теперь надеются, что мы и тут что-нибудь сделаем. Находили, что нам нельзя ограничиваться декларациями, но надо и реально приступить. Трепов уходить в отставку не желает. Срезать Протопопова не удалось. Вопрос о Протопопове не решен. В министерстве внутренних дел находятся в состоянии волнения. Наша линия поведения затруднительна. Если бы Протопопов — премьер, это очень повысило бы температуру. Если Трепов явится, подчеркнуть, что это не наш герой, что происшедшее есть частичная перемена и оттяжка. Опрокинуть ушат на Протопопова: как он попал в министры и чем держится. Инцидент с ..... [39]) — иллюстрация, что нельзя иметь дезорганизованного мини-

стерства. Отсюда вывод, что нужно сделать нечто коренное. В формуле перехода ограничиться указанием, что надо, наконец, произвести более определенные решения для о д н о р о д н о г о министерства. Это указано в декларации. Повторять подробности не следует — повторить, что мы стоим на точке зрения и все происшедшее показывает правильность нашей позиции. Первое требование — однородность.

Стемпковский. — Если Трепов предложит работать с Думой, то надо указать, что с таким министерством нельзя работать.

Гр. Бобринский. — Формула перехода: к чести Трепова, надо констатировать, что он не может работать в министерстве внутренних дел.

Я. — Возражаю против всякой неопределенности.

В. Н. Львов. — Меня более всего поражают реальные результаты разрушения. Я помирился бы со всяким правительством, которое бы вывело из продовольственного кризиса. Но убежден, что э т о правительство с продовольственным кризисом не справится. Мы идем путем государственного социализма. Твердые цены должны быть направлены на все товары. Через 20 дней — Самара без хлеба. В Тамбове нет дров, а близлежащие места наполнены дровами: крестьяне за 30 верст перевозки берут 90 руб. за куб. Из-под руки можете достать за 170 руб. пуд, а твердая цена 2 р. 10 к. Я — глубокий защитник крестьян: зачем они продадут дешево хлеб, когда не могут получить сахар, ситец и т. д.? Может ли нынешнее правительство справиться при этом пути государственного социализма? Нужно авторитетное, крайне популярное и с огромной властью правительство. Просто «однородное» не справится.

Шингарев. — Продовольственный кризис вызвал бы волнение по городам. Но надвигается другое: в войсках уменьшили рацион хлеба; на них надвигается голод. Обеспечить войска хлебом, фуражом и т. д. —задача сложная. Каждый день кризиса опасен. Фронт снабжал Москву и Петроград мукой. Борьба не из-за правого и левого министерства: мы всем верили, лишь бы победить немца. И теперь уже страшная ошибка сказать, что только «однородное». Все три признания. Мы бы сами под собой вырыли яму, если бы подкопали доверие армии и страны,—единственно организующий пункт. На нас смотрит теперь буквально вся Россия. Даже неудачной редакцией внесем сомнение в страну. Заявить: то, что мы видим, не то, что мы хотим, а хотели бы мы вот чего. Мы на месте и с него не сойдем.

Ратьков-Рожнов. — Шингарев прав, что мы — удерживающий центр. Но недостаточно подтвердить, а надо сказать, что если нам дадут работать, то... [40])

Шингарев. — Я опустил вторую часть: конечно, работать для армии и по продовольственному вопросу.

Ратьков. — Соглашается.

Родзянко. — В 1 час $^3/_4$ был принят, задушевный разговор, несмотря на мои резкости. Доклад о происшедшем прочел (читает). «Ваше императорское величество, следуя вашим указаниям и ограничивая доклад Госуд. думой» (вы помните), докладывал, что прием в данный момент упростил задачу. — «Отставка Штюрмера вызвала чувство радости и благодарности». Стенограмма... (это будет роздано)... Государь выслушал с большим волнением: курил и бросал курить... «Ваше величество, позвольте вручить как доказательство, что здесь выражено общее настроение, хотя многое смягчено. Каждый должен положить жизнь. Я должен доложить правду...» (Помолчал). «Ну, хорошо, говорите правду». Я прочел ему в подлиннике обращение общественных организаций, 28 председателей. «Когда з е м л я

начинает шевелиться — положение критическое. — Заявление рабочих, воззвание по поводу забастовок — сразу остановились забастовки: сейчас все одушевлены победой». — «Да, это меня радует, делает вам честь». — «Насколько опасно не обращать внимания на это настроение и оставлять лиц, которые возбуждают ненависть (повальная ненависть всей ставки, начиная с Гурко) к А. Д. Протопопову». — Сказал, что он болен — даже больше сказал, не хочется повторять. — «В чем опасность?» — «В том, в чем я давно предупреждал: не было доклада, где бы я не касался окружения престола: не выбьете из головы, что Распутин, купленный человек, имеет большое влияние — императрица...» [41]) — «Что же, я первый изменник?» (рассердился)... Я протестую: «Разве может помазанник...» — «Ну, хорошо, садитесь, успокойтесь». Может вызвать чувство ненависти. Я рассказал визит Питирима ко мне. «При этих условиях производит впечатление, точно Дума не хочет работать. Но с ними нельзя работать, потому что со всех сторон мы слышим, что правительство убеждает ваше величество в необходимости роспуска». — «Я в первый раз слышу от вас». — «Тогда ваши министры — предатели, потому что они нас пугают, что ваше величество хотите распустить, а роспуск — угроза вам и династии». — «Я это отлично понимаю и намерения распускать не имею. Я преподал указания Трепову, он — мне читал, и я одобрил». — «Ваше величество, я не вправе просить ваше величество разрешить мне сказать с кафедры, но можно ли передать друзьям?» — «Можете передать, что я очень желаю, чтобы Дума работала вместе с правительством». Прошу преподания точных указаний, чтобы оно работало с Думой и считалось с ее мнениями — 87-я статья и дело Рейна. (Был просто разговор, очень резкий и мучительный для обеих сторон, я все сказал). — «Если закон будет отклонен, Рейн на воздухе останется?» — «Ваши министры скажут, что это вопреки вам». — «Тут правительство не причем: это моя мысль». (Императрица, через Распутина). «Мне казалось, что после войны явится необходимость ликвидировать массу санитарных организаций. Депутат никуда не годится». — «Тут спешности не было? Законопроект не вносится». — «Почему?» — «Они хотят жить временно» (объяснил, в чем дело: царь улыбнулся). «Приятно мне не будет, но жаловаться на площади не буду». — «Ваши министры прячутся за вас, и выходит, что Госуд. дума нападает на вас. Вы награждаете и подчеркиваете доброкачественность («обер-камергер»), таким образом получается ваша вина». — Никакого упрека на наши речи, никакой обиды на наше заседание. — «Только в том случае, если власть честная...» — «Я очень желал бы, чтобы ...[42]) работал с Госуд. думой, которому...». О продовольствии он сказал: «Это остается в ведении министерства земледелия. Дума будет довольна». — Я ответил: «Р. довольно популярен». — «У меня были дипломаты, — я сказал, чтобы не было кривотолков». — «Работы Госуд. думы: 87-я статья — добрую половину похерим».

Когда я все кончил (часа $1^1/_2$): «Вашей резолюцией я поставлен в трудное положение». Показал ему пакет. — «Что же вы сделали?» — «Я 2 дня ждал, потому написал письмо». — «Что он вам ответил?» — «Вот что». «В чем недоразумение?» — «Вы ограничили право моего доклада сессией. Вы меня избаловали за 5 лет приемами». — Прочел, посмотрел: «Ну, знаете, пусть будет по-старому. Давайте разорву». — «Нет, оставьте на память, что вы это сказали». Выступление Шуваева на собственный страх, помимо ставки («ведомства отложились») и Совета министров. Но Шуваев поехал в ставку и был, как и Григорович [43]), одобрен и принят чрез-

вычайно любезно. Доложил подлинное дело о телеграмме Жоффру. — «Вы совершенно правы». «Тогда я должен бить челом на вел. кн. Александра Михайловича. Председатель Думы мог быть несдержанным человеком и с ноября рассказать многое нежелательное».

К Алексееву, после его письма об «овцах», не пошел, но дважды был приглашен, — я пошел. «Михаил Владимирович, одно передам вам для передачи товарищам. Берегите во что бы то ни стало Думу. Без Думы армии воевать нельзя. Если бы даже пришлось перенести унижение, помните, что в окопах не лучше». — Пошел к Гурко [44]). Произвел очень хорошее впечатление. Очень спокоен, умен, знающий. — Отлично отдает себе отчет о внутреннем положении. Негодует на Протопопова. Распускать Думу нельзя. Сообщил тяжелые известия: озабочены позицией Румынии, боятся, что румыны повернут пушки на нас. «Тогда Бессарабия беззащитна, и может создаться невыносимое положение. Ожидали вчера взятия Бухареста. Левый фланг в крайне тяжелом положении может быть. — Самое тяжелое стратегическое положение. Спокойствие тыла — потребность. Напрасна иллюзия, что в армии годовой запас. Муки на 12 дней, сала на 3 дня, фуража почти нет, крупы много и сахара, тоже и мяса. Ваша задача — мы все сочувствуем вашим речам, валите Протопопова, но решайте скорее продовольственный вопрос». Пришел ген. Егоров [?], говорил то же самое. Не везут муки из тыла, никто не продает, поезда приходят пустые. Пришел Паукер. Заявил при Глинке, что транспорт совершенно расстроен переброскими с фронта на фронт. Заминки вследствие необходимости перетаскивать с запада на юг и с юга на запад. Алексеев отказывал в объединении фронтов. С Гуркой будет легче. «Прогоню всех...[45])». — Говорят: «штатский». «Да дайте им генеральские чины». М о й л и ч н ы й в ы в о д: государь принял без злобы и доверчиво. Не он виноват. Тревожное положение дает право просить сократить прения и приняться за продовольственный вопрос. Мы должны спасать армию, и чорт с ним, с Протопоповым. Трепов желает работать, не надо рукоплескать, но отделить его от Протопопова — надлежит. Вся надежда армии на Думу: вы сделали со снарядами, сделайте с хлебом, мукой, провиантом.

Шаховской. — 200 миллионов куплено, 30 миллионов доставлено, 19 миллионов за эту неделю. Министерство считает, что покупки — лучше. Но тогда 600 миллионов, а теперь больше миллиарда. Государь очень подался физически и — не впопад [?], но очень взволнован.

(*Родзянко* уходит. Заседание продолжается).

Шидловский. — Трепов прочтет декларацию. Вечером будет известно ее содержание.

Стемпковский. — Мы можем отсрочить прения, пока не сговоримся в блоке.

Шингарев. — Отложить резолюцию — формулу перехода.

Шидловский. — Если даже заключим, что скажем что-нибудь сообща, то формулу. А прения можно начать.

Шульгин. — Не знаю, какова будет декларация и как реагировать. (*Я*: Знаем ли вообще?).

Шидловский. — В декларации будут хорошие слова, которые не меняют дела.

Шульгин. — Чтобы ответить, знаем ли мы вообще, надо знать, чего мы не знаем. Ждут продовольствия, как снарядов. Если мы верим, что можем, то одно. Но мы переругаемся на продовольствии — и моя мысль двоится. Если мы на себя надеемся, то после очередной ектении и формулы (повто-

рив... [46]) перешли бы к работе. Если же не считаем себя способными перейти, то надо поставить вопрос ребром и требовать, во что бы то ни стало, сформирования правительства.

Шингарев. — Дума не правительство, закупать муку не может. Тогда был поставлен Поливанов: снаряды появились. А теперь? Если в правительстве будет кавардак? Дума исполнительным органом быть не может. У Протопопова огромная власть в руках. А Бобринский сгубил дело продовольствия. Что же вы делаете? Нам нужна полная информация — и план правительства, его критиковать, требовать исполнения. Если бы Дума должна была выработать план, я бы взялся. Но работу информации и критики можно начать — трудность только решить: будем отстаивать или херить путь государственного социализма? Тут можем рассориться. Правительства не получим желательного. Вести борьбу можно только в плоскости неспособности правительства. В бюджетной комиссии мы создали прецедент. Если эти резолюции примет Дума, то главное дело мы сделаем.

Гр. Бобринский. — У нас есть контрольная власть, и мы должны спросить правительство, кризис или катастрофа.

В. Львов. — Сообщение Родзянко меня повергло в еще более серьезное настроение. Я не знал, что у нас расстроено снабжение фронта. Правительство должно уступить Думе под давлением тяжелых условий фронта. Оно пойдет на многое. Мы не должны увлекаться и бороться ради борьбы, а для пользы родины. Для меня совершенно ясно, что все любезности — пустые слова. Тогда мы занялись организацией власти. И теперь та же задача: надо указать правительству, что они — справиться, а мы помочь — не можем. За нами армия, и наше слово будет очень веским. Если правительство не захочет идти этим путем — программы продовольствия нет, но надо обсудить организацию власти по продовольственному вопросу. Общественная диктатура: дайте нам, по крайней мере, это. Действительное «министерство снабжения» с лицом, которому мы доверяем. Иначе нам поставят того же Протопопова. Совещание, очевидно, сыграло роль недостаточно. Идет борьба между ведомствами.

Стемпковский. — Пока вы сами не знаете, что делать, никто не будет знать. Надо выдвинуть положение, что твердые цены необходимы. Но одни твердые цены недостаточны. Нужно итти до реквизиции с разверсткой. Пресса должна помочь. Она раздражит деревню. Промышленность грабит больше всего, но на нее не было нападок, как на «аграриев». Твердые цены для предметов деревенского спроса — журавль в небе. Не ругать деревню. П. Н. прав, что нельзя колебать твердых цен, но неправ, что на муку поколебали. Сделали путаницу. Надо указать на несогласованность цен и продолжать дело дальше.

Я. — А. П. и В. Н. сходятся в формулировке.

Ростовцев. — Положение Думы крепкое. Нельзя распускать, когда в армии плохо и Бессарабия под ударом. Штюрмера свалили, Протопопова можем ругать, сколько угодно, но о продовольствии надо говорить. Нужно лицо, которое бы управляло продовольствием, в контакте с Гос. думой. Способен ли Риттих? (*Шингарев*: Я сомневаюсь). Надо повторить, что это не дело министерства внутренних дел, а земледелия. Выудить от них. Против твердых цен вообще никто не возражает. (*Бобринский*: Савенко, он произнесет речь). Нужна разверстка. Твердые цены требуют поправок. Кто будет исполнять и кто при нем будет?

Половцов. — Для меня изменилось весьма многое. Если посвятим 5-6 дней потоку красноречия, то Дума не исполнит того, что должна. Дума должна вызвать Риттиха и спросить: как вы дошли до того, что фураж на 3 дня? Ровно ничего не поправим и в совещаниях. Что мы сами намерены сделать? Работать в комиссиях должны. Бойкотировать правительство не можем. Повторить, что мы «боремся с властью», как хочет П. Н., нельзя. (*Шингарев*: Тогда вы и дождетесь, что немцы придут). То, что приемлемо у к.-д., не будет приемлемо начиная от центра и направо, пока мы не услышим, что скажет Трепов. Следовало бы его выслушать. Не выслушаем правого и среднего крыла, примем крайнее решение, и он уйдет с аплодисментами. У нас осталось чувство горечи от его приема в военной комиссии. А. И. его пригласил, а мы два часа обсуждали, принимать ли. Я боюсь, что у некоторых — чувство, «что мы неправы, теперь отнесемся мягче». Надо сговориться провести день так, чтобы не было истолковано как прямой поворот. В блоке есть известная трещина. Следует блок скреплять — это возможно, если блок пойдет с р е д н и м п у т е м. «Речи трафаретные, давно всем известные, надоевшие». В Думе есть течение: Штюрмера, слава богу, свалили. Армия благодарна, но надо упорядочить тыл. П р е к р а т и т е временно вашу борьбу и д а й т е н е ч т о р е а л ь н о е.

Шидловский. — Я не слышал предложения бойкота или отказа от работы. Говорили лишь, что дезорганизация правительства нам не дает возможности работать.

Стемпковский. — Вы забываете, что Родзянко говорил о Протопопове. Если мы скажем, что все хорошо, и перейдем к работе по продовольствию, нас и армия не поймет. Никто не предполагал прекратить работы, пока уйдет Протопопов.

Я. — В словах И. Ф. вижу остатки прежних недоразумений.

Ратьков-Рожнов. — До прихода Родзянко направление желаний сошлось. Если делать декларацию, то нужен упор на продовольственном вопросе. Почему же явились недоразумения?

Бобринский. — Ни у кого не было намерения проводить политику .....[47]). Мы на воскресенье решили вызвать Риттиха. Стремясь к работе, на Протопопова надо нападать: он м е ш а е т делу продовольствия. Бобринскому все время приходилось отбиваться от Протопопова. И он деморализует страну. Курлов — убийца Столыпина — во главе департамента полиции. Без посторонних влияний на государя Протопопов был бы отставлен.

(*Окончание следует*).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Протопопов А. Д., бывший тов. председателя Госуд. думы, член фракции земцев-октябристов, член прогрессивного блока. Вскоре после своего возвращения из-за границы в 1916 г., куда он ездил как председатель «парламентской» делегации, Протопопов был назначен сначала управляющим мин. вн. дел (18 сентября 1916 г.), а в декабре того же года был утвержден в должности министра вн. дел и главноначальствующего отд. корпуса жандармов.

[2]) Закон об учреждении Главного управления здравоохранения на правах отдельного министерства был проведен правительством в 1916 г. в порядке 87-й ст. между сессиями Госуд. думы. Госуд. совет, несмотря на отказ Совета министров санкционировать издание этого закона по 87-й ст. (журнал Совета министров от 10 ноября 1915 г.), самостоятельно представил царю доклад, на котором Николай Романов положил резолюцию: «Внести в порядке ст. 87-й после первой думской сессии» (т. е. после 20 июня 1916 г.). Совет министров 23 августа 1916 г. большинством голосов снова

отклонил возможность использования в данном случае 87-й ст., но затем 31 августа, после резолюции царя: «Настаиваю на точном исполнении моей воли», доклад был принят. Таким образом перед Думой к моменту открытия ее занятий—1 ноября 1916 г.—появилось новое министерство с годовым расходом в 9 миллионов рублей.

Созданием этого министерства совершенно устранялись от руководства врачебно-санитарным делом Земский и Городской союзы. Комиссия народного здравия Госуд. думы, куда поступил соответствующий законопроект, приняла резолюцию, отклонявшую законопроект, как не вызванный чрезвычайными обстоятельствами. После этого главноуправляющий Рейн взял законопроект обратно, и, несмотря на то, что самый факт взятия законопроекта обратно уничтожал существование и прекращал деятельность всего министерства, последнее продолжало функционировать.

[3]) За 2 года войны состав Совета министров менялся несколько раз. Представление об этом дают следующие данные: на посту председателя Совета министров были — Горемыкин И. Л. (1914—1915 гг.), Штюрмер Б. В. (1916 г.), Трепов А. Ф. (ноябрь—декабрь 1916 г.), Голицын Н. Д. (январь—февраль 1917 г.); министрами вн. дел были—Маклаков Н. А., Щербатов Н. Б., Хвостов А. Н., Штюрмер Б. В., Хвостов А. А., Протопопов А. Д.; военными министрами — Сухомлинов В. А., Поливанов А. А., Шуваев Д. С.; министрами земледелия — Кривошеин А. В., Наумов А. Н., Бобринский А. А., Риттих А. А.; министрами иностр. дел — Сазонов С. Д., Штюрмер Б. В., Покровский Н. Н.; министрами юстиции — Щегловитов И. Г., Хвостов А. А., Макаров А. А.; обер-прокурорами синода — Саблер В. К., Самарин А. Ф., Волжин А. Н., Раев Н. П.

[4]) Из журнала соединенного заседания Совета министров и Комитета финансов 27 июля 1916 г.: «В соединенном заседании Совета министров и Комитета финансов 27 июля 1916 года министр финансов сообщил о результатах своих переговоров с великобританским и французским правительствами относительно заключения нового финансового договора. По удостоверению тайного советника Барка, достижение соответствующего соглашения с Францией не представило никаких затруднений, и со стороны французского правительства не встретилось возражений против продления прежнего договора на новый срок. С несравненно бо́льшими трудностями пришлось встретиться при переговорах с великобританским правительством. Так, прежде всего, это последнее решительно отказалось связать себя соглашением на сколько-нибудь продолжительный период времени, и лишь путем упорных настояний удалось первоначально намеченный английским финансовым ведомством предельный срок договора с 1 января 1917 года отдалить до 1 апреля наступающего года и таким образом достигнуть финансового соглашения на полугодовой период. Втечение этих шести месяцев великобританское правительство обязуется отпускать нам по 25 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно, — всего, следовательно, 150 миллионов фунтов, — предоставляя некоторые существенные для нас, по сравнению с условиями предшествующего договора, преимущества, и, между прочим, передает нам известное количество тяжелой артиллерии с материальною частью. Наряду с этим однако английское правительство настоятельно требует отпуска нами, хотя и на ссудных основаниях, золота в размере 40 миллионов фунтов стерлингов. Это условие министр финансов склонен считать чрезмерно для нас отяготительным и угрожающим устойчивости нашего денежного обращения. Поэтому тайный советник Барк выразил согласие на отпуск всего лишь 20 миллионов фунтов, притом только при наступлении безусловной в них для английского казначейства потребности. Таковое разномыслие до сего времени и остается неустраненным.

Подробно ознакомившись с намеченными условиями финансового соглашения и выслушав заключения помощника военного министра, генерала от инфантерии Фролова, и начальника генерального штаба, генерала от инфантерии Беляева, о степени обеспеченности ими наших военных заказов, соединенное присутствие Совета министров и Комитета финансов признало такие условия, в существе, для нас приемлемыми. Что же касается вызвавшего разномыслия между российским министром финансов и великобританским правительством вопроса о выпуске золота, то присутствие, отметив крайнюю опасность для устойчивости нашего денежного обращения всякого ослабления золотой наличности Государственного банка и необеспеченность обратного получения выпущенного, хотя бы на ссудных основаниях, золота, полагало предоставить министру финансов, при ведении дальнейших переговоров, всемерно настаивать на заявленной им точке зрения о неприемлемости для нас выпуска свыше 20 миллионов фунтов стерлингов золотом» (Особый отдел ЦИА, ф. XXV, д. № 60).

[5]) Трепов А. Ф., сенатор, член Госуд. совета (правая группа), в 1915 г. был назначен управляющим мин. путей сообщения; после увольнения Штюрмера Трепов с 19 ноября по 27 декабря 1916 г. был председателем Совета министров.

[6]) Бобринский А. А., гр., сенатор, член Госуд. совета, руководитель группы правых в Совете; активнейший член Совета объединенного дворянства, 25 марта 1916 г. был назначен тов. министра вн. дел, а с 21 июля по 14 ноября 1916 г. был министром земледелия.

[7]) Кривошеин А. В., ст.-секретарь, член Госуд. совета, главноуправляющий землеустройства и земледелия с 1908 г. по 26 октября 1915 г.

[8]) Волконский В. М., князь, гласный Шацкого уездного и Тамбовского губ. земского собрания; с 1897 по 1915 г. шацкий уездный предводитель дворянства, член III и IV Госуд. думы, входил сначала во фракцию националистов, а затем перешел в группу беспартийных правых; втечение 6 лет был тов. председателя Госуд. думы; 27 июля 1915 г. был назначен товарищем мин. вн. дел по департаменту общих дел и ушел в отставку с этой должности 3 января 1917 г.

[9]) Начала приводимой ниже записи в бумагах Милюкова не сохранилось; поэтому документ, ориентировочно, на основании наличия вопросов, которые обсуждались в этом заседании, помещен между записями заседаний 3 и 13 октября 1916 г. Заседание, к которому относится данная запись, затронуло лишь вопрос о программе дальнейших работ блока до открытия и после открытия Думы, не останавливаясь пока ни на одном конкретном вопросе.

[10]) 25 июня 1915 г. Николаем Романовым был подписан указ о привлечении на тыловые работы «мужского инородческого населения от 19 до 40 лет включительно». До этого времени правительство, из боязни перед возможностью иметь против себя вооруженных «туземцев», заменяло им призыв в армию налогом. Согласно указу предполагалось в Туркестане и Киргизской степи набрать около 200 тысяч человек. Указ вызвал среди населения этих колоний сильнейшее возбуждение. При исключительной эксплоатации, проводившейся здесь царским правительством, «высочайшее повеление» послужило толчком к всеобщему восстанию. Последнее охватило район от Красноводска до Бийского уезда, т. е. нынешние Туркменскую и Узбекскую ССР, Казакстан и часть Сибири. Начавшись в июле 1916 г., восстание продолжалось с небольшими перерывами вплоть до Февральской революции. На подавление восстания были брошены крупные воинские силы, во главе с ген. Куропаткиным. В результате — десятки тысяч населения колоний погибли в восстании, десятки тысяч были арестованы, а часть убежала в Китай. Русская буржуазия, все время настаивавшая на привлечении населения окраин к военной службе и увидавшая в действиях правительства лишь неумение справиться с порученным делом, решила поставить в Думе «туркестанский запрос».

[11]) 87-я ст. основных госуд. законов говорила следующее: «Во время прекращения занятий Госуд. думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта однако не может вносить изменений ни в основные государственные законы, ни в учреждения Госуд. совета или Госуд. думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Госуд. думу втечение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Госуд. дума или Госуд. совет». (Свод законов изд. 1912 г., т. I—III, разд. 1-й, глава IX, стр. 6-7). Пользуясь этой статьей, правительство за время войны при одном лишь председателе Совета министров Горемыкине (13 января 1914 г.—20 января 1916 г.) провело 384 мероприятия, в то время как Дума работала втечение этого периода только 47 дней. То же было при Штюрмере и Трепове.

[12]) См. «Красный архив», т. LII, стр. 195, прим. № 9.

[13]) Имеется ввиду роспуск премьер-министром Греции Скулудисом 11 ноября 1915 г. либеральной палаты и назначение новых выборов. Указанная мера была направлена против той части греческой буржуазии, которая возглавлялась Венизелосом и требовала присоединения к Антанте. Встречая противодействие своей политике нейтралитета, правительство Займиса — Скулудиса, представлявшее незаинтересованных в вовлечении в войну биржевиков, владельцев морского транспорта и т. п., несмотря на прямые угрозы и интервенцию Антанты, пошло на разгон палаты.

[14]) Неверов А. Н., сенатор, 26 августа 1915 г. был назначен волынским ген.-губернатором, 30 октября того же года — управляющим зем. отд. министерства внутр. дел, а в 1916 г. — товарищем мин. земледелия.

[15]) В подлиннике фраза не окончена.

[16]) Среди разрозненных бумаг Милюкова находится несколько проектов декларации, о которой идет речь на следующем заседании блока. Здесь приводится только три проекта; из них первый написан рукой Милюкова, которым сделаны на полях проекта разного рода пометки. Второй проект — машинописный текст с исправлениями

и дополнениями, писанными другой рукой. Третий проект представляет собой окончательную редакцию.

[17]) На полях рукой Милюкова после этих слов приписано: «Октябристы: «И не находя их, готовы верить самым ч у д о в и щ н ы м слухам. Такое состояние умов само по себе представляет величайшую опасность».

[18]) Далее в подлиннике приписка: «Решительно осуждая промедление в разрешении польского вопроса, Госуд. дума шлет польской нации в переживаемую ею тяжелую минуту свой братский привет и высказывает уверенность, что, только борясь в рядах союзников, польский народ может получить объединение и свободу».

[19]) На полях написано: «Отныне большинство Госуд. думы будет стремиться к достижению этой цели всеми доступными ему законными способами».

[20]) В подлиннике фраза не окончена.

[21]) Шуваев Д. С., с 1909 по 1916 г. стоял во главе главного интенд. управления. В 1915 г. был главным полевым интендантом, с 17 марта 1916 г. по 3 января 1917 г. — военный министр.

[22]) Покровский Н. Н., член Госуд. совета, принадлежавший к группе беспартийных. С 1915 г. состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части. С 21 января по 30 ноября 1916 г. — госуд. контролер, а с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г. — министр иностранных дел.

[23]) Игнатьев П. Н., гр., один из крупнейших землевладельцев и сахарозаводчиков. До войны был тов. главноуправляющего землеустройства и земледелия. С 9 января 1915 г. по 27 декабря 1916 г.—министр нар. просвещения.

[24]) Сергей Михайлович, в. кн. В 1904 г. был назначен инспектором, а в 1905 г. генерал-инспектором артиллерии. В 1915—1917 гг. находился при верховном главнокомандующем в должности полевого генерал-инспектора артиллерии.

[25]) См. «Буржуазия накануне Февральской революции», подгот. к печати Б. Б. Граве. Гиз, 1927, стр. 144 — 145.

[26]) Куломзин А. Н., член Госуд. совета (группа центра). В 1915—1916 гг. был председателем Госуд. совета.

[27]) В подлиннике нет окончания фразы.

[28]) Как русская, так и польская буржуазно-помещичья коалиция обвиняла Штюрмера в том, что последний в своих выступлениях в Госуд. думе не сказал ничего определенного о будущем устройстве Польши, в то время, как австрийское и германское правительства готовились издать акт об объединении и автономном устройстве поляков (6 ноября 1916 г. такой акт, действительно, был издан, правда, не в том виде, как о нем шли предварительные разговоры). В таком поведении правительства русская буржуазия и помещики видели угрозу потерять Польшу. Кроме того Штюрмеру ставилось в вину то, что он не дал движения запискам, представленным польским коло, не принял мер к задержанию и опровержению записки, составленной департаментом полиции с обвинением видных польских общественно-политических деятелей в австро-германской ориентации, и, наконец, был виновником посылки телеграммы Александры Федоровны к Николаю Романову 22 июля 1916 г. с просьбой задержать решение польского вопроса.

[29]) Буржуазно-помещичий блок в выступлениях своих руководителей 1 и 3 ноября и в своей декларации определенно заявил об отказе работать с правительством Штюрмера. В это же время — 6 ноября — председатель военно-морской комиссии Думы Шингарев дал согласие министру путей сообщения Трепову на его выступление в закрытом заседании комиссии. Последняя большинством голосов против с.-д., трудовиков и прогрессистов пошла за своим председателем, и таким образом позиция, первоначально занятая блоком, была разбита.

[30]) На обратной стороне приведенного здесь документа Милюков записал следующую свою речь о «больших и малых событиях»:

«С того времени, как мы здесь впервые беседовали при открытии Госуд. думы, произошли большие события. Я не называю большим событием замену Штюрмера Треповым и г. Протопоповым. Нет, гг., это — маленькое, очень маленькое событие. Это — новая пересадка музыкантов. А большое событие состояло вот в чем. По стране пробежала посланная отсюда электрическая искра. Под влиянием чувства смертельной опасности, на которую мы здесь указали, страна встрепенулась. Она давно знала негодность официальных вождей, но это знание создавало в ней лишь чувство уныния, близкого к отчаянию. В ней появилось то равнодушие и безразличие, которое мы признали здесь более опасным, чем недовольство. И вот это чувство сменилось чувством надежды. Узнав, что вы боретесь, что вы видите опасность, страна вдруг увидела исход. Своей мыслью, своей волей она стала вокруг вас. Это ничего, что глупая цензура оставила вместо наших речей одни пробелы. Страна чутьем уга-

дала их смысл, — ибо вы сказали то, что она думала. Скоро она получит их текст, а признание правительством их опасности для себя подчеркнуло их значительность и подчеркнуло интерес к ним. Словом, страна вновь готова признать в вас своих вождей и итти за вами, потому что она хочет итти, а не стоять на одном месте. Если бы теперь в рядах правительства нашлось понимание наступившего момента и умение использовать его, могли бы совершаться чудеса. Мы могли бы вернуться к энтузиазму первых дней войны».

[31]) На этом запись прерывается.

[32]) С осени 1916 г. начинается, после летнего затишья, сильный подъем революционного движения. В особенности этот рост достигает большой высоты в октябре, когда число бастовавших рабочих дошло до 187 тысяч. Стачечная борьба носила в это время ярко выраженный политический характер. Руководство движением находилось в руках большевиков; меньшевистские организации стояли в стороне. Петроградский комитет партии наладил настолько сильную организационную связь с рабочими массами и армией, что несмотря на обыски и аресты, произведенные департаментом полиции среди его членов летом и осенью этого года, влияние большевиков непрерывно усиливалось, и Петроградский комитет попрежнему стоял во главе движения.

[33]) Опущено неразборчиво написанное слово.

[34]) В подлиннике нет окончания фразы.

[35]) Тоже.

[36]) Волжин А. Н., член Госуд. совета, до войны был подольским предводителем дворянства, затем седлецким и холмским губернатором; 7 марта 1914 г. был назначен в министерство вн. дел по департаменту общих дел; 30 сентября 1915 г., после отставки Самарина, был назначен обер-прокурором синода; уволен 7 августа 1916 г.

[37]) Жевахов Н. В., князь, в 1915 г. был назначен пом. статс-секретаря Госуд. совета и членом Совета главного управления по делам печати; с августа 1916 г. — и. д. тов. обер-прокурора синода.

[38]) Опущено неразборчиво написанное слово.

[39]) Тоже.

[40]) В подлиннике фраза не окончена.

[41]) Пропуск в подлиннике.

[42]) Одно слово не разобрано.

[43]) Григорович И. К., член Госуд. совета, с 9 февраля 1909 г. товарищ морского министра, а с 19 марта 1911 г. по 29 декабря 1913 г. — морской министр.

[44]) Гурко В. И. (Ромейко-Гурко), ген.-лейт., во время войны командовал 5 армией, позднее, во время болезни Алексеева, исполнял обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего.

[45]) Опущено неразборчиво написанное слово.

[46]) Тоже.

[47]) Тоже.

Из записной книжки архивиста

Последние часы Временного правительства в 1917 г.

Последние дни и часы пребывания буржуазного Временного правительства у власти и арест его в Зимнем дворце имеют значительную литературу в виде мемуаров, статей и т. д. Тем не менее публикуемый ниже документ, несомненно, представляет исторический интерес. Документ принадлежит перу одного из злобных и злостных врагов пролетарской революции, б. тов. министра торговли и промышленности при Врем. правительстве П. И. Пальчинского, в Октябрьские дни — помощника петроградского «генерал-губернатора» Кишкина «по водворению порядка» в столице.

Документ представляет собой запись, которая относится к последним 36 часам (с вечера 24 октября до 3-4 часов ночи с 25 на 26 октября 1917 г.) пребывания Временного правительства в Зимнем дворце. Когда и где составлена эта запись, неизвестно. Возможно, что она сделана в Петропавловской крепости.

Содержание записей очень любопытно для характеристики деятельности вождей буржуазии в Октябрьские дни 1917 г.

Будучи сторонником «твердой власти» и «человеком дела», а не «теоретических споров, что губит революцию», Пальчинский в своих записях негодует на штаб округа и Врем. правительство, обнаружившие «явное колебание и боязнь комиссаров ЦИК»; он «разъясняет», что штабу округа бесцельно оглядываться на Зимний дворец, где отсиживается Врем. правительство, и безнадежно ждать директив от Керенского. Недвусмысленно настаивает Пальчинский на самой откровенной и грубой военной диктатуре.

Крайне сжатая запись дает однако выразительное полотно: Врем. правительство одиноко, беспомощно, беззащитно. Пальчинский вынужден признать что защитники Врем. правительства никуда не годятся: «растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров». На его горячие речи и призывы к исполнению долга — «молчание» или крик: «...Исполним» (без воодушевления и — не все)»... «школы не уходят, но волнуются, мнутся и почти ничего не делают».

На фоне общей растерянности и уныния один автор кажется преисполненным энергии и твердости. Он выступает несколько раз с речами к «защитникам» Врем. правительства — казакам и юнкерам, но ему не удается вдохнуть жизнь в обреченное на гибель дело.

Размах Октябрьского восстания опрокинул расчеты Пальчинского. Классовая слепота мешала ему понять, что дело Октября было делом миллионов трудящихся, что победа рабочего класса была обеспечена и что господству буржуазии пришел конец.

Подлинник публикуемого документа хранится в Центр. архиве Октябрьской революции (фонд № 3348, д. № 184, л.л. 1-2). При подготовке к печати большая часть недописанных в подлиннике слов восстановлена полностью; части слов, вызывающих сомнение в правильности их расшифровки, поставлены в прямые скобки.

М. Левина.

* * *

24/X [1917 г.]

Вечер в Зимнем дворце. Деловое заседание [1]). Разговор с Т. [?], Г. Г. [?], с Никитиным [2]) и Коноваловым [3]). Теоретический спор, кто губит революцию. Сообщение о телефонной станции [4]). Около $11^1/_2$ в штаб. Разговор с Багратуни [5]) и Полковниковым [6]). Малевский [7]) — комиссар. — Личные услуги, но не представительство на прямое предложение Полковникова. Ясное колебание и боязнь комиссаров ЦИК принять активное уча-

стие в каких-либо мероприятиях. Беспомощность Полковникова и отсутствие какого бы то ни было плана. Надежда, что безумный шаг не будет сделан. Незнание, что делать, если он все же будет. Оглядка на Зимний дворец и Керенского и ожидание директив. Мои разъяснения о безнадежности ожиданий. Кавардак. Отсутствие учета сил и безнадежность настроений прежде всего у главнокомандующего.—Рутенберг [8]), П—н [?], П—й [?] и др. Выяснение положения и единодушная оценка. План для исполнения немедленного без Полковникова. Квалификация его действий. Отсутствие решений. Отъезд мой, П. [?] и Рутенберга домой по случаю безнадежности руководителей около 2 часов ночи.

25/X.

Вызов в Зимний дворец к Коновалову на утреннее заседание. Предположение об отъезде Керенского. Обсуждение общего положения и его ненадежности. Мыльный пузырь. Единодушие в оценке действий Полковникова. Безрезультатность обсуждения. Отъезд в Оборону. Вызов в Зимний дворец по приказу Керенского около $1^1/_2$ ч. Заседание. Ожидание в кабинете. События развертываются. Отъезд Керенского. Заседание правительства [9]). Рутенберг. Его доклад. Правительство назначает Кишкина и меня, по моему предложению — и Рутенберга. Декреты Временного правительства с устранением Полковникова. Организация охраны. Отсутствие даже плана дворца. Комендант подполковник Раецкий. Начальник одного из училищ — рохля. Михайловское училище, три капитана (Братчиков, ... [10]), Язев 2-й). Объяснение с начальниками частей, казаки, Михайловское училище, инженерная школа прапорщиков, 2-й Петергофской и 2-й Ораниенбаумской школ. Нет продовольствия. Нет плана. Растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров, о которых не было достаточно забот. Принятие мер. Разделение функций между Рутенбергом и Пальчинским. Штаб. Сообщение указов. Последний доклад Полковникова. Перед этим посещение штаба. Телеграмма в ставку. Приостановка с моим настоянием. Сообщение Временному правительству о телеграмме и настроении Полковникова и штаба. Приостановка всех телеграмм Кишкиным. Слухи об отставке всех чинов штаба, подтвердившиеся после, но о том Багратуни не докладывал.

Выяснение продовольственного вопроса. В штабе на $2^1/_2$ дня для 700 человек, в Зимнем дворце — ничего. Продовольствие уже задержано. Новое не получено. Стягивание кольца кругом площади. Начало постройки баррикад юнкерами и ударницами.

Сообщение о Михайловском училище[11]). Вызов мною капитана Братчикова. В ответ сообщение, что 4 орудия ушли, и едва задержаны два. Около 7 часов. Иду в Зимний дворец. Выясняется, что комендант начальник обороны подполковник Ананьев; правительственный комиссар училища увел Михайловских юнкеров и орудия. Уход с площади и Зимнего дворца последних броневиков. В штабе и дворце нет бензина.

Сообщение об уходе училищ. В Белом зале Ораниенбаумская и Петергофская школы. Речь [12]). Молчание. Повторный призыв к исполнению долга — крик: «Исполним» (без воодушевления и не все). Речь во дворе инженерным юнкерам. «Исполним».

Наверх. Арестованный Чудновский [13]). Ораниенбаумская школа передумала. Начальник мнется. Офицеры и юнкера нажимают. Освобождение арестованных прапорщика Дашкевича [14]) и Чудновского отдельно. Школа хочет ими прикрыться во время ухода. Мои указания на опасность ухода. (Гаг—н и М—ов — адъютанты и единственные, кроме Синегуба и ударника и Ананьева, действующие офицеры). Школа инженерных прапорщиков все время держится. Уход казаков. Речь им, прерываемая ранеными. Речи внизу. Сведения из Думы Прокоповича и Центрофлота [15]). Школы не уходят, но волнуются, мнутся и почти ничего не делают. По баррикадам переход под обстрелом. Уходим — не уходим и т. д. Прорыв по разным лестницам [16]). Личное руководство разоружением инженерными прапорщиками группы человек 50, прорвавшихся по Эрмитажному ходу. Сдача без сопротивления. Павловцы внизу. Все двери открыты. Прислуга помогает. Рабы. Команды тоже. Вновь прибывшие теряются и отдают оружие мне одному. Сообщение Ананьева о переговорах. Опять Чудновский. Арест его. Беседа с военнопленными. Отпуск согласно переговоров. Занятие низа. Защита лестницы и коридора. Достаточно наличного числа для защиты, но при офицерах и организации. Слишком поздно. Нет офицеров, духа и провизии. Осведомление правительства о ходе дел. Разоружение нападающих. Делегации из города, крестьянских депутатов с Прокоповичем. Каждые полчаса возвращение и уход. Решимость остаться до конца не сдаваясь. Отвержение ультиматумов. Антонов и Чудновский [17]). Прорыв наверх. Решение не стрелять. Отказ от пере-

говоров. Выход к наступающим. Антонов теперь за руководителя. Арест Антоновым и Чудновским меня с заявлением о генерал-губернаторстве. Мои разъяснения. Обыск. Защита Чудновским. Изоляция. Охрана из матросов. Никитин рядом. Далее в общую комнату со всеми. Протокол. Вывод. Критический момент. Марш. Мост—крепость [18]). Акт. Подписи. Развод по камерам. Марголин и др. стража. Новая точка зрения анархиста.

Примечания.

[1]) На этом секретном заседании Врем. правительства был утвержден план захвата Смольного института.

[2]) Никитин А. М., меньшевик-оборонец, министр внутр. дел Врем. правительства последнего состава.

[3]) Коновалов А. И., заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности Врем. правительства последнего состава.

[4]) В 3 часа с 24 на 25 октября комиссар Военно-револ. комитета Кексгольмского полка потребовал от управляющего телефонной станцией выключить все телефоны Зимнего дворца и штаба округа. В 7 ч. утра телефонная станция была занята отрядом Кексгольмского полка.

[5]) Багратуни А. К., ген., начальник штаба Петроградского военного округа. 25 октября, вместо устраненного Полковникова, был назначен главнокомандующим округа.

[6]) Полковников, полк., главнокомандующий Петроградского военного округа до 25 октября.

[7]) Малевский, комиссар ВЦИК при штабе округа, правый с.-р.

[8]) Рутенберг П. М., помощник главнокомандующего Петроградского военного округа по гражданской части, 25 октября был назначен помощником Кишкина «по водворению порядка» в Петрограде; с.-р.

[9]) На упоминаемом заседании Врем. правительства был принят указ о возложении на Н. М. Кишкина, министра призрения, исключительных полномочий по водворению порядка в столице с подчинением ему всех военных и гражданских властей; его помощниками были назначены Пальчинский и Рутенберг.

[10]) Неразборчиво.

[11]) Юнкерские школы были вызваны Врем. правительством в Петроград еще 23 октября. Михайловское артиллерийское училище прибыло в Зимний дворец днем 25-го с 6 орудиями. По приказу начальника Михайловского артиллерийского училища, данному под давлением Военно-революционного комитета, большая часть юнкеров в 6 часов вечера покинула Зимний дворец и увезла с собой 4 орудия.

[12]) Юнкера потребовали разъяснения от Врем. правительства о целях их вызова и причинах малочисленности гарнизона Зимнего дворца и отсутствия других юнкерских училищ. Пальчинский в своей речи безуспешно пытался успокоить юнкеров.

[13]) Чудновский Г., член Военно-революционного комитета, по приглашению делегата Ораниенбаумской школы юнкеров Киселева отправился в Зимний дворец для переговоров с юнкерами о сдаче их; во дворце Чудновский и Киселев были арестованы Пальчинским; юнкера возмутились, и Пальчинский вынужден был освободить обоих; вместе с ними ушли и юнкера.

[14]) Дашкевич Н. В., член Военно-революционного комитета. Пальчинский, видимо, ошибся, назвав Дашкевича, им арестован был Киселев (см. прим. 13).

[15]) На заседании Городской думы было решено послать делегации: на крейсер «Аврора», в Смольный и в Зимний дворец — для предотвращения обстрела последнего.

[16]) Около 1 ч. ночи в Зимний дворец стали проникать отдельные группы красногвардейцев и солдат, разоружавшиеся юнкерами.

[17]) Тт. В. А. Антонов и Г. Чудновский входили в тройку, выделенную Военно-революционным комитетом для руководства операциями против Зимнего дворца.

[18]) Все арестованные министры были отправлены в Петропавловскую крепость.

Стачка рабочих завода бр. Бромлей в 1903 г.

Начало 900-х годов характеризуется обострением классовой борьбы в царской России—объединением сил капиталистов, с одной стороны, ростом организованных выступлений пролетариата, с другой.

«Рабочие устраивают стачки, прекращают все сразу работу на фабрике и требуют прибавки заработка, требуют, чтобы их заставляли работать не по одиннадцати, не по десяти часов в день, а только по восьми. Рабочие требуют также всяких других облегчений в жизни рабочего человека» [1]).

«Правительство начинает заискивать с рабочими, обещая им свободу действий

[1]) Ленин, Сочинения, т. V, 2 изд., стр. 265.

в экономической борьбе, лишь бы они отказались от политической свободы; с этой целью оно организовало шайку предателей-провокаторов и тупоумных рабов под предводительством обер-шпиона Зубатова...» [1]).

Капиталисты объединяются в союзы, картели, синдикаты, чтобы лучше проводить политику капиталистического угнетения рабочих, чтобы выгоднее эксплоатировать своих рабочих.

В 1902 г. в декабре состоялось совещание московских заводчиков чугунно-литейных и механических заводов, на котором был поднят вопрос о понижении расценков и сокращении количества рабочих на заводах.

Уже в январе 1903 г. начальник Московского охранного отделения сообщал Зубатову в департамент полиции: «Результаты означенного совещания гг. фабрикантов уже начинают обнаруживаться на заводах «Густав Лист» и «Бр. Бромлей», представители которых, повидимому, одни из первых ратовали на совещании за понижение расценка и сокращение количества рабочих на заводах.

В настоящее время на вышеуказанных заводах уже начался перевод рабочих со сдельной платы на поденную, а на заводе бр. Бромлей кроме сего началось и сокращение количества рабочих» [2]).

Систематическое понижение расценков, сокращение числа рабочих, увеличение рабочих часов, постоянные штрафы на заводе бр. Бромлей привели к забастовке 30 июня 1903 г.

«2000 рабочих, после того, как фабричная администрация объявила уменьшение расценков, отказались работать и легли на дворе без крика и шума. После свистка на обед рабочие ушли домой и, вернувшись, легли опять на дворе. Дисциплина во все время стачки была превосходная» [3]).

Забастовка продолжалась 5 дней и окончилась, после произведенных втечение 5 и 6 июля арестов двух агитаторов и распропагандированных ими рабочих, общим расчетом всех рабочих завода.

Организованность рабочих в проведении этой забастовки и твердость в отстаивании требований объясняются социал-демократическим влиянием среди рабочих завода бр. Бромлей еще со времени «Московского рабочего союза».

Публикуемые ниже документы дают картину хода забастовки, борьбы полиции и заводской власти с забастовавшими рабочими, подавления забастовки и социал-демократических выступлений на заводе бр. Бромлей.

Агитация, проведенная членами социал-демократического кружка «Труд», связанного с «Искрой», и распространение на заводе прокламаций этого кружка, выпущенных специально к данной забастовке, — подняли классовое самосознание рабочих: рабочие предпочли быть рассчитанными, чем отступить от своих требований.

Публикуемые документы извлечены из дела Московского охранного отделения за 1903 г. № 392 «О забастовке рабочих на заводе Бромлей», хранящегося в Архиве революции и внешней политики.

Бригада Архива революции и внешней политики.

* * *

Рапорт пристава 1-го участка Серпуховской части московскому обер-полицеймейстеру 30 июня 1903 г. № 120.

Имею честь донести вашему превосходительству, что мною получены сего числа сведения о предполагающейся рабочими завода бр. Бромлей по Калужской улице забастовке с 2-х часов дня. Означенные сведения мною проверены, причем оказалось, что 29-го июня рабочие собирались в трактире Губонина у Калужских ворот и там дали между собою подписку не выходить сегодня после обеда на работу. Причина предполагаемой забастовки — нежелание подчиниться в будущем некоторым требованиям по отношению штрафов рабочих заведывающего мастерскими Афанасия Афанасьева Афанасьева. В данное время работы производятся своим порядком без всяких нарушений, причем на работу не вышло 240 чел. рабочих, что — обыкновенное явление после получек.

Заведывающий участком Петров.

Телефонное сообщение пристава 1 участка Серпуховской части в Московское охранное отделение 1 июля 1903 г.

В 3 час. 20 мин. пополудни 1 числа сего июня месяца 1903 г. пристав 1 участка Серпуховской части передал из управления участка, что сего числа после обеда рабочие вышли все на работу, но токарное отделение рабочих, около 250 чел., не

---

[1]) Прокламация РСДРП 20 августа 1902 г. (Архив рев. и вн. пол., Д. О., 1898, № 5, ч. 19, лит. *г*, л. 123).

[2]) Отношение начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатову в департамент полиции от 16 января 1903 г. № 526. (Архив революции и внешней политики).

[3]) «Искра», 1 августа 1903 г. № 45.

захотели работать и требуют изменения некоторых параграфов от администрации завода бр. Бромлей, а именно: желают перед праздником рабочий день (9 час.) считать при расчете за будничный рабочий день (10 час.).

Принял Седун.

Прокламация соц.-дем. кружка «Труд» [1]).

[Июль 1903 г.]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Различие между интересами обездоленного, вечно угнетаемого рабочего класса, являющегося единственным производителем всех земных богатств, и интересами толстосумых [2]), ничего не делающих фабрикантов-хозяев вызывает первых на непримиримую борьбу с последними. У нас в России эта борьба усугубляется еще тем, что у нас нет политической свободы, нет свободы стачек, союзов, свободы слова, нет свободы борьбы за материальное и духовное благосостояние рабочего класса. Но, несмотря на тяжелые условия борьбы, русский рабочий успел отвоевать много важных позиций. Будем же стойко продолжать начатое движение рабочего освобождения, будем без каких бы то ни было отступлений дружно совершать натиск на двух наших смертельнейших врагов — царско-жандармское самодержавие и капитал! Сделаем же еще один шаг вперед! Наши требования невелики: мы требуем только: 1) полного уничтожения штрафов, 2) полной платы за предпраздничный день, как за 10-часовой.

Прокламация соц.-дем. кружка «Труд».

[Июль 1903 г.]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Во время стачек смертельнейший враг рабочего класса капитал своим игом, невыносимо давящим нас, дает себя чувствовать еще сильнее. В такие моменты каждый рабочий, более или менее способный мыслить и до того не подозревавший о глубоком различии интересов рабочих и капиталистов, сразу сознает ту пропасть, которая лежит между ними. Рабочий сознает тогда не только то, что капитал и олицетворяющие его собою капиталисты суть его непримиримые враги, но также и то, что враги его не столько сильны, сколько нечестны, подлы и фальшивы. Тогда рабочий воочию убеждается, что враг его не разбирается в средствах, что у него сила лишь в обмане и затуманивании сознания рабочих, что он действует лишь обманом и насилием. Да, товарищи, единственная наша сила—в сознании своих классовых интересов, единственный залог успеха — в единении, солидарности. Враги наши боятся нашего сознания и признают за нами силу только постольку, поскольку мы люди убежденные, сознательные и во всем солидарные. Нам не от кого ждать помощи. Мы должны сами защищать наши интересы. Мы не должны быть столь наивны и слепы, чтобы предполагать, что сам Бромлей по собственному своему почину сделает уступку и совершит какой-либо акт справедливости. Предполагать так—значит предполагать, что Бромлей, по собственному своему почину, откажется от своих интересов. Мы должны требовать—только требовать! Пусть что хотят говорят Афанасьевы и пристава, пусть говорят, что требования наши, якобы, незаконны, мы все-таки будем настаивать на своих требованиях, соответствующих нашим интересам. Ведь не скажут же капиталисты и пристава, эти явные представители царско-полицейского самодержавия, как бы они нахальны ни были,—что законы пишутся во вред нам, но они не могут также признать и утверждать, что их закон о штрафах полезен нам, следовательно, закон этот незаконен, ибо он вреден нам. Кроме того, они лгут, как и всегда, и произвольно искажают смысл закона, ибо закон предоставляет только право штрафовать, но не обязывает. Поэтому долой штрафы, долой Афанасьева!

Телефонные сообщения пристава 1 участка Серпуховской части в Московское охранное отделение 2 июля 1903 г.

В 8 час. утра 2 числа сего июля месяца 1903 г. пристав 1 участка Серпуховской части передал из завода Бромлей, что все рабочие вышли на завод, но работать не хотят и будут ждать приезда фабричного инспектора для переговоров с ним, выборных же из рабочих не хотят выбирать для ходатайства как перед фабричным инспектором, так и перед г. оберполицмейстером.

---

[1]) В отношении начальника Московского губернского жандармского управления на имя начальника Московского охранного отделения от 1 августа 1903 г. за № 10527 говорится, что «с утра 2-го июля среди рабочих завода бр. Бромлей распространялись ежедневно гектографированные воззвания».

[2]) Так в подлиннике.

В 3 часа 40 мин. пополудни 2 сего числа июля месяца 1903 г. полицейский надзиратель Ратько передал из 2-й городской больницы. На заводе Бромлей рабочие не работают, а сидят тихо без дела. Фабричному инспектору рабочие заявляли свои требования о том: 1) субботу 9-часовой рабочий день считать 10 часов, 2) за прогул $^1/_2$ дня не штрафовать, 3) уволить с завода рабочего [?] Афанасьева. Фабричный инспектор заявления рабочих признал неосновательными и просьбу рабочих удовлетворить не находит возможным.

Обер-полиймейстер по телефону приказал местному приставу, чтобы на заводе вывесили объявление о том, кто не станет из рабочих работать, то таковым выдать расчет и что они будут удалены из Москвы.

В 7 час. 7 мин. пополудни 2 числа сего июля месяца 1903 г. полицейский надзиратель Ершов передал, что на заводе бр. Бромлей в 7 час. вечера был звонок к окончанию работ. Рабочие, которые ничего не делали, после звонка встали и разошлись спокойно по своим квартирам.

Принял Мольков.

Доклад Совета рабочих в механическом производстве московскому обер-полициймейстеру 2 июля 1903 г. [1]).

Сим имею честь доложить вашему превосходительству по поводу возникших недоразумений между рабочими и администрацией названного завода следующее: причинами к недоразумениям послужило:

1. 20-го числа минувшего месяца в заводе было вывешено объявление, не утвержденное однако фабричным инспектором, за подписью заведующего заводом, которым обязывались рабочие брать отпуски с работы в случае каких-либо надобностей у мастера, но непременно за подписью заведующего заводом Афанасия Афанасьева Афанасьева, который в отпусках с работы многим рабочим отказывал несмотря на необходимые потребности их.

2. Рабочий день в названном заводе разделен по часам, по просьбе же самих рабочих, после пасхи 1902 года, что и было администрацией сделано год спустя, т. е. с пасхи текущего года, но с тем неудобством для рабочих: если кто из них не выйдет почему-либо в завод в субботу после обеда, то вычитается из жалованья за 5 часов, тогда как срок этот равняется только четырем часам; плата же в предпраздничные дни причитается рабочим не за полный, обыкновенный день, а один час вычитается, вследствие чего каждый рабочий теряет в месяц 4 часа и 5, если среди недели встречается какой-либо праздник.

3. Далее, если кто из рабочих опоздает на работу на 5—10 минут сверх установленной нормы, то не впускается в завод на целый час, за что, помимо недоплаченного жалованья за час, вычитается еще штраф 30 коп., и, если кто не выйдет по каким-либо обстоятельствам на работу втечение полдня, то, кроме незаплаченного за полдня жалованья, вычитается в виде штрафа сумма, равная полдневному заработку.

Ко всему вышеизложенному имеем честь присовокупить, что вчера, 1-го июля, рабочие названного завода обратились с просьбой к директору завода Егору Эдуардовичу Бромлей о снятии упомянутого объявления и об отмене вышесказанных правил. Объявление г-н Бромлей сорвал со стены, но в остальном всем отказал, вследствие чего рабочие обратились к фабричному инспектору г-ну Типольт, который, явившись в завод, предложил рабочим избрать из своей среды несколько человек депутатов для ведения переговоров с администрацией, но рабочие, напуганные прошлым годом, когда их после пасхи за подобную попытку очень многих не взяли на работу, выбирать депутатов не согласились, не имея никакой гарантии для потери места [1]).

К сему имею честь доложить вашему превосходительству, что рабочие ведут себя тихо и спокойно, но пока не работают, надеясь, что г-н фабричный инспектор, приехав в завод, что-нибудь для них сделает в смысле отмены некоторых упомя-

---

[1]) Доклад исходил от «Рабочего совета» зубатовского Московского общества взаимного вспомоществования рабочих механического производства, организовавшегося в начале 1901 г.

Вот что писал Зубатов директору департамента полиции Зволянскому об организации совета: «Мы организовали «Рабочий совет» из 17 чел., проведя туда всю агентуру. Члены его, за круговой ответственностью всего совета, устраивают частные совещания рабочих по будням в различных районах города с нашего ведома о месте и часе... По параграфу 6 инструкции совета, о всяком рабочем совещании, происходящем в городе без ведома и разрешения совета, доводится до сведения охранного отделения. Словом, обладая советом, мы располагаем фокусом от всей рабочей массы и благодаря этому рычагу можем вертеть всей громадой». (ДО—1901, № 801, ч. 1, л. 9).

[1]) Так в подлиннике.

нутых неудобных условий; в особенности рабочие просят отменить штрафование за прогульные почему-либо полдня, что раньше и было, т. е., если кто из рабочих втечение 2 недель не выйдет на работу полдня, то с такового только лишь удерживалась полдневная плата, но штрафа никакого не было, теперь же, как мы имели честь указывать выше, за прогульные полдня вычитается еще в таком же размере и штраф, а отпуски же многим с работы не дают.

М. Афанасьев.
Слепов.

Телефонные сообщения полицейского надзирателя 1 участка Серпуховской части в Московское охранное отделение 3 июля 1903 г.

В 7 час. 55 мин. утра 3 числа сего июля месяца 1903 г. полицейский надзиратель Ершов передал.

Дело на заводе бр. Бромлей в таком же положении, как и вчерашнего дня. Сегодня утром рабочие явились все на завод, уселись на трубы и за работы не принимаются, за исключением 170 чел., которые работы продолжают попрежнему.

Принял Мольков.

В 12 час. 50 мин. пополудни 3 числа сего июля месяца 1903 г. поручик Фуллон передал из конторы завода Бромлей, что он прибыл на завод во время переговоров фабричного инспектора с рабочими, — к результату никакому не пришли. Рабочие остались на своих прежних требованиях, новых не заявили. Требования были массовые, отдельных не было.

Г. обер-полицмейстер спрашивал пристава о ходе дела. Пристав доложил то же самое. В настоящее время рабочие ушли на обед.

Принял Богомолов.

Экстренный наряд полицейских чинов, поступивших в распоряжение пристава 1 участка Серпуховской части на 4 июля 1903 года.

I.

Помощн. приставов—6. Ачкасов, Бычковский, Бачурин, Норов, Добровольский 1-й и Светлов.

30 околот. надзирателей от участков: Городского—2, 1 Тверского—3, 2 Тверского—3, 3 Тверского—2, 1 Мясницкого—3, 2 Мясницкого—1, 3 Мясницкого—3, 2 Арбатского—2, 1 Пречистенского—1, 2 Пречистенского—4, 1 Хамовнического—2, 2 Хамовнического—4.

160 городовых. Посты 3-го разряда от тех же участков и 1 Арбатского.

Явиться к 12 час. дня в Якиманский полицейский дом и быть наготове по первому требованию пристава 1 участка Серпуховской части [1]).

II.

От участков 1 и 2 Пятниц., 1 и 2 Якиманской и 2 Серпуховской всех свободных от службы городовых, без различия разряда постов, и всем свободным от службы околоточным надзирателям находиться с 12 час. дня при управлении участков и быть наготове выступить по первому требованию пристава 1 участка Серпуховской части.

Помощники приставов по одному от каждого из участков, кроме 1 уч. Пятницкого, следуют с нарядом.

Объявление фабричного инспектора Московской губернии рабочим завода бр. Бромлей 4 июля 1903 г.

Рабочим Механического завода акционерного общества бр. Бромлей объявляется ниже следующее:

1) Ни одного из требований, заявленных рабочими и записанных в протокол [2]), составленный на заводе 3 июля с. г., заводоуправление удовлетворить возможным не находит.

2) Относительно вывешенного без надлежащего утверждения г. заведующим заводом А. А. Афанасьевым 20-го июля с. г. объявления о порядке выдачи увольнительных записок фабричным инспектором составлен протокол, который передан на рассмотрение Московского столичного по фабрично- и горнозаводским делам присутствия.

3) В заключение, признавая требования рабочих не основанными на существующих законоположениях, всем рабочим предлагается сегодня же стать на работу. По отношению к рабочим, ставшим на работу до 8 часов утра 5 июля, заводоуправление выразило согласие ограничиться

---

[1]) На 5 июля наряд был увеличен: помощников приставов — 12, околоточных надзирателей — 42, городовых—272 и запасный дополнительный наряд от всех участков Замоскворечья.

[2]) 3 июля во дворе завода бр. Бромлей был составлен, по поручению московского обер-полициймейстера, жандармским поручиком Фуллоном, в присутствии пристава 1 участка Серпуховской части и фабричного инспектора, протокол о причинах прекращения работ и требованиях, заявленных забастовавшими рабочими администрации завода.

лишь неуплатой за время остановки работ и штрафа на рабочих не налагать.

Фабричный инспектор Московской губернии барон А. Типольт.

С подлинным верно:
Пристав Гринцевич.

Телефонные сообщения полицейского надзирателя 1 участка Серпуховской части в Московское охранное отделение 4 июля 1903 г.

В 8 час. 40 мин. утра 4 числа сего июля месяца 1903 г. полицейский надзиратель Ратько передал из конторы завода Бромлей, что сегодня рабочие явились на работу в обыкновенное время, но не работают, а сидят, как и вчера: не явилось около 200 чел., но это бывает и в мирное время.

В 3 час. 5 мин. пополудни 4 числа сего июля месяца 1903 г. полицейский надзиратель Ратько передал, что на заводе Бромлей вывешено объявление, которое никто из рабочих не трогает. Пристав Новиков увещевает рабочих, часть из них слушает его, а две части вышли с завода на квартиры. Все рабочие держат себя очень покойно. Заведывающий заводом Афанасьев находится в конторе и к рабочим не выходит.

В 7 час. 30 мин. вечера полицейский надзиратель Ратько передал, что после звонка рабочие завода бр. Бромлей разошлись спокойно. Носятся слухи, что среди рабочих читалась прокламация следующего содержания: — «Полиция закусывает в конторе, а мы щелкаем зубами, сидя на трубах».

Принял Бакашев.

Объявление пристава 1 участка Серпуховской части рабочим завода бр. Бромлей 5 июля 1903 года[1]).

По распоряжению его превосходительства господина московского обер-полицмейстера, всем рабочим завода «Общества механических заводов бр. Бромлей», в подтверждение объявления фабричного инспектора барона Типольта от 4 сего июля, предлагается немедленно приступить к работам.

Рабочим, не исполнившим сего требования, прибыть в понедельник 7 сего июля, к 10 часам утра, в заводскую контору для получения расчета и паспортов, после чего удалиться с завода[1]).

Паспорты и причитающиеся заработанные деньги рабочих, не прибывших за получением расчета в течение дня 7 июля, будут высланы в подлежащие полицейские или волостные правления, по месту приписки рабочих, для выдачи им по принадлежности.

5 июля 1903 года. Москва.
Пристав 1 участка Серпуховской части
подполковник Гринцевич.

Рапорт пристава 1 участка Серпуховской части Московскому обер-полицмейстеру 7 июля 1903 г. № 144[2]).

Имею честь донести вашему превосходительству, что на заводе общества механических заводов бр. Бромлей, согласно объявлению, вывешенному в 11 час. утра 5 сего июля, сего числа в 10 час. 30 мин. утра было приступлено к выдаче

---

[1]) 5 июля в 8 час. 25 мин. подполковник Новиков сообщил в Московское охранное отделение по телефону: «Около 8-ми часов утра на завод собралось приблизительно человек 800 рабочих, которым и было прочитано объявление. Большая часть рабочих стала выходить с завода».

[1]) С 5 по 7 июля были обысканы и арестованы «рабочие завода бр. Бромлей: 1) Василий Карелин, в квартире которого должны были собраться рабочие для обсуждения способов действия, известный Московскому охранному отделению по сношению с арестованным 29 ноября 1902 г. социал-демократом Вайнштейном, 2) Семен Соколов, 3) Михаил Михайлов, 4) Николай Николаев и др.

Дополнительным обыском, произведенным 9 июля в доме, где проживали Карелин, Михайлов и др. в подполье, вход куда ведет из смежной квартиры № 3, были обнаружены следующие революционные издания: 1) № 12 — 1903 г. газеты «Южный рабочий»; 2) брошюра Лягарделя «Пролетариат и армия» с оттиском печати: «Революционная социал-демократическая организация «Воля»; 3) с оттиском той же печати брошюра Бебеля «Социалистическое общество»; 4) брошюра Серебрякова «Общество «Земля и Воля», издание социал-демократической организации «Жизнь»; 5) брошюра Шишко «Кравчинский и кружок чайковцев», отдельный оттиск из № 3 «Вестника русской революции» и 6) брошюра Цебриковой «Каторга и ссылка». (Из отношения начальника Московского охранного отделения начальнику Московского губернского жандармского управления 15 июля 1903 г. № 7271 — МОО, д. № 392—1903 г., л. 145, 146).

[2]) 7 июля в 10 час. утра подполковник Новиков сообщил в Московское охранное

рабочим завода расчета и паспортов, для чего собравшиеся на площади «Калужская Серединка», у 1-х ворот от Бахметьевского переулка, рабочие были установлены в 4 ряда: 1-й ряд с № 1 по 500-й, 2-й ряд с № 501 по 1000, 3-й ряд с № 1001 по 1500 и 4-й ряд с № 1501 по 2000. Часть назначенного на 7-ое сего июля наряда была расставлена между рядами для сохранения порядка. Внутри завода от упомянутых ворот до табельной, выходящей в Бахметьевский переулок, была расставлена еще часть наряда также, как бы шпалерами, в 4 ряда, для дальнейшего направления рабочих в порядке к расчетной-табельной. В 10 час. 30 мин. ворота были открыты и рабочие впущены во двор завода к табельной. Получив расчет и паспорта, рабочие выходили в Бахметьевский переулок и расходились по домам. Кроме того, часть наряда — 20 городовых при 4 околоточных надзирателях — была поставлена у Донской слободы и 20 городовых при 4 околоточных надзирателях по Донской улице и прилегающим переулкам для наблюдения, чтобы рабочие не останавливались и не собирались группами. К 3 часам пополудни выдача расчета была вполне окончена. Никакого нарушения тишины, буйства произведено со стороны рабочих не было. К 8 с половиной часам утра прибыл г. фабричный инспектор барон Типольт, все время присутствовавший в табельной при выдаче расчета и принимавший тут же заявления претензий. Всех получивших расчет было 954 чел., в том числе 139 чел. вступивших на работу в субботу 5 июлч. Не явилось для получения расчета 105, из коих администрацией завода уволено в отпуск ранее возникновения беспорядков — 87, в командировке 18 чел. Итого неявившихся без уважительных причин 48 чел. Список не пожелавших получить расчета, вместе с паспортами их и следуемыми для выдачи им деньгами, мною будет представлен вашему превосходительству дополнительно завтра. Претензий на неправильный как бы расчет было заявлено г. фабричному инспектору 15, из коих к разбору явились трое, жалобы оказались неосновательными. В $2^1/_2$ часа пополудни начался прием на завод вновь рабочих; к 7 час. принято 313 чел., представивших паспорта; полагаю, что завтра на работы к обеду будет принято до 700 чел. В $3^1/_2$ часа пополудни наряд, за исключением 4-х офицеров, 8 околоточных надзирателей и 80 городовых, согласно распоряжению вашего превосходительства, исполняющим должность полицеймейстера 1 отделения подполковником Новиковым был отпущен. От оставленного в мое распоряжение наряда для охранения наружного порядка и спокойствия были выставлены посты и высылаемы постоянно патрули по району участка и ближайших окрестностей, но чего-либо особого нигде замечено не было; одиночные пьяные попадались и были немедленно убираемы.

Пристав Гринцевич.

Романовы и железнодорожные концессии в 70-х гг. XIX в.

«Золотым веком» для нарождавшейся русской промышленной буржуазии была эпоха железнодорожного строительства в России, начавшегося в 40-х годах прошлого столетия. Первой железной дорогой в России была выстроенная в 1838 г. Царскосельская железная дорога между Петербургом, Павловском и Царским Селом, обслуживавшая главным образом царскую семью и петербургских сановников. За Царскосельской железной дорогой была выстроена Николаевская дорога, соединившая обе столицы империи и открытая к движению 1 ноября 1851 г. Крупным толчком к развитию железнодорожного дела в России явилась Крымская кампания, проигрыш которой выяснил для правительства с очевидностью необходимость иметь значительную сеть железных дорог как стратегических, так и коммерческих. Началось усиленное строительство дорог, сдававшихся на концессию акционерным обществам, русским и иностранным, отдельным лицам и только-что образовавшимся земствам. Тогдашнее общество охватила железнодорожная лихорадка, — создавались различные общества и компании, конкурировавшие друг с другом в получении кон-

---

отделение по телефону: «У завода уже собралось много рабочих, из коих многие заявили, что их расчетные книжки находятся в заводе в ящиках, почему они и просят допустить их в завод взять книжки. На это подполковник Новиков сказал рабочим что пусть те, у коих остались книжки в заводе, изберут из среды своей несколько выборных, которые вместе с полицией и администрацией завода и извлекут из ящиков расчетные книжки, так как подполковник Новиков считает это слишком удобным в том отношении, что это даст возможность просмотреть ящики рабочих».

цессий, появлялись дельцы, которые быстро превращались в железнодорожных королей, ворочавших миллионами. Такова была карьера железнодорожного строителя С. С. Полякова, который в молодости был штукатуром в Киеве и простым содержателем почтовых станций в Харьковской губ., а кончил миллионером, главой целой семьи банкиров и финансовых дельцов. Такова же была карьера Губонина, первоначально мелкого откупщика и подрядчика, затем железнодорожного строителя и миллионера. Блиох, председатель правления Юго-западных дорог, в начале своей карьеры был только мелким подрядчиком, а затем имел у себя на службе в качестве вице-председателя директора Технологического института И. А. Вышнеградского, который позднее сделался министром финансов. Так же быстры и неожиданны были карьеры железнодорожных королей фон-Мекка, Дервиза, Штейнгеля и других.

Железнодорожные концессии, получение которых давало их владельцам миллионные барыши, согласно утвержденным 26 декабря 1870 г. правилам, выдавались следующим образом. Министр путей сообщения, по соглашению с министром финансов, вырабатывал нормальный проект концессии и через Комитет министров представлял этот проект на «высочайшее» утверждение. По утверждении проекта министр путей сообщения вел переговоры с конкурирующими соискателями концессии и, выбрав из них «благонадежнейшего», представлял поддерживаемую им кандидатуру — также через Комитет министров — на «высочайшее» утверждение. Таков был законный порядок при получении концессии, но за этим порядком стояли те обещания и взятки, которые щедро раздавались направо и налево искателями, желавшими закрепить за собою ту или иную концессию. И этот порядок был настолько нормален, что с уверенностью можно сказать, что вряд ли была хоть одна железнодорожная концессия, при получении которой концессионерами не было роздано колоссального количества взяток, исчислявшихся в громадных суммах.

Эта вакханалия взяточничества вокруг железнодорожных концессий захватила громадный круг лиц, близких к министерским кругам. В ряде воспоминаний — в мемуарах Витте, Дельвига, Феоктистова — имеется ряд записей, рисующих эту вакханалию, с указанием лиц, чье состояние обязано своим происхождением близости к ведомствам и лицам, от которых зависела раздача железнодорожных концессий. Однако, поскольку утверждение кандидата зависело от воли царя, наибольшую роль в деле выдачи концессий должен был играть тогда круг лиц, близких к Александру II. И действительно, в своих мемуарах А. И. Дельвиг, бывший в 70-х гг. управляющим министерством путей сообщения, прослуживший в железнодорожном ведомстве 40 лет и уволенный из него ввиду обвинений во взяточничестве за слишком близкую связь с одним из железнодорожных концессионеров — Чижовым, — говорит, что, в конечном счете, выдача концессий зависела «от лиц, приближенных к государю», что «есть какие-то Зубков и князь Долгорукий... действующие на государя через сестру последнего — княжну Долгорукую», находившуюся с 1864 г. в связи с Александром II и в 1880 г., немедленно после смерти имп. Марии Александровны, сделавшуюся «венчанной» женою царя. Указывая на ее влияние на Александра II, Витте в своих «Воспоминаниях» говорит, что она «не брезговала различными крупными подношениями». Однако до настоящего времени не было обнаружено материалов, с очевидностью доказывавших, что жена Александра II и близкий к ней кружок были прикосновенны к этой вакханалии взяточничества. А. А. Половцов восполняет наши сведения о царской семье в этом отношении.

Вот что рассказывает он в своем дневнике, который в настоящее время хранится в Центрархиве, о деятельности кружка Долгорукой при сдаче на концессию Севастопольской железной дороги:

«28 июля 1871 г. Среда. Сенатор Демидов с женою, Траншер, Бок обедают. Демидов по свойству с Бобринским рассказывает любопытные вещи. В. Бобринский получил от государя приказание отдать Севастопольскую дорогу Губонину, т. е. Мих. Долгорукову. Никакие возражения не были выслушаны. В. Бобринский написал письмо за границу государю, сказав, что считал обязанностью исполнить это приказание, но засим почитает себя обесчещенным и просит об увольнении. Из другого источника мне известно, что Долгорукий за посредатайствование этой концессии получает 800 тыс. руб. Сестра его все время писала письма государю в Эмс о деле и получала телеграммы, успокаивавшие ее об успехе; потом она сама поехала в Эмс под фамилией madame Schoultz и получила из рук в руки 100 тыс. руб. Взявши эти деньги у Шувалова, командовавшего главною квартирою, Александр Николаевич приказал не показывать их взятыми единовременно, а разбить их по счетам, т. е. сделать подлог».

Со слов гр. Шувалова, бывшего в то время, к которому относится рассказ,

шефом жандармов, Половцов рассказывает о прикосновенности к концессии на Минскую железную дорогу великого князя Николая Николаевича, про которого Половцов, со слов Шувалова, пишет, что «вообще понятия его не только о деньгах, но и о чести были очень неясны». В подтверждение этого Половцов приводит следующий рассказ.

«Так, он однажды уверял Шувалова, что, хотя жена его и следит строго за расходами, и потому он не может уделять много денег Числовой [содержанке вел. князя.—*Ред.*], но что его повар, по имени Мангольд, взялся платить Числовой по 300 руб. в месяц за то, что он, вел. князь, выхлопотал этому Мангольду право содержать где-то выгодный трактир».

«Когда Шувалов был шефом жандармов, то вел. кн. Николай Николаевич зачастую являлся к нему с просьбой уладить кое-какие делишки. Раз он пришел просить о серьезном деле — о проведении Минской железной дороги по такому-то направлению, наивно подкрепляя свое ходатайство таким соображением, что если просимое им направление возьмет верх, то он получит 200 тыс. руб., коими может обеспечить судьбу незаконных детей своих. Как ни старался Шувалов доказать вел. князю, что это — взятка, он не понял или не хотел понять этого. Дело прошло в Комитете министров, и, хотя ходатайство Николая Николаевича не имело значения, тем не менее восторжествовало направление, коего он добивался. Шувалов уже несколько позабыл об этой истории, когда однажды, приехав на какой-то бал, увидал вел. кн. Николая Николаевича, делавшего ему знаки и наносившего себе ладонью удары по карману. Это означало, что он 200 тыс. руб. получил».

Рассказ о передаче бар. Штейнгелю (в дневнике фамилия его не упоминается) концессии на Владикавказскую железную дорогу излагается Половцовым в ряде близких, все уточняющихся редакций, из которых публикуем две нижеследующие: самую первую запись—от 18 июня 1871 г., т. е. запись, предшествующую времени передачи концессии, которая была утверждена 2 июля 1872 г., имеющую ряд погрешностей, и запись значительно позднейшую — от 18 декабря 1883 г., сделанную на основании рассказа того же П. А. Шувалова.

Об истории передачи этой концессии сообщают в своих воспоминаниях С. Ю. Витте (т. III, стр. 99) и А. И. Дельвиг (т. II, стр. 359—361), однако ни тот, ни другой не вскрывают всех движущих пружин этой истории. Трудно допустить, чтобы Витте и Дельвигу, этим воротилам железнодорожного дела в России, проработавшим десятки лет в ж.-д. ведомстве, не были бы точно известны все обстоятельства, связанные с каждой концессией. Но очевидно чувство «патриотизма», преклонения перед высокими именами заставляло их что-то недоговаривать, что-то путать и во-время опускать занавес, не ставя точек над i. То, на что нехватает смелости у Витте и Дельвига, это вскрывает Половцов, и его последний рассказ дает нам право сказать, что при сдаче Владикавказской дороги на концессию барону Штейнгелю имело место преступление, предусмотренное 377 ст. улож. о наказаниях, т. е. вымогательство...

К.

«18 июня 1871 г.

Последнее время шла горячая борьба о том, кому отдать постройку Кавказских железных дорог. Были три кандидата: некто Фалькенгаген, кандидат министра путей сообщения гр. А. Бобринского, Поляков — кандидат в. кн. Михаила Николаевича, наместника Кавказа, и Ефимович — кандидат Долгорукой, — следовательно, высочайше патронированный. В городе рассказывали, что каждый из патронов хвалился, что покинет свое место, если его кандидату не будет дано предпочтение. Дело кончилось тем, что Поляков, подъехав к Долгорукой, обещал дать больше денег, чем Ефимович, и получил концессию. Бобринский преспокойно остался на месте, а Поляков заплатил два с половиной миллиона. Виноват не Поляков, а матушка Россия.

18 декабря 1883 г.

Охота с Швейницем и П. А. Шуваловым в имении брата его Вартемягах. Я убиваю двух рысей. Охоты с Шуваловым особенно бывают интересны для меня, потому что Шувалов рассказывает то же самое несколько раз и, по мере того, как более меня узнает, прибавляет в рассказе некоторые новые более характерные подробности. Вот его рассказы в этот день. Первый рассказ: покойный государь находился в Ливадии с княжною Долгорукою. В Комитете министров рассмотрен был вопрос о том, кому отдать постройку Кавказской железной дороги. Комитет решил единогласно отдать концессию Фалькенгагену, предложившему наиболее выгодные условия. Журнал комитета был отправлен в Крым и вернулся оттуда с высочайшею резолюциею такого содержания: «Пересмотреть вновь с тем, чтобы отдать Полякову». Председатель Комите-

та министров граф Игнатьев, получив такую резолюцию, приказал передоложить дело в следующий доклад, но я заявил ему, что, ввиду известных мне обстоятельств, в качестве шефа жандармов, требую, чтобы дело было отложено до предстоявшего в непродолжительном времени приезда государя; дело было согласно этому заявлению отложено.

Между тем на бирже и по всему городу ходили слухи, что Поляков дал взяток на 7 миллионов рублей, чтобы постройка была отдана ему. Вернувшись из комитета, я послал за Поляковым и встретил его словами: «Вы распространяете ложные слухи о том, будто заплатили семь миллионов взяток для получения концессии; если вы не представите мне доказательств справедливости этого факта, то я вас арестую и назначу следствие». Напуганный Поляков тут же сел и собственноручно написал список лиц и сумм, им обещанных: $3^1/_2$ миллиона было обещано княжне Долгорукой, а $3^1/_2$ разным должностным лицам на Кавказе.

Через несколько дней государь возвратился из Ливадии и поселился в Царском Селе, куда я немедленно явился. Зная характер государя, я решился действовать с самого начала как нельзя более наступательно, быв уверен, что, в противном случае, мне придется лишь защищаться и, может быть, совсем не удастся перейти в наступление. Доклад всегда происходил у окна кабинета; одна сторона этого окна была тщательно защищена от холода, другая, где помещался докладчик министр, нередко давала чувствовать осеннюю погоду; между государем и мною стоял столик, на котором были приготовлены карандаши и водяные краски. С первых слов какого бы то ни было доклада государь принимался за рисование солдатика, украшая его более или менее фантастическим обмундированием. На вступительные его слова: «Et bien, que me direz vous, mon cher Schouvaloff?» [1]). Я прямо отвечал: «Sir, je suis desolé de devoir commencer mon доклад par une affaire fort désagrèable. La bourse et la ville sont pleines de bruits sur un pot de vin que Poliakoff aurait promis pour obtenir la concession de la ligne du Caucase» [2]). Слова эти произвели перемену в лице и дрожание карандаша. Государь: «Qu'est ce que vous voulez dire? que l'on m'accuse moi d'avoir pris une взятка?» [1]). Шувалов: «Je suis trop sincèrement votre loyal sujet, sire, pour qu'une idée semblable puisse entrer dans ma tête, mais on parle de $3^1/_2$ millions promis à une personne et $3^1/_2$ á un groupe de personnes» [2]). Государь: «Je vous defends de prononcer le nom de cette personne. Elle a les sentiments les plus élévés, elle est au dessus de toute attaque et d'ailleurs le tout n'est qu'une calomnie» [3]). Шувалов: «Croyez plus donc, sire, que je suis assez simple pour articuler des accusations semblables sans avoir des pièces à l'appui? Voici la liste des promesses faites par Poliakoff, liste ecrite de sa propre main» [4]).

Государь взял список и долго и внимательно его рассматривал.

После довольно продолжительного разговора государь согласился на то, чтобы концессия была немедленно отдана министром путей сообщения графом Алексеем Павловичем Бобринским не Фалькенгагену и не Полякову, а какому-то третьему кандидату. Шувалов, довольный результатом разговора, ушел в свою комнату и собрался ехать к Бобринскому, когда был снова позван к государю, повидавшему в промежуток времени княжну Долгорукую.

На этот раз произошел крайне оригинальный разговор. Государь настаивал на одном лишь обстоятельстве, что девица Шебеко, родственница княжны Долгорукой, получила от своих родителей 300 тыс. руб., что брат ее, кавалергардский офицер, выманил у нее эти деньги и растратил их, что справедливость требует, чтобы этот капитал в 300 тыс. руб. был восстановлен в руках девицы Шебеко и что поэтому Шувалов может делать, как хочет, но обязан представить эти деньги.

Выслушав подобное заявление, Шувалов поехал к Бобринскому и рассказал ему все это. Поразмыслив, они решили сообща, что триста тысяч составляют

---

[1]) «Ну, что вы мне скажете, мой дорогой Шувалов?»

[2]) «Ваше величество, я очень огорчен, что мне приходится начать свой доклад с крайне неприятного дела. Биржа и город полны слухов о взятке, которую Поляков обещал за получение концессии на Кавказскую линию железной дороги».

[1]) «Что вы хотите сказать? Что меня обвиняют в получении взятки?»

[2]) «Я слишком искренний ваш верноподданный, чтобы подобная мысль могла у меня возникнуть. Однако говорят о $3^1/_2$ миллионах, обещанных одной особе, и о $3^1/_2$, обещанных группе лиц».

[3]) «Я вам запрещаю произносить имя этой особы. Она слишком высока по своим моральным качествам, она вне всяких подозрений, и вообще все это клевета».

[4]) «Ваше величество, неужели вы считаете, что я так прост, чтобы выставлять такие обвинения, не имея подтверждающих документов? Вот документ с обещаниями, сделанными Поляковым, документ, написанный его собственной рукой».

сумму гораздо меньшую, чем семь миллионов, и потому, вызвав немедленно кандидата, предназначенного для получения концессии, объявили ему, что он получит концессию в продолжение 24 часов, но под двумя условиями: во-первых, не говорить никому ни слова, а во-вторых, внести триста тысяч на известные им обоим расходы. Разумеется, концессионер принял такое объявление с восхищением.

В следовавшие за этими событиями дни докладов Шувалов всякий раз возил государю портфель, набитый тысячею сторублевых бумажек. Ко дню третьего доклада концессионер не мог представить всей суммы ста тысяч, а привез лишь 60, обещая в самом непродолжительном времени доставить остальные 40, но государь, полный недоверия, отказался принять портфель до восполнения его недостающим числом портретов своей прабабки.

Через несколько времени после ликвидирования этого грустного приключения государь с злобной усмешкой спросил Шувалова, почему Анатолий Барятинский получил от концессионера Кавказской железной дороги 800 тыс. руб., и, когда Шувалов отвечал, что не понимает этого вопроса, то государь отвечал ему: «C'est pourtant bien simple, il est votre ami».

— «D'abord il n'est nullement mon ami et puis si vous pouvez avoir à mon adresse des soupçons pareils, il ne me reste qu'à demander ma démission».

— «Je ne comprends pas que vous avez le droit de me transmettre les accusations, auxquelles je suis en but, et que vous me refusiez ce droit à votre régard».

— «Je vous transmets des bruits répétés par tout le monde et vous me formulez une accusation qui part d'une seule personne, car il est certain qu'il n'y en a pas deux» [1].

---

[1]) «Однако это очень просто — он ваш друг».

— «Во-первых, он совсем не мой друг, а затем, если вы можете иметь в отношении меня такие подозрения, мне остается только просить об отставке».

— «Я не понимаю, почему вы имели право передавать мне об обвинениях, направленных против меня, и почему вы мне отказываете в этом праве по отношению к вам?»

— «Я вам передаю слухи, которые передавались всеми, а вы мне высказываете обвинение, которое исходит от одного лица, потому что ясно, что здесь нет двух лиц».

Ответственный редактор Я. Берзин
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. С. Топаз
Сдано в произв. 14/II—19/II 1933 г. Подписано в печать 7/III—10/III 1933 г.
Статфор. Б, 176×250 9¼ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 25 Зак. 253
Уполн. Главлита Б—27277 Тираж 3000+250

Интернациональная (39-я) тип. „Мособлполиграф". ул. Скворцова-Степанова, 3